178

Нальдека

Национальный эпос Ирана

или

Шахнаме

178
22447

Нельдеке

Национальный эпос Ирана

или

Шахнаме

224 стр.

Кама Восточный институт

Издание № 7

Нельдеке

Национальный эпос Ирана

или

ШАХНАМЭ

Английский перевод с немецкого книги проф. Nöldeke

Das Iranische Nationalepos

М. Богданова.

Издано Исполнительным комитетом
Восточного института Кама
Sukhadvala Building 172 Hornby Road
Fort Bombay.

1930 г.

ДРЕВНИЕ СЛЕДЫ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Эпические материалы древних иранцев известны нам частично из их собственных священных книг, частью через посредство греческих авторов. Авеста упоминает некоторое число мифических личностей, которых мы вновь встречаем в арабских версиях персидских легенд и в Книге царей Фирдуси. После того, как некоторые легендарные личности Авесты были выяснены более старыми исследователями в личностях, представленных в Шах-Наме[1], было доказано Ф. Шпигелем, что это не только случайные отдельные примеры, но что составители священных текстов были знакомы с личностями и сказаниями, относящимися к ним, от начала мира вплоть до времени появления закона Зороастра, в большой последовательности и в основном в том же самом порядке, как позднейшие авторы.[2] Только последние делают один шаг далее в полуисторическом новом изложении материала, поскольку они делают уже первого представителя человечества Gaya Maretra / Имени: Gaya Maretra / царем / Gayomart / Некоторые из этих личностей были, как показано их присутствием в Ригведе, уже известны общим предкам индусов и иранцев / „Арийцам"/, таковы в особенности Yima /индийский Yama /, совр.персидский Jam.

---

1) R. Roth. ZDMG, 2, 216 и д. 4, 417 и д. Windischmann. Zoroastrische Studien.

2 См. именно Шпигеля „Eranische Altertumskunde" Arische Studien 110 изд. и его оп т в ZDMG 45, 187 Разумеется, я не желаю утверждать, что каждое отдельное положение Шпигеля неопровержимо. Ср. также мои замечания в ZDMG 32, 510 изд.

Соотв. Jamshed : Thraetaona /инд. Traitana/, совр. персидский Fredhun; Kavi /Kava/ Uşan или Uşadan /инд. Uşanas/, персидский Kaos, Kavi Husrovali /инд. Suśravas/, перс. Khosrow. Или же по крайней мере они были в своей основе действующими лицами "арийской" или даже общей Индо-Европейской мифологии, как например Azi dahaka /перс. Azdaha или Dahak в арабском начертании Dahhak/. Другие могли ранее образоваться только на чисто иранской почве. Особый интерес имеет утверждение Дармстетера, что даже некоторые из менее важных второстепенных личностей из доисторической части Шах-Намэ могут быть найдены в Авесте и именно в такой же самой связи, как в Шах-Намэ[1]. То же самое можно утверждать относительно некоторых второстепенных фактов.[2] /5/.

Вся система мифических сказаний была поэтому известна составителям Авесты и они, конечно, рассматривали ее как цепь действительных исторических фактов, и отцелем было указано, что эта система имела, вероятно, известного рода хронологию, которую в общих ее чертах можно выяснить. Правда, Авеста упоминает, кроме того, очень много имен мифических личностей, которые никогда не встречались в позднейших писаниях[3], но в этом обстоятельстве нет ничего удивительного.

Следовательно, легко может быть сделано допущение, что во время появления Авесты, существовало уже формулирован-

---

1 См. в особенности Études Iraniens II, 213, 227, ср. также мой опыт "О лучшем иранском луччике" в ZDMG 35, 445 и д

2 Darmsteter цит. соч. 225 и д.

3 Число их было бы гораздо меньше без длинных синодиков в Âbân-yasht.

ное, вероятнее всего уже писанное, изложение мифической историиИрана. Однако нет необходимости для такого допущения. Можно себе вообразить, что в духовных книгах существовала краткая система такой истории, наряду с которой в тех же книгах или в других слоях населенияодновременно существовали более подробные сказания, говорящие о деталях того-же самого, но никогда не может быть известно, были ли эти сказания в настоящем эпическом стиле, в размеренной речи и может ли быть даже вообще в связной ли речи. Однако снова и снова следует подчеркнуть тот факт,что указания, содержащиеся в священных писаниях, совпадают с законченной мифической историей, известной нам из гораздо более поздних источников.Стоит отметить, что сценой этих историй по всем указаниям является северо-восточный Иран, где по всей вероятности была составлена Авеста.[1]

2. Детальные литературно-оформленные повествования, относящиеся к происшествиям прошлого, по главным образом в действительности не очень отдаленного прошлого, были сданы некоторыми греками во времена Ахеменидов , Персов и мидян /т.е. западных иранцев/. На первом месте здесь должен быть назван бывший врачем на службе царя Артаксеркса II - Ктесий, который писал в начале IV века до Н.Э. Если бы до нас дошло от него нечто большее, чем только извлечения и маленькие фрагменты, то мы, несомненно, были бы в состоянии использовать именно эти материалы совсем под другим светом. Верно, что во многих случаях небрежность произвольность, мало того, даже недостаточная правдивость могут быть указаны, как недостатки этого автора с истори-

---

[1] Возраст различных частей Авесты, как мы знаем, является крайне неясным.Но я не могу полагать,что она, как целое, так молода, как было указано более новыми исследователями.

ческой точки зрения, и неможет быть допущено, что /6/ в менее исторических материалах его источники былиполне точно им воспроизведены. Однако точно для самого важного из этих сказаний, сказания о юных годах и возрастании Кира, достоверность в основных чертах подтверждена открытием Гутшмидта[1], который доказал, что его основные контуры были позднее перенесены в собственно Персию и приписаны основателю второй персидской Великой империи Ардаширу., оно, следовательно, осталось онтовать в этой стране. Этот факт достаточно уоедительно говорит в пользу того, что вышеупомянутое предание персидского, а не мидийского происхождения. Если же, однако, несмотря на это, рассказ,как он передан Ктесием, существенно отличается от версии, любимой персами, и представляет мидийского царя в благоприятном освещении[2], мы должны только признать, что сказание сообщено нам после того, как оно было искажено мидийскими руками[3]. Доисторическая часть сказания Ктесия о персидском государстве, из которой многие места сохранены для нас Диодором /вторая книга/, дает нам наряду со всякого рода семитическими мифами и легендами в основных чертах мидийские предания. Некоторые части его историиСемирамиды, подобно рассказу об основании

---

1 ZDMG 34, 536 и д. Kleinere Schriften 3.133 и д.

2 Заметить например, что мертвое тело ставшего жертвой предательства Астиага охраняется львом. Подобно этому лев охраняет Ардашира /моисей Хар.II. 70/

3 Гутшмидт, цит.соч.ср.проницательное исследование И.Маркварта в Philologus Доп. том VI 995 и д., который пытается показать, в каких пределах существующая легенда воспроизведена Ктесием в его историиКира. В том что до нас дошло из истории о молодых годах этого царя в писаниях Диона /современника Александра Великого/ я могу видеть только передержание рассказа Ктесия, ср. однако Маркварт,цит.соч.604 и д_

Экбатаны, вероятно принадлежит этой стране /Персии/, в том числе несомненно рассказ об Арбакесе, разрушителе Ниневии и основателе Мидийской империи, также как и рассказ о Nannorus, Parsondas и о Кодузиях.[1] Прекрасный эпический рассказ, я почтисклонен назвать его романом, это рассказ о царице саков Заринее и ее преданном поклоннике Стриангее /Сриангии/[2]. Отрывки последнего показывают между прочим, что Ктесий писал живым стилем, чего нельзя угадать по извлечению у Фотия, который дает только самое существенное в общих чертах[3]. В /7/ какой степени письменные источники были использованы первоисточником Ктесия, мы не можем знать, однако эпический характер вышеупомянутого рассказа вполне очевиден.

3. Поскольку рассказ о молодости Кира у Геродота отличается от рассказа Ктесия, первый также уже давно был признан мифическим. Рассказ о покинутом ребенке, которого сука вскормила своим молоком, повидимому получил новую интерпретацию или от самого Геродота или от того лица, от которого он слышал ранее эту историю,[4] однако эта часто встречающаяся мифическая черта доказывает, что мы

---

1 Который реконструируется из Диодора и из отрывкой у Николая Дамасского.

2 De interpretatione /повидимому Дмитрием Фалер/ параг. 212 и д. Диод. II, 34. Ник. Дамаскин Anonymus de Mulierbus и д.

3 Маркварт, цит. соч. 691 и д.: пытается доказать, что место у Фотия не отрывок непосредственно из Ктесия, но из извлечения из последнего, см однако Krumholz Rhein. Mus. für Philol. NF.

4 Геродот 1.110 и особенно 122: Юстин 1,4 ,10 дает только рассказ, что его кормила сука, не пытаясь толковать его. Однако я сомневаюсь в том, что Трог или его греческий источник могли пользоваться другим источником, кроме того, которым пользовался Геродот. Гутшмидт думает иначе Kleine Schriften 5,34 и д.

имеем здесь дело с примером несомненного народного предания. С другой стороны изложение у Геродота совпадает с героической иранской легендой, какона нам известна в позднейшее время: иностранный царь /Астиаг - Афрасиаб/ дает распоряжение, чтобы персидского принца /Кир -Кой-Хозров/, сына его дочери /Мандана - Фирани[1]/ предали смерти[2], однако ребенок спасается и вырастает среди пастухов ; позднее он свергает своего деда. Положение Гарпага /хотя он настолько же историческое лицо, как сам Кир/ могло бы быть возможно сопоставлено с положением Пирака[3].

Первоначальный рассказ, возможно, включал в себя историю Кой Хозрова, которого также вскормила сука. Ибо мифический царь по всей вероятности был героем этой истории гораздо ранее, чем исторический основатель империи, но персидское изложение его жизни дошло до нас только в очень позднем оформлении. Этотрассказ о вскормленной сукой имеет опять таки свою параллельную историю в том, что передаетМоисей Хоренский /цит.соч./ об Ардашире, которого вскормила коза[4].

---

1 Таалиби передает это имя; как S jeimeh, переворачивая обе части этого имени. Более подробные сведения могут быть найдены у Юсти Iran Namenbuch 371. Мы собственно говоря должны писать Miasyab; Isfandyar, Sahryar (Sahr-yar) однако в беглом произношении гласная дифтонг перед "у" должна была звучать приблизительно вроде "i".

2 Там у арабских историографов /Динавари, 16, Табари 1.501/ в шах-Намэ царь дает позволениеоставить ребенка живым.

3 Не лишено вероятности, что Геродот мог слышать рассказ от какого либо потомка Гарпага.

4 Появление козы вместо суки должно быть основано на некотором полурационалистическом переложении: козье молоко человеческая пища. Ксенофонт произвольно выдумал свой рассказ, используя рассказ Геродота. Едва ли во всей истории есть подлинно персидские элементы.

Дальнейшая мифическая черта /8/ в рассказе Геродота это лошадь - оракул, которая предвещает возвышение Дария /Ш, 84 и д./ Должно быть отмечено, что умный жокей царской лошади Сибарес играет здесь роль, сходную с дельным советником Кира у Ктесия[1]. История о Зопире может также относиться к этой стране[2].

4. Из неизвестного источника рассказывается у Aelian Nat animal 12.21., что Ахеменес, предок самой благородной персидской семьи, был воспитан орлом. Шпигель /Eran. Alterthumskunde II. 262. П. 262/ связывает с этим рассказ в персидской героической легенде о Зале, которого воспитала чудесная птица Симург. Однако могло также быть возможным, что персидский рассказ хотел только сказать /в соответствии с хорошо известным персидским народным поверьем/ что тень Humāi /орлообразной птицы/ упала на Ахеменеса, как предзнаменование, что его потомки поднимутся до царского достоинства, как в истории моисея Харенского (цит. соч) тень орла падаетна Ардашира[3]

Кроме этого один персидский рассказ был сохранен Атенеем, 575, который заимствовал в своем сочинении от Хареса Митиленского, прежнего камергера Александра Великого, писавшего об истории последнего[4]. Было уже давно при-

1 Жокея лошади не следует смешивать с высокорожденным Сибаресом, сыном Мегабазуса. Гер. У1,33, которого маркварт из. соч. 538 правильно считает обнаруженным у Эсхила, Персы, 961 /984/:

2. Нечто в этом роде могло возможно произойти с Зопиром или Мегабазусом в царствование Дария или Ксеркса, но это начинает казаться невероятным потому, что так часто встречающаяся история кроме того, все вновь и вновь связывается с различными местами и временем. Так например Дарий также был обманут таким "Зопиром" как раз в той стране, где такая же судьба постигает Сассанидского царя / Полиан 7.12, таб. 1.875, самой перевод стр. 124. Я теперь мог бы процитировать целую серию таких "историй о Зопире".

3 Подобная история передается Моисеем о предке Ардзрунянов там же, 7. Другой след мифической истории Ирана находится по маркварту /из. соч. 576 и д/ в отрывке из Hellanicus /младший современник Геродота/.

4 Его отрывок у Müller Scriptores rerum Alexandri / после него следует

знано, что история Зариадра, брата Гистаспа, и дочери царя Одатис в существенном тождественна с историей Гуштаспа, брата Зарера /9/ и дочери римского императора в шах-Намэ.[1] Однако этот рассказ, как он дан Харесом, имеет во всех отношениях более древний и более самобытный характер. Он говорит, что эту историю очень любят народы Азии и ее часто воспроизводят в рисунках в храмах, царских дворцах и частных домах[2]. Однако здесь тоже мы не можем сказать, имел ли этот рассказ определенную утвердившуюся форму и не был ли он, возможно, выражен в

Арриан/ 114 и д. Это была вероятно не связная история, но скорее собрание исторических рассказов, описаний и анекдотов. Такой вывод может быть сделано из часто встречающегося заглавия в писаниях Атенея " αἱ περὶ Ἀλέξανδρον ἱστορίαι Остается впечатление от использования отрывков, что книга была предназначена главным образом для развлечения. К ней относятся, между прочим, место о мифическом происхождении янтаря /фр. 3/, место о жемчугах /12/, описание великой свадьбы /16/, о состязании в попойке /15/ и также наша занимательная история. Харес не был очень строг в отношении исторической точности, как показано фрагментом 1 и 2 /поскольку дело идет о фрагм. 2, в самом деле нельзя сказать с уверенностью исходит ли история о снах от него/.

1 Должно быть отмечено, что Харес так же подчеркивает переход через Танаис /Xaxartes /, как Шах-Намэ/ Vullers 1452 и д/ в соответствующей истории о переходе через большой водоем. Имя дочери императора كنايون могло бы, может быть, об"яснено именем Κωμετώ или Κωμετω сестры императрицы Феодоры, см. Прокопий. История arc 9 9 Феофан о годе 6020.

2 Так в более позднее время рисовали историю Бахрам Гура девушку и выстрел в газель /муджмиль ут-Таварих в Journ. Asiat. 1841. II 336/. С этим древним искусством декорирования стен несомненно связан также персидский обычай снабжать книги, подобные Шах-Намэ, рисунками. Стиль рисунков принадлежит, мне кажется, к гораздо более древним временам.

стихотворной речи. Даже и то не совсем выяснено, был ли названный здесь Гистасп /Виштаспа, Гуштасп/ первоначально идентичным с одноименным покровителем Зороастра как имеет место в Шах-Наме. Такой рассказ сходится с любым из этих предположений имя Гистаспес встречается очень часто .

---

1 Кроме брата Дария, это имя носил также сын последнего Гер. VII, 64, сын Ксеркса в истории Ктесия /Фотий 38, в Бекк./ и один благородный перс /вероятно принц/ в V веке до н.э. /Фукидид 1, 113/, и один бактрийский аристократ во время Александра /Арриан 7, 6, 5/. Поэтому для Ксенофонта было удобно пользоваться этим именем в пропедии.

См. мой перевод Табари 147, Имя Zarer /Zarahr/ сохранилось до нашего времени только в армянской форме Zareh , см. там же 138, прим. 6.

ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДАНИЙ

За ряд столетий не может быть найдено следа каких либо иранских эпических материалов. И все таки они все это время должны были оставаться живыми. От начала второй половины V столетия н.э. имена, встречающиеся в героической легенде, начинают часто употребляться у членов персидского царствующего дома подобно Зарер, Ковад, Джамасп, Джем, Каос, Хозров, это указывает на непрерывность илиоживление старых сказаний.

/10/ Около 500 года, не очень многим позже моглабыть также составлена маленькая "памятная книга"[1] о герое Зарере, написанная на языке Пехлеви, несомненно древнейшая героическая легенда, сохранившаяся для нас на каком либо иранском языке. Мы в ней имеем изолированную, но законченную часть героического цикла. Эпический стиль строго выдержан и книга содержит уже преувеличенные гиперболы позднейшего эпоса, хотя, по всей видимости, она не составлене в стихах. Рассказчик предполагает, что читатель знаком с личностью и с общим ходом событий, именно предполагается, что известно, что во время событий, описанных в небольшой, но очень важной главе книги, главным героем на стороне Ирана был Спандедат /Исфандияр/. Следовательно, это указывает, если все видимости не обманывают.

---

[1] Geiger Yātkāri Zariran und sein Verhältnis zum Shahname (Sitzungsberichte der K. bayer. Akad. philos.-philol. und histor /1. 1890, 243 и д/ ср. мои "Persische Studien" II /Wiener Sitzungsberichte. Philos. histor/ 1, 1892/ и мои примечания в ZDMG 26, 136 и д., перевод на языки гуджерати и английский Sivanii Samshedii Modi [illegible] вышел в Бомбее, 1899 г. Пехлевийский текст, насколько мне известно, никогда не был издан.

на явление, часто встречающееся в эпических повествованиях у различных народов, что материал, которым пользовались для этого произведения, общеизвестен; отдельные части этого материала художественно связаны; из этого материала позже посредством комбинирования, выравнивания, пропусков и нового построения может быть образована законченная независимая эпическая история.[1] Основные черты истории Зарера могут быть найдены в сокращенной арабской записи у Табари, с которым соответствующий текст в Шах-наме совпадает полностью, частью почти буквально; это указывает на тот факт, что он должен был быть ранее воспринят в древнюю общую запись, лежащую в основании великого эпоса. Мы встречаем там только один случай важного отклонения. В книге /11/ Зарера, которая нарисовывает только один эпизод, армянский царь Ардхасп взят в плен как раз в первой решительной битве и посылается обратно в свою страну сильно искалеченным, тогда как в истории Табари и в Шах-наме война против него продолжается еще долгое время. Когда книга Зарера была включена в большое собрание, вышеупомянутое отличие должно было быть исключено.

---

[1] Здесь я не имею ввиду излагать какое либо схематическое мнение относительно происхождения великих эпических поэм. Скорее наоборот, я был приведен моими собственными изысканиями к утверждениям, сделанным Комбаретти /в его отличной книге о Калевале/ к признанию того факта, что эпопеи различных народов создавались очень различными путями. Возьмем, например, сербов, так восхитительно одаренных и поэтически способенно эпически, которые оказались вовсе неспособны создать какой либо великий эпос. Поскольку я еще разделяю по отношению к Гомеру мнение Вольфа в его общих чертах, как противоположное мнению Комбаретти, я могу судить о доктринерском предприятии Лахмана восстановить основные составные части Илиады только с той самой точки зрения, с которой на него теперь все смотрят; позорное рискованное предприятие по отношению к Нибелунгам закончилось полным провалом. Стоит отметить, что в Atjeh / Суматра/ создается даже в наши дни популярный эпос не закрепленный письмом о сюжетах самого раннего прошлого, таким же путем, как Демодок в Одиссее воспевает современные события, и Сирены обещают сделать то же самое /Од. XII, 185 - 191/, см. Snouck Hurgronje. De Atjehers. Deel 2. 106 v.

Сходные произведением должно былобыть также то, которое было переведено Ибн-Макаффа, в котором прославляется Исфандияр, Масуди II, 44. Если это то же самое произведение, которое упоминается у Масуди II, 118, тогда оно должно быть включало большую часть мифической истории[1].

7. Другое полуэпическое сочинение Сассанидского времени, которое имело свое отражение в писаниях арабов и в Шах-намэ, и сохранилось до наших дней, это книжечка на пехлеви о деяниях царя Ардашира и частью его сына и его внука[2]. Это произведение могло быть составлено около 600 года. Очень замечательно, что вещи такие романтические, мало того, даже чисто фантастические могли быть передаваемы об основателе империи, об истории которого, как можно видеть из сочинений арабских историков, существовали еще очень точные исторические записи, здесь он описывается даже как сражающийся с драконом.[3] Но эти истории ~~достоверно~~ несомненно популярны, мы видели выше /*2/ что главные контуры рассказа о Кире были перенесены на Ардашира. Соответствующее место в Шах-намэ может быть прослежено по его происхождению /что было вновь подтверждено

---

1 Пехлевидское название едва ли может быть восстановлено из различных писании /ср. вариант стр. 447/. Начало слова могло конечно скрывать название замка, воздвигнутого Исфандияром в стране аланов. Слова Масуди 44 относительно стихов, в которых прославляется Исфандияр, не должны приниматься буквально. Я тщетно пытался найти в Указателе, что здесь дано Масуди.

2 См. мой перевод: Geschichte des Artachsiri Papakan. отделаний оттиск из Beiträge zur Kunde der Indoger. Sprachen 4 Bd. ~~у Вл.~~ Геттинге 1879/

3 Наилучшая параллель несомненно находится в Карле Великом, о котором существуют точные сведения и даже аутентические записи, и который через немного столетии стал совершенно легендарной личностью, как это изображено во французском эпосе. То, что с личностью Ардашира были связаны другие чудесные сказки, показано в к несчастью слишком кратких указаниях в истории Моисея Харанского. II, 70. Отдельные черты этого эпоса могут быть идентичны с таковыми же в Kōrnāmak

повторными обстоятельными сопоставлениями_ сделанными мною/. до книги, о которой идет речь, однако не непосредственно, а через только один промежуточный текст, немного отличающийся от оригинала. Только одно важное место, то, которое говорит о диких ослах, отсутствует в Шах=наме / Karnamak 61/. Кроме этого, пропущены только небольшие частности, такие, как имена и ссылки на старую религию, которые могли бы оскорбить чувства мусульманских читателей. Здесь и там /12/ рассказ немного сокращен, напр. при начале сражения с червем / 1931/[1] - с другой стороны, Фердуси получил в добавление три важных места /1/ Чудесную историю о происхождении дракона, который развился из червя в яблоке, /2/ Рассказ Combabus[2] о рождении Шапура и /3/ Описание игры в поло у Шапура[3]. Из этих мест 31 вероятнее всего оригинален, а два другие, учитывая то, что они находятся уже у Табара, должны были быть добавлены в довольно ранние времена. Был ли Karnamak включен в общий свод иранской истории в ранние времена, это может казаться сомнительным, так как арабские сочинения воспроизводят только немногие черты его/Табара высказал два различные, но совсем смутные упоминания истории с драконом/, тогда как в других слу-

---

1 Я цитирую Шах=наме по изданию Vullers - Landauer просто с номером, стихи, цитируемые из Turner - Macan обозначены через m с номером.

2 Также Динавари 45 и д. ср. Lucian. Dea Syra 19 и д.

3 Это также у Динавари 46, тесно связано с историей Combabus'a

чаях они предоставляют много информации из надежных древних источников.[1]

8. Старая героическая легенда должна была подвергнуться в течение времени до конца империи Сассанидов многим изменениям. Многие записи были утеряны, что является основанием того что мы не имеем сведений в позднейших записях относительно многих мифических личностей, упомянутых в Авесте. Можно было бы считать невозможным, чтобы какие либо существенно новые материалы могли быть добавлены к уже существующим, и однако два очень важных новых элемента проникли в героическую легенду во время Парфянского или Сассанидского периода. Первый в известной степени исторический. Между арабскими авторами также, как в поэме Фирдуси, некоторые из древних героев носят имена, которые опять встречаются нами между Арсахидскими принцами. В первую очередь здесь должны быть упомянуты Годгарц и его сын Гев /первоначально Vēv /соответствующие царю Готарцесу и его отцу Ге[2]. К этим двум Miladh /отец Гургина/ был добавлен /13/ Марквартом, который остроумно признал в нем совершенно правильную трансформацию имени Mihrdot, Mithradot[3]. Это имя носили несколько

---

1 Предполагается, что эта история заимствована из "Царских записей" / βασιλεται διφτεραι о Сасане, Пабеке и Артаксоре в книге у Агафия, II, 27, который писал около 580 года. Это конечно злонамеренное искажение, вернее всего старания какого либо христианского подданного персидского царя. Пабек представлен здесь как сапожник, это однако соответственно часто встречающимся пониманиям в шах-намэ, ~~это~~ представитель самого низкого класса народа и т.д. Однако вероятно, что рассказ сходный с книгой, о которой мы говорили, или даже более древний текст его был известен историку, которым пользовался Агафий.

2 См. мои Persische Studien II, 31.

3 См. тоже, прим. 3, ср. [illegible] около Кума 148. (Mihr dādkart) Ibn Faqih 265, 2, см. ZDMG 33,

парфянских царей, между другими сопровитель Готарцеса, который является уже у Тацита в более древней форме Meherdotes /49-50 г. н.э./[1] Это имя встречается также в арабском списке Арсакидов, Hamza 26, /после этого Бируни 115/ упоминает некоего Ho(3 خسرو بن) Ho(3 خسرو) /Leid/ список خسرو и так также всегда у Tha'alibi "Хозров сын Милада"[3] Далее у Фирдуси встречается между героями времени Kaos очень часто Фархад, т.е. Фротес /Фрот/, имя, которое носили целый ряд парфянских царей.

Вопрос о том, имеем ли мы право опознавать в شكشر /736,328 и в других местах/ искаженную форму Aschk-Arschak должен остаться открытым. Однако если мы посмотрим на списки Арсакидов у Арабов[4] и Фирдуси /м. 1364/, мы находим здесь несколько больше имен, встречающихся в героической легенде. Этими списками следует, конечно, пользоваться с крайней осторожностью, но нет основания, почему мы должны рассматривать имя, содержащееся там, как измышленное. Нам приходится несомненно иметь дело большей частью с боковыми

---

1 Гутшмидт, Geschichte Iran's 127.

2 Арабские авторы, не понимая обозначения отчества в " an " добавляют часто перед ним "ibn", сын, это соответствовало бы Ἀχίλλευς υἱὸς Πηλείδου.

3 Бахрам Чубин, который был свергнут с трона Сассанидов на некоторое время в 590 г. н.э. был, согласно Шах-наме, потомком этого часто упоминаемого Milādh /м. 1877,5, 1880,19,21, 1881,4/ и был Арсахидом /1879/. Возможно имя княжеского дома Mihrān, к которому он несомненно принадлежал, и который был арсакидским, имеет свое происхождение от какого нибудь парфянского царя или князя по имени Mihrdot (Mithradot)

4 Табари, Хамза и Бируни.

ветвями царствующего дома, из которых, как мы знаем, существовали несколько. Здесь мы находим прежде всего имя главного героя Шах-нами Безана / Vejan /[1], сына Gev и внука Godarz, далее Shābur /681,27/ и часто кроме того[2] /, с которым должно быть также связано обозначение /14/ отца часто встречающегося Zongei Shāvarān[3] и Бахрама, сына Godarz /584/[4].

В شيطرخ мы могли бы опознать /391,350/ с уверенностью Σανιτρούκης или Σινατρούκης[5], что первоначально передавалось в некоторой форме, подобной شنطرخ или какой то сходной. Второстепенные личности называются у Фирдуси часто некоторыми воспринятыми именами, и несомненно имена "Бахрам" и "шахпур" были самые подходящие. Однако большое число совпадений решает в пользу того мнения, что простой случай мог играть очень выдающуюся роль. Кроме и

---

1 Безан является в некоторых списках Арсакидов, как царь или по крайней мере как племянник царя по имени Godharz и как отец другого царя Godharz. Искажено у Табари в ابران 1.710, иначе Mufātih al'ulum 102.1.

2 Во всех списках.

3 Таб. 1,514. بره بن سابر بهان. Я не знаю, является ли Zonga или Zanda правильной передачей пехлевийской формы.

4 В двух из списков дважды упомянут, как царь, в другом однажды Mufatih al'ulum 101 и д. содержит даже трех арсахидских царей с этим именем.

5 Более искажено в форме الساطرون являющейся рифмой в часто цитированном /уже у Ибн Hisham 48/ стихе, рифмой воспринятой у Buhturi Hamasa стр. 131. Этот стих везде приписывается до исламскому поэту Абу-Дуаду. То, что под этим Sātirūn имеется ввиду тот же самый Sanatrukes было доказано G. Hoffmann. Pers. Martyrer 145. Передает ли Σανατουρκης в Истории Йемена /Hoffmann там же/ правильно форму имени абиссинца, и является ли это следовательно парфянским именем или же оно лучше передается через مسروق как в арабских традициях, это должно остаться открытым вопросом.

6 См. выше параграф 5.

сверх этого, все эти люди появляются одновременно, при царствовании Каоса, составляя таким образом известную группу. Несомненно могло бы быть принято, что члены дома Арсахидов были названы по героям легенды, что имело место в более поздние времена у Сассанидов и затем опять у Сельджукидов малой Азии, но против этого говорит самым решительным образом то обстоятельство, что даже Gōdharz, Gēv и Bezan которые одни только играют преобладающую роль, не являются царями, не говоря о личностях, подобных Фархаду и т.п.[1] И совсем невероятно, чтобы принцы царствующего дома могли получать имена по второстепенным лицам легенды и быть в самом деле названы по самым неважным из них. Поэтому я думаю, что могло бы быть принято, что вследствие большого влияния, которое имели великие дома Арсахидского происхождения, которые сохранили втечение всего времени царствования /15/ Сассанидов свое звание принцев[2], их предки были включены в национальную легенду. Последние занимают здесь положение более или менее подобное по отношению к царю тому положению, которое руководящие члены высшего дворянства занимали в Арсахидской и позднее также в Сассанидской империи. Если бы мы знали генеалогию таких семейств, мы могли бы быть в состоянии выяснить некоторые обстоятельства, переданные в героической легенде. Так например то, что Gosnvādh отец Godharz'a был братом Kāren'a /по араб=

---

1 Во всяком случае имя парфянского царя Osroes /в начале II столетия н.э./ идентично с царем Husravah /Хозров (Khosrow)/ одним из самых древних мифических персонажей, но это имя еще и позже применялось очень часто, многие из армянских царей носили это имя /Хозров/ Chosrov так назывался один армянский фельможа /Моисей Хор. ш.55/ и один сассанидский принц в начале V века.

2 Эти семейства иногда пред"являли претензии, что они более древняя или по крайней мере настолько же древняя знать, как дом Сасана, см., например, мой перевод Табари 480 и т.д. /Динавари, 107 и д./

ски Qaren /основателя могущественнейшего дома Арсахидов, которого так звали /см. мой перевод Tabari стр. 127 и д/ В противопоставлении Tos'a, сына царя Nōdhar'a / Ab. Naōtara /[1] и Godharz'a, когда последний обрисован в довольно неблагоприятном свете, мы имеем вероятнее всего пример соперничества двух больших семейств. Во всяком случае знатность Tos'a гораздо более древняя, так как он является Tusa сыном Naōtara из Авесты, причем его имя неправильно пишется с долгойгласной[2], вероятнее всего в связи с ошибочной идентификацией с родным городом Фирдуси, который, как предполагается, был назван по его имени. Если эта гипотеза правильна, тогда часть героической легенды, в которой Godharz /правда в сильном контрасте с парфянским царем Gotarzes[3]/ стал образцом всех добродетелей, сохранила его личность с точки зрения одного семейства, которое считало свое происхождение от него. Тем, кто считают пересаживание исторических имен /так как в этом случае от личности остается только одно имя/ в доисторические времена все же невероятным, несмотря на все перечисленные выше примеры совпадения, следует напомнить тот факт, что только что упомянутый Karen, представитель дома с этим именем, процветавшего при Арсакидах, Сассанидах и даже во времена правления Аббасидов, перенесен даже в более отдаленное прошлое в /16/ качестве брата кузнеца Кавэ[4]; правда

---

1 Sahi Nōdharan Tos, Shahnameh 1068, 49, 1109, 770/ Nodhar в множественном числе, подобно Naotara или Naotairia в Авесте.

2 В письменах Пехлеви краткое "и" пишется подобно долгому, так что 1911 может обозначать Tos, Tūs или Tos. По существу если Tusa не имеет отношения к городу с этим названием.

3 См. Gutschmid. Kleine Schriften. Ш, 43 и д., его же Geschichte

здесь нет ничего другого, кроме имени, так как он не имеет определенного оформления, как личность. Подобно этому и Gotharz прослеживает свое происхождение прямо от кузнеца Кавэ, 755, примечание 1 /см. 2,3,8/. Могло ли быть возможным, чтобы Ахеменидские цари сами присваивали себе такое генеалогическое древо?

9. Последнее, но не наименее важное, если все что мы видим не обманывает, даже целый ряд событий, которые произошли при окончанииУ века нашей эры были отнесены в прошлое в героическую легенду. Царь Пероз погиб без следа в битве против северянина Haital где то около Sehistan в 484 году, страна была разорена варварами врагами, но глава дома Karen как предполагается /согласно указанной традиции/ восстановил честь Ирана и принудил врага заключить мир. Точно такую же самую роль играет другой Карен в древнее время, когда царь Nodhar взят в плен в битве против северных врагов около Sehistan и предан смерти, после чего варвары распространились по всему Ирану.[3]

Большое сходство событий в обоих примерах едва ли может быть случайным. Если мое мнение правильно, тогда могущественный дом Карен , поддержанный национальным тщеславием, мог быть способен даже в такие поздние времена достичь не только того, что деяния его блистательного предка были чрезмерно приукрашены, но даже и того, что они были отнесены в далекое прошлое в сходной /с исторической/ мифической ситуации.

---

[4] Шах-наме, 96,688, 103,769 ид., 265,369 и т.д. Согласно другой /в самом деле более древней/ версии, Карен является напротив потомком Tos и Nodhar /там. 1,878/

[3] См. мои Persische Studien II, 29 и д.

10. Гораздо более важен, чем вышеупомянутый, для иранской героической легенды другой элемент, включенный в нее в более поздние времена, однако по всей видимости часто мифический элемент. О величайшем герое Шахнамэ Рустеме так же мало упоминается в Авесте, как и о его отце Зале и Дастине. Шпигель /Arische Studien, 126/ думает, что они были несомненно известны, но сознательно игнорированы Авестой по той причине, что их не любили жрецы. Однако это в высшей степени невероятно. Если бы составители священных писаний считали Рустема неверующим, они вполне имели возможность говорить о нем неблагоприятно; несомненно они смело выпукло изображают многие сомнительные деяния своих самых прославленных героев. Тот факт, что Рустем был генеалогически связан с Sām Keresāspa, нисколько не доказывает то, что он первоначально принадлежал к кругу /17/ героев Авесты. Эта генеалогия была искусственно соштопана. Keresāspa упоминается в Авесте между многими царями и именно в этом своем качестве он появляется в Шах-Намэ и в других источниках, дед Рустема сам вассал, также как отец или предок последнего Karshasp [1], который фактически идентичен с Самом. Таким образом ради генеалогии Keresāspa был разделен на двух личностей. В так называемой "Гершасп-Намэ" Ythrit /или Ytrit / также сделан предком Рустема, как отец Каршаспа / это определенно „Thrita", один из "Самов" Авесты, но нам приходится здесь иметь дело с

[1] 237,86. Это имя обычно произносится Garshasp. Учитывая однако то, что "g" и "k" никогда не различаются в персидских рукописях, мы по крайней мере имеем право восстановить в этом имени "k", хотя нет никакой гарантии того, что Фирдуси уже применил неправильное начертание с "g", как с другой стороны не исключена и возможность, что он произносил это имя совершенно правильно и согласно с фонетическими законами " Karsasp " /или с другой гласной в начальном слоге/. Таким же точно образом было бы более правильно произносить имя کرسیوز, которое теперь везде считают начинающимся с "g" лучше с "k"/ Karsevoz или Karsivoz /, так как древняя форма этого имени Karesavazda см. Юсти Namenbuch. 162. Так же и в обратном

чисто научной транскрипцией[1], так что здесь не может иметь место настоящее предание. С другой стороны Рустем и Зал локализованы самым решительным образом в Сеистане /Дратиана/ и Забуле /Арахозия/, области, которая, правда, не безызвестна в Авесте, однако находится очень далеко от родины этой книги. Именно то, что эта область является местом их происхождения, показывает, что они принадлежат совершенно другой легендарной истории, чем другие герои. Кроме того и важнее этого должен быть учтен их характер в гораздо большей степени, особенно баснословный. Зализар, т.е. "седой старик", по своему настоящему имени Дастан, родился с седыми волосами и оставленный в пустыне был воспитан гигантской птицей Симург, которая находится также в самом близком отношении к его сыну. Однако такая птица появляется в битве с Исфандияром, как существо, принадлежащее к миру злого и Зал также наделяется обладанием магическими силами, что

порядке имя отца Jodharz как показано Юсти. Там же 114, должно произноситься с начальным "g" goswad а не koswad, потому что Табари 1.608.617.11 пишет его с ج

2 м. 2132

1 Фонетически персидская форма была бы что-нибудь подобное Sid.

2 "Zāl" и "Zar" это параллельные формы, обе обозначающие "старый", но эти слова применяются также, как прозвания.

может возбудить известные сомнения.[1] "Имеющий телослона" Рустем это герой /18/ с совсем сверхчеловеческой силой. Это находится вероятнее всего в связи с тем фактом, что будучи через свою мать в родстве с дьяволом - царем он обладает известной долей силы дьявола, он также служит доброму делу и покоряет гигантского белого Дэва в собственной пещере последнего, а также многих других демонов. Особенно характерно для него приключение с демоном[2] Неотделим от него его гигантский конь Рахш[3]. В высшей степени удивителен способ, которым Рустем погибает. Его зло=

---

1 См. ниже параграф 35 в конце. Однако в Minokhirad 2,37 эта птица определенно рассматривается как доброе существо Моисей Харенский говорит, что он имел силу 120 слонов.

2 Я имею подозрение, что كوان в источнике Фирдуси могло быть опиской переписчика вместо اكوان, или что это слово сам поэт читал ошибочно или сам его видоизменял, так как он несомненно имеет обыкновение обращаться очень произвольно с собственными именами, тогда бы это имя обозначало именно Akamanno /Akamon/ личного врага Vohumanno / Bahman /. Шпигель / Eran. Altertumskunde 1.637/ подходит к тому, чтобы высказать эту идентификацию, но остановился перед тем, как сделать вывод, не напав на мысль, что ошибка в отношении искажения слова могла быть связана с его арабским начертанием. Дикий осел в виде которого Акван обманывает Рустема относится, бесспорно, к добрым созданиям, но он здесь подходит ко всему как дикий дверь с пристрастием и встречается также в других примерах совершенно подобным же образом /1094 и д м. 1846 и д./ в качестве обманывающего образа.

3 Raxš, применяемое как имя прозвания, встречается например в Шах=намэ, 817,814 Wis u Ramin 127.6 · 310 Около 65 лет тому назад Эвальд однажды высказал мне мнение, что это слово семитическое / רכש (רכש) Последнее имеет несомненно главным образом собирательное значение /в еврейском языке оно встречается в значении /табуна/ чистокровных коней/. Было бы фантастично устанавливать связь с индийским raksás "демон". "Raxš" должно значить "темно=караковый", по мнению других "светло гнедой". Это может в известной степени совпадать с описанием 287,93 и д. Халатьянц переводит соответствующее армянское выражение, встречающееся вписаниях Григора Магистроса /— ум. 1058/ через "лисьего цвета". Во всяком случае это слово не должно быть поставлено в какую либо связь с raxš "сияющий".

намеренный брат / который никогда не упоминается в других местах/ устраивает, что он должен упасть вместе с Рахшем на блюдо, наполненное копьями и мечами, где он хотя и умирающий оказывается однако способным пронзить своего изменника брата стрелой через ствол дерева.[1] Если он, будучи включен в собрание рассказов, считающихся историческими, является в других случаях как герой, человек превосходящий других людей только настолько, насколько, скажем, Ахилл превосходит своих товарищей по оружию, то это только второстепенное изображение его личности. Вероятнее всего также, что долговечность Рустема также, как и его главного врага Афрасиаба это только результат того, что их ввели в войны, которыми руководили /19/ различные цари, времена которых считались очень отдаленными.[2] Эти сказки вероятнее всего принадлежат иранскому коренному населению Дрангианы и Арахозии и не занесены сюда ими из их северной родины во время их вторжения в страну, которая была позднее названа по их названию /Сакастан, Сегистан, Систан[3]

---

1 это могло быть видоизменением естественного мифа.

2 Правда, что все эти цари наделены царствованием в 100 лет и более. Годгарц также живет до крайне преклонного возраста. Очень старый возраст приписывается многим национальным героям: Карл Великий имеет свыше 200 лет в битве при Ронсевале /Песнь о Роланде, 3024, 3039-3052. Gautier / Сербский герой марко кралевич умирает в возрасте 300 лет / Talvj. serb. Volkslieder 1853 125. Vogel Marko Kraljevitj Введение 71/, русский рицарь Ыья имеет даже 350 лет / Stern. Wladimir's Tafelrunde 37/. Однако жизнь Рустема считается в 500 лет, жизнь его отца еще дольше и это не старит Рустема .

3 К концу II столетия н.э. см.Гутшмидт. Gesch. Irans 78, были ли эти Саки, как теперь признают, действительно иранцами, мне кажется еще не доказано.

первоначальная форма этого имени или по крайней мере его переходная форма исчезла не везде.[1] Армянин Моисей Хоренский /который, кажется, писал, согласно новей им исследованиям, в VII или VIII веке/ знает даже и о других деяниях Рустема, кроме тех, которые упоминаются у персов[2]

Целая иранская героическая легенда, которая стала особенно оживленной через включение героев юго-запада, была соответственно оформлена в отношении ее общего контура вероятнее всего задолго до падения национальной империи.

11. В течение столетий всякого рода иностранные элементы могли красться в иранские жреческие и национальные предания. Стоило бы обратить внимание на иудейское влияние, однако сразу же очевидна передача черт баснословной личности Соломона, как царя мира, Джемшиду, что было отмечено уже Шпигелем.

---

1 [illegible] в пехлевийской книжке об основании города /не ранее конца VIII столетия/. Один парси XIV века пишет [illegible]. Мало того, даже в Шах-намэ встречались переходные формы. Словарь Абдалкадира /изд. Залеманна/ регистрирует стих, 228, 1769 с [illegible] /наши издания исправляют это в [illegible] и другой еще не отысканный стих с [illegible] (— v —) рифмующий с [illegible] Это было в свое время указано мне Горном. Я был поэтому неправ, когда утверждал, что форма [illegible] была форма искусственно конструированная. Следует также отметить, что магическая мандейская ветвь Pognon № 21 имеет надпись (бикпон) [illegible].

2 Может ли имя Рустема быть опознано в имени армянского епископа Аростомо, который, как предполагают, был римского происхождения. Он встречается в книге Фавста Византийского, 265. Мое внимание к нему было привлечено Hübschmann'ом. Alfarmenische Personnamen в юбилейном издании в честь Roth. Это вопрос, который мог бы быть разрешен каким нибудь критическим арменистом, который предпринял бы об"яснение самого Фавста.

3 Когда Shu'ubi /что само по себе означает, что он был врагом арабов/ 'Allan называет Tahir в своей хвалебной песне "Подобный Рустему на вершине благородства" /Якут. Иршад, 5, 68/ он желает указать, что указанный княжеский дом был заинтересован в национальной легенде. Это совпадает с тем, что нам известно из других источников. Форма [illegible] встречается также в одном стихе в версии Наср-уллы, повесть Калила и Димны, 344,4.

то, что мифическое еще продолжало жить в памяти народа показывается, например, могилой /21/ Кой Хозрова в Сузах, которая упоминается армянином Sebeos /VII век/ и которая считается специалистами из западных исследователей могилой Дария /христиане вообще предполагали, что это могила пророка Даниила/ см. Hübschmann в ZDMG 47,625, у которого было указано противоречие с общепринятой сказкой, по которой Кой Хозров был унесен. И в то время, как сирийский текст романа об Александре ставит везде Хозров вместо Керкса, переводчик на пехлеви, которому первый следует, также всегда имел ввиду мифический прототип царя.

12. В предисловии к Шах-наме, которое было написано по распоряжению внука Тимура Байсонгура /1425-6/ сказано, что персы и среди них особенно Хозров I /531-579 г./ имели склонность обладать хрониками прежних правителей, собранными, как следует.[1] Этот источник не очень надежный, особенно для более древнего времени и утверждение очень неопределенное, так что я не имею склонности придавать очень большой вес имени Хозрова. Но очевидно, что в его время записи по истории царей уже давно существовали, по крайней мере какие нибудь списки правителей с датами их царствования и другими краткими информациями И они в самом деле начинались первым царем /собственно первым человеком/ Гайомартом, так как только таким путем может быть об"яснена определенная последовательность /царей/ и многих менее важных частностей. Сассаниды рассматривались ими как законные наследники и потомки первобытных мифических правителей. Делать различие между мифическими и историческими временами,

---

[1] См. Масуди, персидское предисловие.

это было даже более чуждо умам персов, чем умам афинян IУ столетия до н.э., которые считали недавно выдуманные сражения их предков с Амазонками настолько же историческими, как смелые подвиги при Марафоне или Саламине. Можно сказать, что ничего не было известно об Ахеменидах, передавался только один факт, что один из Дариев /Дара/ был убит зловредным Александром и что другой Дарий царствовал перед вышеупомянутым.[1] Первый Дара, как предполагалось, наследовал прямо последнему мифическому /22/ царю Бахману /внук Виштаспа/[2] От какого то сирийского автора, который делал извлечения из греческих летописей, люди получили сведения о великом царе Артаксерксе /Artakhshatr, Ardashir/, имя которого со времени основания Сассанидской империи стало опять всем известно и который был немедленно идентифицирован с вышеупомянутым Бахманом.[3] В то же время прозвание "Longotanus" μακρόχειρ /длиннорукий/ было также воспринято вместе с именем, и если оно не встречается в Шах-намэ, может несомненно найдено в арабских писаниях[4]. Это не случай

---

1 Ахеменидские имена Артаксеркс и Дарий встречаются в Македонско-парфянском периоде, когда их носили здесь и там принцы Ирана и примыкающих стран; они особенно часто употреблялись в собственно Персии.

2 Что Виштаспа, покровитель Зароастра, это историческое лицо, может быть, я полагаю, принято без каких либо оговорок, пока не доказано противное.

3. Эта идентификация была впервые записана Ибн-Калби/умер около 820 г./ в Табари, 1, 687, но соответствие между Фердуси и арабскими писателями ведет нас далее.

4 Прозвание μακροχειρ пришло летописцам от Динона /Евсевий и т.д./ Бируни имеет в таком хронографическом списке еще греческую форму [illegible], к которой он прибавляет ее буквальный перевод tawil alidain /"длиннорукий"/ Другие Таб. 1, 686, Hamza 37 /Biruni 105/ Muf 100, имеют tawil albāy "тот, кто захватывает далеко", что, возможно, ближе к первоначальному значению греческого слова.

подлинной персидской традиции. О том, что сопоставление хроник не было сделано вполне произвольным образом, становится очевидным из того факта, что о долгом периоде правления Арсакидов здесь практически ничего нельзя найти, кроме имен и цифр; этот факт, что относительно них не существовало никакого предания. Даже в отношении некоторых древних легендарных царей положение вещей было такое же самое. Как далеко какое либо более детальное повествованиеможет быть связано с этими списками правителей, именно для мифического периода, это мы не можем сказать. Во всяком случае мы знаем через Агафия, что во времяХосрова 1 существовали заботливо сохраненные Περσικοὶ βίβλοι = Βασιλικὰ ἀπομνημονεύματα/ IV,30/ Βασιλικοὶ διφθέραι /II,27/ где имена Сассанидских царей с относящимися к ним хронологиями были записаны. Насколько точны были данные этого списка /или этих списков/ может быть видно из того, что Агафий нашел в них через своего ученого друга Сергия и что он имеет сказать нам об этом. Едва ли подлежит сомнению, что эти хроники давали также записи о царствующих династиях периода перед Сассанидами, начинающегося с Гайомарта. Дальнейшим доказательством существования такого собрания рассказов является упоминание о лишенном трона и заключенном в тюрьму царе Гормизде, выражающем желание, чтобы опытный ученый муж был послан к нему с книгой чтобы говорить с ним о прежних царях, Шах-намэ м. 1868,17 и д. /23/ Таким образом здесь предполагается и ,конечно, правильно, что в 590 г. н.э. существовала книга, в которой были рассказаны истории прежних царей.

13. Предисловие Бахсангура содержит также определенное утверждение, что в царствование последнего Ездегирда /вступил на трон в конце 632 или в начале 633 г., с 637 г. бег-

лец; погиб совсем лишенный власти, вероятнее всего в ноябре 651 г./ дихкан Данишвар[1] составил с помощью прежних копий законченную хронику персидских царей от Гайомарта до Хозрова II /590 - 628/. Довольно краткое прозаическое предисловие упоминает среди многих источников персидской истории также Farrukhān или Farrukhani[2] высокого мобада у царя Ездегарда и гаммина "слугу царей". Оба предисловия изобилуют баснями и смешивают многие вещи, однако, я думаю, здесь есть кое что верное в основании этих неправильно понятых записей, которые дошли до нас через столько рук. Сравнительно далеко идущее соответствие между арабскими записями и Шах-намэ доходит до смерти Хозрова II и решительно указывает на то обстоятельство, что тот источник, который был для них общим, был написан через небольшое время после этого момента. Патриотический и строго легитимистский его характер, который ясно показан во всех его размышлениях, также как многие менее важные частности дают уверенность, что первоначальное сочинение было составлено в тени трона и ранее падения империи. После коронации молодого царя Ездегирда в священнейшем городе Истахре /Персеполе/ под охраной могучего Рустема можно было ожидать, что злые смуты прошли и миновали и что новый золотой век наступил для государства, этот момент был самым подходящим для составления

---

1 Дихканы составляли, как мы знаем, низшее поземельное дворянство и считается, что они были настоящими хранителями национальной традиции, см. введение моля к его переводу Шах-намэ /издание в октаво/ VII и д., мой перевод Табари, 440. Имя Данишвар подтверждается рукописью Британского музея, добавл. 27,257, с которой Ethé был любезен справиться для меня. Понимать слово Данишвар как прилагательное, обозначающее "опытный", как я думал раньше, едва ли допустимо.

2 Так в лейденском манускрипте Шах-намэ /который дает Farrukhani / В Страсбургском манускрипте второе имя пропущено. Текст этого введения, недавно добавленный к Cod. брит. музея, доб. 21, 103, копию которого я имею, пропускает оба имени, и также Wallenbourg „Notice sur le Shah namah" /Vienna 1810 г/ не имеет упоминания об этом

канонической истории государства. После битвы при Qādisīyeh /636 или 637/, которая положила ужасный конец /24/ этой мечте, ничего в таком роде нельзя было более думать. В пользу времени Ездегерда говорит также тот факт, что его дед Хозров II прославляется или может быть оправдывается в этой книге, в то время как его сын, который предал смерти своего собственного отца и братьев, в числе последних также отца Ездегарда, безоговорочно осуждается.

Уже несколько раз упомянутое временами, именно в истории Сассанидов, почти буквальное совпадение записей у арабских историков /которые, правда, дают в целом несколько сокращенный рассказ/ с Шах-Намэ позволяет нам получить более или менее определенное понятие относительно содержания и всего характера этого сочинения. Эпический тон, показанный книгой Зарера, в главном включенной в сводное сочинение, часто выявляется также и в арабских сообщениях. Здесь национальная традиция была сгущена в одном сочинении, естественно не традиция простого народа, но имеющая дело с высшим дворянством и жречеством, которые были тесно связаны между собой. Понятия этих двух классов, которые были крайне могущественными в Сассанидской империи, проявляются повсюду. Характерны также речи с трона, которыми цари начинают свое царствование. Целью книги не только периода героической легенды, но также в ее позднейших чертах, было служить для развлечения. Персы всегда очень любили морализирующие речи, которые естественно имели очень малое отношение к их морали в жизни. И в об-

---

[1] Hamza 16,24,64. Фирист /указатель/ 118,27,305,12.

щем книга была полна речей; крайняя болтливость персов и их склонность к риторике делала эту книгу очень подозрительной.

Язык книги был пехлевийский, единственный письменный язык, который был в употреблении у персов в это время. Ее название почти несомненно было Khvatāinā-mak, в позднейшем произношении Khodhāi-nameh, т.е. "Книга господ" соответствующее позднейшему "Shāh-nameh -"книга царей" Ибо пехлевийская книга, содержащая историю персидских царей, называлась Khodhāi-nameh в надежных арабских источниках.[1] Это сочинение было введено в арабскую литературу переводом Ибн Моқаффа /в середине УШ века/. С этого времени более важные фигуры персидского героического периода также как некоторые из Сассанидов стали хорошо известны воспитанному мусульманскому миру даже за пределами Ирана, так что даже арабские поэты иногда делают намеки на них. К несчастью не только оригинальная пехлевийская книга, но также и ее перевод непоправимо утрачены, и также ее /25/ другие переводы или изложения. Замена ее, правда, неудовлетворительная, находится в извлечениях и отрывках, содержащихся в арабских исторических сочинениях, отчасти также в известных антологиях, как Ибн Кутайба. Мы не имеем здесь нужды входить в частности, относящиеся к истории этих материалов в арабской литературе[2], может быть сказано только, что вещи, оскорбительные для религиозных

---

[1] Завершение издания Брокельмана к несчастью было невозможно раньше.

[2] См. введение к моему переводу Табари.

чувств и даже для рационализма арабов, были пропущены у Ибн мокаффа.[1] Также многие вещи, кроме того, были вероятно изменены им в соответствии с его собственной оценкой и его литературным вкусом.

Кажется Худай-намэ была искажена во многом небрежностью переписчиков и произвольными исправлениями, двусмысленные начертания, которые были часто неправильно прочтены и читателями и переписчиками, завели дальше до большой степени такие искажения, и древние пехлевийские писцы повидимому не обращались с доверенными им текстами более добросовестно, чем нынешние персидские переписчики. мобад Бахрам вынужден был использовать более 20 копий для того, чтобы установить правильную, как он думает, хронологию[2]. Это не имело бы смысла, если бы копии сильно не отличались одна от другой в отношении цифр.[3]

14. Наряду с Худай-намэ существовали другие сочинения, по крайней мере для истории Сассанидов, которые были основаны не на простом новом пересказе материала, содержащегося в Худай-намэ. Таким образом, могут быть об"яснены значительные отклонения по содержанию, отчастинаходимые в сочинениях у арабских авторов, а также и в Шах-намэ о таких отношениях, которые могут быть с уверенностью или по крайней мере с большой долей вероятности быть прослежены до вышеупомянутого сочинения. Таково изображение смерти царя Пероза у Ибн-мокаффа, которое может быть почти буквально воспроизведено из различных арабских сочинений, существенно отличается от этого изображе-

---

[1] ср. Hamza 64,

[2] Hamza 24.

[3] Сочинение мобадя не плохое, хотя его списки, разумеется не всегда совпадает с первоначальными цифрами.

ния у Таалиби и в Шах-намэ, оба последние поэтому едва ли могут быть базированы на этой специальной части Худай намэ и притом они не соглашаются между собой во всех частностях. Отношения их скорее касательные. С другой стороны например Табари получил очень надежную историческую информацию об Ардашире II и о /26/ последних Сассанидах, которая должна непосредственно базироваться на древне персидских /пехлевийских/ источниках, но которая без сомнения никогда не заключалась в Худай-намэ. Далее существовали всякого рода пехлевийские новеллы и романы, которые может быть были отчасти включены в исторические собрания только после составления Худай-намэ. То же самое может быть правильно относительно еще сохранившейся книги об Ардашире, очень вероятно также по отношению к довольно об"емистому роману об Бахрам Чубане, содержание которого может быть восстановлено из известных арабских сочинений, из персидской версии Табари[1] и из самой Шах-намэ.

15. Что бы ни рассказывалось в предисловии у Байсангура о дальнейших судьбах Книги Царей, составленной в царствование Ездегерда, это в целом просто болтовня.

---

1 Именно Ибн Кутайби „Uyūn wal Ma-ārif; Ebjuxud, Табари, который однако предлагает три версии, код. Шпренгер, 30, Динавари. Конечно между всемиэтими источниками нет полного соответствия. Ср. мой перевод Табари XX1.

2 См. мой перевод Табари 27 и далее и попытку полной реконструкции у А. Кристенсена /Копенгаген, 1907. По датски/ Целая книга уже в очень раннее время была переведена на арабский язык Jabala ibn Sālim очень вероятно, что имя героя стало знаменитым вследствие этого. Один сатирик говорит /около 830 г./ о претензиях презираемой нации Арамейцев / Набат /: "если бы самого низшего по рангу и наименее уважаемого из них спросили, он ответил бы: я потомок Chōbin'a / Aghānī 12, 176/.

Очень важно, напротив, сообщение, находящееся в другом предисловии по отношению к композиции прозаического сочинения, которое лежит в основании Шах-Наме Фирдуси[1]. Предисловие Байсангура частью с ним восполняет. Оно передает, что в 396 г. Гиджры /957-958 н. Р.Х./ высокий чиновник Абу мансур аль ма"мари[2] имел /прозаическую/ Шах-наме, составленную для Абу мансура, сына Абдурразака[3], в то время правителя Туса, следующими четырьмя людьми:

1. Zhw (Zhw ?) сын Хорасана /? вар. Хорасай/ из /Герат/.
2. Yazdāndadh сын Шапур из Сейстана.
3. Mahoi Khorshēdh сын Бахрами из Шапура /Масан дает несомненно более правильное чтение: Нишапур/.
4. Shādhān сын Бурзина из Туса.

Среди этих имен нет ни одного мусульманского. Без сомнения все четыре были зороастрийцы. Только зороастрийцы могли быть способны читать пехлевийские книги, которые должны были служить источником. То, что Шах-наме была

---

1 Так в лондонском и лейденском сводах. Страсбургский /в/ 36 году Гиджры /от Р.Х. 47.8 /?/.

2 У Байсангура: Sa'īd, сын мансура аль м"мари.

3 Кроме моих трех сводок, Вольфенбурга и Масана, я имел для этого места свод британского музея, доп. 27, 257, как сообщено Ethé. Но я воздерживаюсь от того, чтобы обивать читателя бесполезными вариантами. Только первое имя совершенно недостоверно.

действительно составлена для Абу Мансура, сына Абдурразака из Тос"а, подтверждается в высшей степени ученым и в высшей степени надежным Бируни /Āthār 38, 116/, который жил не на очень много позднее./973 - 1048/. То, что Абу Мансур должен быть идентифицирован с Мухаммедом, сыном Абдурразака, который в самом деле был правителем Тос"а и о котором было слышно в истории много в периоде 945-960 г. Бируни /Āthār 38/ говорит, что сын Абдурразака поручил сфабриковать для себя генеалогическое древо; тот факт, что более короткое предисловие содержит в себе такое генеалогическое древо Абу Мансура, говорит в пользу преданий, относящихся к этим вещам; что генеалогическое древо исходит от Goshvadh отца Godharz'a[2]. Это начинание находится в полной гармонии с общим направлением, которое было очень сильно в это время в Харасане - обогащать молодую персидскую литературу переводами и переделками важных литературных сочинений.[3]

Эти и положением место у Фердуси в его собственном введении к его великому сочинению /стр. 8/ ярко освеща=

---

[1] Его современник Мукаддаси передает, что "сын Абдуррузака" украсил главную мечеть Тоса /Табаран//319,6/.

[2] Отдельные имена различаются в рукописях. Даже дано беззастенчиво сфабрикованное генеалогическое древо Абу Мансура аль Мамори, которое, однако, восходит только к герою этого времени Хозрову П. Упоминание, что Байсангур составил собрание по распоряжениям Якуба ас Сафара, который, как предполагается, получил первоначальный текст из Индии /Масан, 12/ относится к баснословной части сообщения. Оба введения наряду с хорошими материалами содержат также не имеющие значения и совсем плохие материалы. Даже вышеупомянутая дата 360 г. Гиджра /испорчено из 336 и 346 г. лучшего предания/ не подходит к Якубу, умершему в 265 г. Гиджры.

[3] Хорасан - это колыбель и долгое время был настоящей родиной персидской литературы. Однако в наше время жители Хорасана считаются напротив глупыми и тупоголовыми и неспособными составить ни единого стиха поэзии, см. Браун, A year amongst the Persians 231 и д. Но сколько бурь за этот промежуток времени бушевало над этой несчастной страной!.

ется, подтверждая в то же самое время приведенные утверждения. Согласно этому месту, один большой барин / pahlavan / из древнего дворянства / dihqān-nizaб /- это далеко от генеалогического древа - приказал привезти ото всюду старых персидских жрецов /мабоди/ и составить книгу из сообщений и т.п., которые они смогли предоставить, эта книга позднее стала основой поэмы Фирдуси. Один из вы е-упомянутых четырех лиц назван также в Фирдуси, именно /28/ Shadhan сын Burzin /последний из четырех/, и в самом деле как источник рассказа о переходе книги о Калиле и Димне из Индии в Иран[1].

Мы также может быть имеем право видеть в "древнем Shahai" источник для истории Индийского шаха /м. 1726, 4 то же самое лицо, которое появляется выше как Māhōi /третий из четырех/; ماهوي и شاهوي часто встречаются, как имена, и порча начальной гласной возможна в обеих сторон. Далее не невероятно, что Makh Марзбан Herē /м. 1791. 4/ это упомянутое вна первом месте лицо, настоящее начертание имени которого мы должны оставить под сомнением.

---

[1] Фердуси несомненно применяет слово " товаб " в очень широком смысле, но во всех случаях только при ссылке на зороастрийцев. м. 1743. Дальнейшая литературная история этого индийского сочинения на конце места м. 1760 может быть целиком отнесена к этому же самому человеку. Калила и Димна была /так он говорит/ переведена на арабский язык по распоряжениям мамуни и этот перевод был позднее переведен на персидский язык по распоряжению Аб-дул-фази, вазира Насра /Ибн Ахмада, Саманида, царствовавшего в 914-943 г./. Из этих двух утверждений первое неправильно, потому что перевод на арабский язык был выполнен на полстолетия раньше. Однако второе утверждение вероятно правильно, как я уже предполагал ранее, так как прекрасный стихотворный перевод книги был дан прославленным поэтом Рудеги / Rūdakī /, жившим при вышеупомянутом Саманидском правителе и умершем в 940-941 г. п.Р.Х., упоминание о нем сохранено в местах из Асади, которые дошли до нас. см. издание Горна, 18 и д. Трудно ответить на вопрос, было ли это сочинение составлено поэтом непосредственно на основании арабского текста или на основании какого либо персидского перевода последнего.

Тот факт, что Фердуси говорит таким образом, как если бы он лично слышал от него вещи, рассказанные его источником, не представляет собой какого либо решительного доказательства противного, поэт часто говорит, как если бы он действительно слышал вещи, о которых он только читал.[1]

Марзбанов более не было ни во времена Фердуси, ни при Абу-мансуре, этот человек несомненно хвастал, что он происходил от такого вельможи наместника Сассанидских времен - может быть и по праву.

Содержание этой прозаической книги царей может быть более или менее точно реконструировано из его поэтической версии, так же, как и из многих мест у Таалиби. Это было короткое изложение истории Ирана от доисторических времен до падения национальной империи с очень многими эпизодами. Главная часть ее была несомненно заимствована из какого то древнего собрания, будь это самая Худай-намэ или какая либо другая книга, тесно с ней связанная. Однако к этим заимствованным материалам были добавлены, кроме того, всякого рода маленькие незавершимые рассказы, так например большая часть анекдотов, относящихся к Бахрам Гуру, из которых только очень мало могло содержаться в записи, которая лежит в основании более древних /29/ арабских изложении. Далее к этому было добавлено много "мудрости", именно поучительные писания, собрание загадок и так далее, которыми переполнена известная часть книги, как например часть, относящаяся к Хозрову Ануширвану. Остаток литературы, включенной туда, сохранился до наших времен в форме маленьких книжечек пехлевийских и на повременном персидском языке.[2] В это время должен был быть также включен в

---

[1] См. ниже параграф 27.

[2] См. мои "Persische Studien", II, 29, прим. 2.

"Книгу царей", также подобным образом существующий еще пехлевийский текст маленькой книги о введении в Иране игры в шахматы [1], который вероятнее всего был составлен не ранее мусульманских времен; он представляет параллель рассказу о переносе /в Иран/ индийской книги "Калила и Димна" /оба во времена Хозрова 1/. Очень вероятно составители добавили также в это время очень специальную и все таки несомненно очень древнюю историю о смерти Рустема, которая совершенно отличалась от версии основного сочинения, где, поскольку мы можем сделать вывод, [2] Бахман убивает Рустема, мстя за своего отца в полном соответствии с легитимистически и ортодоксальным характером всей книги. Другая версия, присоединенная Таалиби /см. ниже/ и Фирдуси должна была находиться в книге у Azadh Sarv который претендовал на происхождение от Сами Нариманa, будучи таким образом в родстве с Рустемом, и который жил в мерве при Ахмеде ибн Зале /Шах-наме 1729, 4079, 1730_4197/. Этот Ахмед ибн Заль часто упоминается и он умер в 919-920 г. правителем мерва [3]. Роман о Бахрам Чубаке был, как мы упоминали выше, [4], вероятно сочинен в свободном историческом повествовании в более ранние времена, так как мы встречаем его в писаниях арабских историков, как часть этого повествования.

Мы, разумеется, не можем различить в частности, были ли некоторые первоначально названные места включены в Худай-наме или подобную сводную историю четырьмя авторами, которыми правил Абу Мансур, или они были частями целого уже до

---

1 Ybid II., 20 и д.

2 См. Табари, 1,687 Mas'udi II., 127. Однако Данавари 68 ид как видно предоставляет событиям разворачиваться так, как рассказывается в Шах-наме. Таким образом заключение, выведенное в тексте, не бесспорно.

3 О нем см. Yk Athar XII, 45, 59, 65 и д. и особенно 86, 89

4 выше стр 26, параграф 14.

этих авторов. И даже по отношению к единственному боль=шому разделу Шах=намэ, истории Александра, которая цели=ком иностранного происхождения, нельзя с уверенностью поддерживать то или другое утверждение. Несомненно, Худай намэ говорит очень мало о македонце и /30/ судит о нем так непризненно, как только могла судить греческая лите=ратура. Только в совсем ранние времена была составлена пехлевийская версия греческого романа об Александре /так называемая лже Каллисфен/ которая более или менее верно передана в сирийском переводе [1], в то время, когда, с другой стороны, извлечения, относящиеся к Александру в арабских сочинениях большей частью может быть прослежены к последнему /т.е. лже=Каллисфену/. Этот роман претерпел обы=чным способом всякого рода изменения, из которых самое важное то, что разрушитель персидской империи сделан путем превращения его матери в персидскую принцессу напо=ловину персом, и таким образом ему дано более благоприят=ное освещение среди персов, так что он мог быть включен в последовательность самих прославленных царей Ирана. [2] Исто=рия об Александре должна была по всей видимости пройти, подобно книге о Калиле и Димне, сперва через арабский перевод прежде чем она вновь еще раз стала персидской, только таким образом может быть об"яснено, что также в Шах=намэ Александр описывается делающим паломничество в Каабу [3], подобно тому, что передается арабскими повество=ваниями.

---

1. ?См. мой опыт " Beiträge zur Geschichte des Alexanderro= mans. " /Вена, 1890 г./

2 Таким же образом, как Александр сделан сыном египетско=го царя Нектеба в романе, составленном в египетской Александрии. Персидская выдумка, несомненно, должна бы=ла проложить мост через гораздо большую пропасть, чем египетская.

3 Отдельная черта псевдо Каллисфена, перенесенная в Шах= намэ это то, что в чудесной стране Мазандеране

Четыре человека, о которых было упомянуто /там могло быть даже больше, чем четыре/ несомненно собрали то, что они были способны собрать. Каким образом они обрабатывали частности, кто был тот, кто проверил и издавал целое, это опять таки ускользает от нашего наблюдения. Здесь и там они кажется упоминали свои имена и даже свои источники, то, что многое может быть угадано из их имен у Фердуси, мы уже видели. Главная часть их материалов была, конечно, написана на пехлеви, именно поэтому стало необходимо сотрудничество людей старой веры. Если бы уже существовала большая история царей, написанная на современном персидском языке, то не было бы нужды поручать этим специальным людям текую работу. Арабские источники едва ли были использованы непосредственно, так как арабская литература должна была быть такой же чуждой для ученых зороастрийцев /31/ как пехлевийская литература была для мусульман.[1] Но из совре=

Шах-намэ упоминает "коженогих" /Ἰναντόποδες /письма Аристотеля /Мюллер 3,17/, наряду с этим также другое племя сходного рода ""козлоухих",348,523 и д., 358, 699 и д. Последнее племя было несомненно упомянуто источником Фердуси

1 Я едва ли мог бы поверить, что мой найтись какой либо мусульманский ученый, который действительно мог читать пехлевийские книги, кроме, конечно, таких из них, которые выросли, как зороастрийцы, и приняли ислам в зрелом возрасте. Также Hamza знал очень небольшие обрывки пехлевийского языка, едва ли даже столько, как Иаков, епископ Эдессы, знал из древне-еврейского.

менных персидских сочинений ими были сделаны извлечения, например относящиеся к истории Александра. Этим может быть об"яснено арабское правописание некоторых доподлинно персидских имен в Шах-наме, как например [illegible] [1].

Сочинение было написано на современном персидском языке, и было таким образом доступно каждому воспитанному иранцу. Его распространение тормозилось только его большим об"емом. Тот факт, что оно полностью исчезло совсем рано, легко может быть понят по неслыханному одобрению, с которых была встречена поэтическая версия, появившаяся ему на смену.

---

1 Хозров I называется в Шах-наме, подобно тому, как в сочинении Таалиби - Кисра, или Kisrae :Хозров II, напрофив, в первом [illegible], в последнем слегка арабизированно [illegible], каковая форма встречается у арабов также и, кроме этого случая. Посредством небольших изменений персидское злое остроумие уже давно превратило имя дьявольского узурпатора Zahāk в часто встречающееся среди арабов имя Dahhāk .Они сделали таким образом вопреки древней традиции царя дьяволов арабом и сами арабы поверили в это. Его почтенный отец, убийство которого было его первым преступлением /Шах-наме, 28,88/ имеет совсем арабское имя он называется Mirdās /отрицательно чего мы можем следовать мнению Toma. Roth-Ed Mg 4,423, который считает это иранским Mard-ī "людоед", что является еще одним доказательством, что он принадлежал к ненавистной нации арабов. Тщеславие жителей Йемена, которые в течении долгого времени не играли блестящей роли, дало Dahhāk'у сверх всего еще и фиктивную йеменскую генеалогию/ 1,202,5 и далее в других местах. Так что поэт Абу Нувас /во второй половине IX в./ приводит его имя, как самого могущественного правителя, которым все йеменцы /считая здесь всеплемена, претендующие на происхождение из Йемена, в том числе и самого поэта, который принадлежал к одному из таких родов только в качестве клиента/ гордятся /Diwan Cairo 1898 стр 155 ст 3/. Древняя ли подлинно иранская генеалогия Zahāk'а у Табари 1, 202, 10 и д, 203 ,1 и д., и у других арабских писателей также как и генеалогия в Bundahišnē ,это может быть решено знатоками древней иранской литературы. Сходно со случаем с /Aj/ Zahāka , который был присвоен арабами, также применение сирийцами к ненавистному Риму имени их древнего врага Эдома, которое было буквально воспринято арабами, и они начали рассматривать римлян /византийцев/ как потомков брата Иакова Едома /Исава/.

Шахнамэ

16. Составление поэтической версии книги царей взял в свои руки сперва молодой Дакики. Мы имеем только очень мало сведений относительно его жизни, и даже это немногое тоже не совсем /32/ достоверно.[1] Он был уважаемым поэтом при дворе одного из Саманидов. Если это был, как предполагается, Нух ибн Мансур /976 - 997г. / тогда следует иметь ввиду самое раннее время его царствования В заключительном стихе лирической песни, где поэт сабя нам называет по персидскому поэтическому обычаю, и в автентичности которого никоим образом нельзя сомневаться, поэт говорит о себе, как о ревностном зороастрийце.[2] Это вероисповедание подтверждается частью Шах-намэ, составленной им, где рассказывается история введения новой религии Зороастра и о битвах за эту религию царя Гуштаспа и его рыцарей. Зороастр представлен здесь прямо как пророк, посланный небом. И верно, что Дакики, как показано его сочинением, не имел глубокого знания древне персидской литературы, что он был не очень большой знаток учений "доброй веры", но он к ней питал большое уважение. Однако он, очевидно, избегал того, чтобы слишком оскорблять чувства своих мусульманских читателей и идеализировал маздеизм несколько сходно с тем, как это делал его великий последователь.

---

1 См. особенно Ethé в "Morgenlandische Forschungen" Festschrift Fischer dargebracht / Лейпциг, 1875, стр. 57/.

2 Там же, стр. 58.

Борьба с идолопоклонниками, кумиры[1] которых считаются Исфандиаром, подчеркнута более у Дакики, чем у Фердуси. Принимая во внимание его религию, немыслимо, чтобы его имя было, как его дают историки литературы Абу Мансур Мухаммед ибн Мухаммед ибн Ахмед или Абу Мансур ибн Ахмед, так как , хотя некоторые из зороастрийцев могли обычно называть себя в повседневной жизни мусульманскими именами, все таки они должны были избегать таких, как имя пророка Магомет или Ахмед. Биографии более древних персидских поэтов большей частью совершенно ненадежны. Есть один автор, отрицающий, несмотря на собственное утверждение поэта, что Дакики принадлежал к старой религии. При таких обстоятельствах ничего не было легче, чем приписать его отцу и деду самые специфически мусульманские имена . Так получается, что мы даже не знаем, какое было настоящее имя поэта, так как Дакики - это просто поэтическое прозвище. "Кипуа" Абу Мансур, однако, может быть правильно.

Место его рождения также невыяснено. То, что он из Туса, это в высшей степени невероятно. В таком случае Фердуси /33/ упомянул бы о нем, как о своем земляке, чего он никогда не делал, в то время как позднейшие историки литературы имели смелость указывать, что два автора великой поэмы были гражданами одного итого же города. Записи, в которых его местом рождения называется Бухара или Самарканд, также повидимому необоснованны. Фердуси говорит нам, что Дакики писал отличные панегирические стихотворения для князей /1535, 1024/.

---

[1] Такое значение *butparast* также в Шах-наме, а не, как принято Шпигелем, буддист". Естественно *butan* могут иногда быть статуями Будды, но оба поэта не имеют о них ясного представления, едва ли также кто либо из их

Современник Фердуси, придворный историк Махмуда "Утби" называет его очень знаменитым поэтом. Он умер, как утверждает Фердуси, в молодом возрасте - был убит рабом /9, 151/. Его биографы говорят более точно, что его возлюбленный, тюркский раб, заколол его ночью ; подобное же сказано в более кратком прозаическом введении которое только пропускает упоминание о любовном деле. Этот рассказ бесспорно может быть верным, так как из поэмы /Ethé 59 и д./Asadi изд.Browne 13, 1 и д/, видно очень ясно, что поэт предавался этому пороку, распространенному в Иране с незапамятных времен; изящные умы считали этот порок благородной страстью.

17. Дакики занялся составлением поэтической версии Шах-наме, но составил только около тысячи стихов, когда погиб /Шах-наме, 9, 147 и д., 1495. 11/[2]. Как в высшей степени выразительно сказано у Фердуси, только эта часть сочинения была составлена Дакики, которую он включил в свою поэму[3]. Зороастриец предпочел бы начать книгу царствованием Гуштаспа и законодательством, в то время как бледные фигуры доисторических царей, о которых без сомнения шла речь в начале первоначального сочинения, имели малую привлекательность для поэта. Поэтому Фердуси должен был, по всей вероятности, составить различные другие

---

1 Каирское издание от 1936 г. Гиджри /на полях Манини/ 1.52: "Поэты двора Махмуда превзошли изящество Rudaki и искусство Khosrovi и Дакики".

2 Vullers 1496. 14. 1553. Стихи 1001, 1002-07 пропущены у Моля, из которых 1002-1007 пропущены также в лейденской рукописи, были без сомнения добавлены каким нибудь позднейшим переписчиком для того, чтобы сделать переход менее внезапным.

3 Совершенно не имеет смысла утверждение, что 10000 или даже 20000 стихов Шах-наме были составлены Дакики, см. Asadi 33, который говорит, что Фердуси добавил к 20000 стихов Дакики 62000 своих стихов, см. Ethé 1 с. 57/.

места, прежде чем он занялся историей первых царей. мжет быть сказано, думал ли когда нибудь Дакики сос вить все в стихах. Но очевидно, что он был прерван на половине дороги /34/ в своем сочинении, так как ч поэмы, принадлежащая ему, прерывается самым внезап= ным образом. Только то обстоятельство, что он пользо= вался тем же источником, что и Фердуси, что сделало возможным для последнего включить в свое сочинение упомянутую часть, как она была, и именно таким образом что едва ли кто нибудь мог бы догадаться, что это место составлено другим поэтом, если бы он сам этого не заявил, тем более, что различные части сочинения Фердуси иногда значительно различаются между собой по артистической и эстетической ценности. Весь стиль Да= кики имеет большое сходство со стилем Фердуси. Толь= ко при более тщательном рассмотрении, конечно, можно найти известные характерные отличия. Дакики гораздо более тускли и гораздо менее искусный, чем его вели= кий последователь. Надо только посмотреть на прозаиче= ски звучащие или доктринерские полустишия 21 в, 22 в, 22 в[2], 41 в, 64 в. и так далее. Он очень формалисти= чен. Когда у него выступает вперед новый герой и ког= да он падает, он всегда изображается одинаково, почти в одних и тех же словах, в то время как Фердуси пони= мает очень хорошо, как разнообразить эти предметы. Сцены боев у Дакики всегда описаны в общих словах,

---

1. Очевидно, что он был хорошо знаком с героической ле= гендой, что, кроме того, показано его стихом в Шамси Каис /Изд. Mirza Muhammad Лейден и Лондон, 1909/255: "Шамура и неоперенная стрела, волшебный Рахш и колдун Zalāre не подходящи для тебя".

2. Где они должны быть читаемы в соответствии с и старым лондонским, старым петербургским и лейденским манускриптами

нигде у него нельзя найти изобразительного описания. Расположение повествования не всегда произведено искус стно. Дважды выражает Гуштасп желание вступить в сраже ние /1530 и 1534/ и оба раза его легко убеждают оста= вить эту цель. Появление Настура [1] расстраивает течени событий, поэт здесь не понял, как выправить свои источ ние небольшими изменениями. Ему лучше удаются более длинные речи и также письма, чем повествование.

Так например речь, с которой Гуштасп обращается к своим вельможам /1549/ очень хорошо построена и окрас= ка официальной записи, окрашивающая речь, очень подхо= дяща для этого случая. Подобным же образом и речь Арджа спа ,относящаяся к религиозным новшествам, 1501 и д., с ее жесткими выводами bibandim a zindeh bidaros kunīm. Диалоги и короткие речи показывают, напротив, извест= ную туговатость, течение мыслей и антитезы отчетливо не выделяются. Дакими имеет некоторые любимые выражения как :"посмотри, что" /nigar ta /,"один, имя которого было" и т.д.

---

[1] Так должно было вероятнее всего неправильно произносит ся у Дакики вместо правильного Badur .Его источником должно было быть [illegible] без диакритических точек. Оди ко эта ошибка могла также вкрасться только в более поз ние времена в рукописи Шах=Намэ.

[2] Mē кажется действительно встречается несколько раз у Дакики, в то время как следует сомневаться в том, сод жал ли подлинный текст у Фердуси какое либо другое вы ражение, кроме hamē .Некоторые формы, находящиеся в процессе превращения в устарелые встречаются чаще у Дакики чем у Фердуси.Это была моя ошибка, когдая думал,что Дакик произносит Ardasēr /Pers. Studien П.2/, в стихе 366 рифма эта zarir /желтый увядающий лес/, а не zarer , в стихе 656 правильная рифма gard gir .Древний лондонский манускрипт име ет рифму dabir в стихе 336, которая также заключается в [illegible] петербургского манускрипта, необычность этого опреде ления вызвала неправильное изменение в dilēr .

Некоторые меньшие лингвистические отличия от Фердуси могли бы возможно быть также /38/ показаны, однако не все то, что я считал необходимым принять было подтверждено. Значительное большие текстовые материалы, которые я имел в своем распоряжении во время составления первого изделия и из которых я еще имею в своем распоряжении выписки, сделанные в это время, существенно не подвинули вперед сои изыскания в этой области. Суровое суждение Фердуси относительно работы его предшественника несомненно преувеличено, даже если принять во внимание, что мы не можем иметь то же самое тонкое чутье языка ис стиля, которым он обладал. Ему очень хотелось привлечь особое внимание к контрасту между богато вознагражденным менее ценным и его более ценным творчеством, которое осталось невознагражденным Если бы он в самом деле думал, что Дакики был таким неважным, он никогда не хвалил бы его в других местах и, прежде всего, он не включил бы его стихи в свою собственную великую поэму, хотя ему должно было быть очень приятно, что не приходится самому иметь дело с щекотливой темой введения зороастрийской религии.

18, Все таки Дакики имеет такой же хороший эпический стиль, как сам Фердуси. Было бы противно всем данным опыта в истории литературы признать, что этот особенный стиль был созданием самого поэта. Прежде всего особенный поэтический стиль создается только постепенно. То, что

---

1 Lughati Fars изд. Пауля /Берлин, 1897 г./ жил в середине пятого века Гиджры /X1 в. нашей эры/

2 Не у Asadi .

3 Издано Залеманом. Петербург, 1895 г.

существовал до Дакики повествовательный стиль в поэзии в котором применяется тот же самый размер и который имеет много сходного по своей манере выражения с Дакики, это может быть выяснено из многочисленных фрагментов у Абу Шакура, которые сохранились в словаре Асади[1], племянника Фердуси. Из всех стихов этого поэта, известных мне, только один в самом деле уже цитированной мною в моих "Persische Studien" II, 18, дает решительно впечатление того, что он принадлежит героическому эпосу:

Zi zar bar nihadeh bisar mij farē [2]
Zi fulād kardeh bibar bar tarē

/36/

"После того, как надел золотой шлем на голову, стальной панцирь на грудь".

Из стихов, цитированных у Асади, некоторые несомненно могли встречаться в таком эпосе, но ни один из них не должен быть понят только как таковой, и по отношению ко многим из них такое мнение невероятно. С другой стороны они все очень хорошо подходят к простому рассказу, все равно, принадлежат ли они все к одному и тому же рассказу или к целому циклу таких рассказов. Принимая во внимание, что некоторые из этих стихов кажется имеют забавный характер, не исключено, что стихи, где упоминаются битвы, относятся только к забавам, заканчивающимся убийством и кровопролитием. То же самое может быть

---

1 Асади, 79,5 или пересмотренный текст

2 Этот стих побудил Audi 21 сказать, что сочинение было закончено в 338 г. Гидры. но этот вывод может быть ошибочным. Несомненно, что сам Audi никогда не видел целое сочинение. Очень большое несчастье, что до нас не дошли более значительные его части, стил был слишком прост для позднейших поколений". / Horn в своем введении к Asadi 23/. Как охотно мы отдали бы дюжину позднейших "диванов" за несколько более пространных

даже предположено относительно выше цитированного стиха Абдулкадыра, стр. 12 № 41.

yakē zistrae badayar bud
tu gōi bimordumgazī mar bud.

"Он был муж зловещего вида, дурных намерений, можно было бы сказать, что он был змея, кусающая людей".

Время происхождения этого рассказа определяется Абу Шукуром в 333 г. Гиджры /944-945 по Р.Х./[2] Имеется ли здесь ввиду целом сочинение или только особенная часть его, это не может быть разгадано. Во всяком случае должно быть отмечено, что сам Фердуси говорит, что ранее его не существовало ни одной персидской поэмы в 3000 стихов /М. 1998,5 и д. ниже /[3]

Одной из особенностей этого повествовательного стиля было, что поэт никогда так далеко не заходил в пользовании арабскими словами, как лирические поэты

образцов из него, не говоря уже о целом. То же само может быть сказано относительно Рудеки "Калила и Дини.

3 Поэт добавляет ежидно, что если бы оттуда были из"яты все плохие стихи, там осталось бы не более 50 стихов. /правильное чтение bi bosad, а не nabosad. как в рукописи.

или даже прозаические писатели.[1] Дакики, кажется, применяет арабские слова даже более /37/ сдержанно, чем Фердуси[2], однако известные арабские слова очевидно пользовались с древнейших времен полными правами в персидской эпике. И размер /муктакариб/ который никогда не подвергается какому либо изменению, и который должно быть имел большое влияние на подбор слов, а также на форму слов[3], был выбран для повествовательной поэмы, как мы видели выше, уже ранее Дакики.

---

1 Было отмечено Рюккертом, что стихи современников Фердуси полны арабскими словами, и он считал особенностью Фердуси, что последний избегал употребления арабских слов в своих писаниях. Однако немногочисленные лирические стихотворения Дакики и Фердуси не все избегают употребления арабских выражений. Мало того, даже там, где идет дело не об особенных героических делах, как например в Юсуфе и Зулейке /Yūsif u Zalikha/ и в более созерцательных местах Шах-наме особенно во вводной части, также как в его сатире, находится гораздо больше арабских слов. Верно, что многие арабские слова могли вкрасться в позднейшие времена в эту особенную поэму, текст которой довольно запутан и известен нам только по позднейшим рукописным копиям. С другой стороны на стиль поэта могло повлиять не только то, что основное содержание поэмы основывается на Коране и Hadith, но также собеседования с людьми арабского происхождения. Поскольку дело идет о прозаических сочинениях, не только позднейшее Насир и Хосрови написано иначе, очень простым стилем, но также простая фармакопея современника Дакики Муваффака из Герата, изобилует арабскими словами и в самом деле не только в местах, относящихся к науке или к техническим предметам. Очень рано возник обычай сочинять с двойным лексическим материалом и пользоваться арабскими словами даже там, где под рукой было обыкновенное персидское слово. /Легко можно найти параллели из истории английского и даже немецкого языка/.

2 Я насчитал в тысяче стихов у Дакики 36 арабских слов, включая такие, как *taj, koha, dirham* которые обратно восприняты из арабского языка персидским. Верно, что недостоверность традиции не допускает полной точности: наверно древнее персидское слово могло быть уже в очень ранние времена замещено арабским в текстах Дакики, доступных мне.

3 Относительно размера и изменения формы слов на основании метрических соображений см. Приложение. В этом отношении Дакики не должен быть отличаем от Фердуси, однако несомненно очень важна, что предшественник показывает в это

19. Произведение, оставшееся незаконченным Дакики, было воспринято мужем, который стал через его завершение самым прославленным из всех персидских поэтов и приобрел великую славу во всемирной литературе - Абул-Касимом с поэтическим прозвищем "Фердуси". Относительно его жизни и происхождения поэмы существуют многие сообщения. Самое древнее и самое лучшее дано у Ибн Исфандияра в биографической заметке некоего Ахмеда ибн Омара ибн Али ан Низами ан Аруди из Самарканда, которая была включена в его хронику Табаристана. Указанный биограф посетил в 510 г. Гиджры /1116 - 17 г. н. Р.Х./, т.е. еще менее чем через столетие после смерти Фердуси, родной город поэта Тос, а также его могилу, и он передает без сомнения местные предания, связанные с поэтом. Эта заметка, внимание к которой было привлечено Rieu в его Каталоге, стр. 363, была любезно для меня полностью скопирована Ethé с рукописи Британского музея, /38/, она была позднее опубликована им в ZDMG 48,89 и д., из трех рукописей. Далее было 'Аруди Chahar Maqala, переведенное Броуном в JRAS 1899, где статья о Фердуси находится под № XX /стр. 783/. Наконец по предложению Броуна Мухаммед ибн Абдул Ваххаб из Казвина опубликовал целое сочинение /Лейден и Лондон, 1910/. Наша статья там стр. 47 и д. Два вышеупомянутые введения к Шах-наме дают обстоятельную информацию о Фердуси. Оба они дают много сходных фактов но они независимы друг от друга, будучи только отчасти основаны на одних и тех же материалах. Введение Байсангура пользовалось стихотворением, в котором о происхождении Шах-наме рассказано собственным размером поэмы, но которое крайне исторично. Это стихотворение в известной степени связано с другим введением, имеющим с ним общее происхождение, по крайней

мере поскольку дело идет о последнем. Текст другого введения, кроме того, частью интерполирован[1] и иначе искалечен, отсюда большие расхождения в различных манускриптах. Наконец имеются также биографические очерки о поэте в различных сочинениях по истории литературы, каковы Daulet-shah[2], Джами[3] и Abdh-kadeh[4] у Lutf. Однако к сожалению то, что дано о Фердуси в этих двух введениях и историками литературы в значительной степени находится в противоречии с тем, что поэт сказал о себе в поэме; другие факты приведены или кажутся в высшей степени невероятными. Даже там, где имена и цифры имеют внешний вид известной исторической точности, мы находим много произвольных, мало того, даже глупых выдумок. Было бы совершенно лишним повторять здесь легенду о нашем поэте, как она приведена в этих писаниях и несомненно во многих других, иногда более богатых анекдотами, иногда данных в более кратком изложении с многими вариантами[5], но всегда одна и та же в своих общих контурах

---

1 Так Лейденский манускрипт, датированный 1443 г. и один из Лондонских манускриптов 1438 г. /Rieu Catal. 534 -в/ имеют добавочное примечание, утверждающее, что Фердуси отправлялся в Индию и нашел приют при дворе царя Дели. Однако в Дели не было мусульманских правителей ранее тринадцатого века.

2 Биография Фердуси перепечатана оттуда у Буллерс" Fragmente ueber die Religion des Zoroasters 4 и д.

3 См. Anthologia Persica /Вена, 1776 г./ 80 и д.

4 Издано в Бомбее 1277 г. Гиджры 77 и д.

5 Главная часть содержания этой легенды может быть найдена во введении моля, во введениях к другим переводам и в других местах.

То обстоятельство, что Фирдуси часто прерывает свое повествование субъективными размышлениями, дает нам возможность установить /39/ некоторые важные черты относящиеся к его жизни. Все, что было рассказано позднейшими писателями о поэте и не согласуется с его собственными утверждениями, конечно должно быть оставлено без внимания. Однако его утверждения для нас не всегда ясны.

20. Действительное имя этого поэта, можно сказать, неизвестно; биографы называют его иногда Мансур, иногда Ахмед, иногда Гассан. С другой стороны Кунья Абул Касим как дано в предании, это несомненно верно; уже 'Arūdi упоминает это имя в такой форме. Фирдуси это поэтическое прозвище поэта, а не, как некоторые думают, его наследственное фамильное имя. Имя его отца неизвестно[1]. Фирдуси сам говорит в замечательных стихах своей великой поэмы, что ему около 80 лет. Утверждение, заключающееся в следующем стихе, что поэма была закончена в 25 день /Ard/, 12-го месяца /Sipandārmadh/ 400 года Гиджры, т.е. 25 февраля 1010 г. н.Р.Х. может быть принято безоговорочно. Из этого может быть сделан вывод, что он родился немногим позднее 320 г. Гиджры. Несколько[2]

---

[1] Как эти люди ненадежны, можно видеть, например, из такого факта, что согласно Байсангуру /масан,21/ имя отца нашего поэта было Фахруддин Ахмед сын Фарруха аль Фирдоси, однако имена с "din" стали употребляться в то время, когда сам Фирдуси был совершенно взрослым человеком и именно как почетные титулы, жалуемые могущественным князем. Самый ранний известный пример это пожалование титула Nasiraddin Себуктигину Саманидом Нухом ибн Мансуром /976-997 г./ Следовательно такое имя не могло принадлежать частному лицу за два поколения до того. Другие источники дают другие имена отцу и деду поэта.

[2] Во всяком случае должно быть отмечено, что заключительные частьШах-наме дошла до нас в очень сомнительном состоянии. Манускрипты примешивают к ней части сатиры, или они сокращают ее и дают многие вещи иначе, чем Масон и моль тексты которых также не безупречны. Стих, на который я ссылаюсь, стоит также в лондонском манускрипте.

немотивированное упоминание, что исполнилось 65 лет жизни автора, встречающееся в первом стихе этой заключительной главы, может, возможно, быть связано с фактом существования другого эпилога, которым поэма посвящается Ахмеду ибн Мухаммеду ибн Абу Бекру из Khānlajan'a, где утверждается, что заключение всего имело место в четверг, 25 Мухаррема 389 г. Гиджры /17 января 999 г./[1] Коли ему было 65 лет при начале /40/ 389 года, тогда ему должно было быть 76 и 77 лет в середине 400 года, в этом случае дата его рождения была бы 323 или 324 г. /935 - 936/. Мы, разумеется, должны всегда не упускать из виду того, что наш поэт не очень придает значение цифрам.

То, что он был уроженцем округа Тос, это единодушно сказано всеми преданиями и он сам называет себя в сатире "Тоси"; Аруди говорит, что местом его рождения была большая деревня Bagh, принадлежавшая к округу Табаран / Tabaran /. После нее место/пишется именно также "Tabaran"/ было согласно Muqaddasi 319 главным городом Тоса. Согласно Якуту / под словом /

---

[1] В одном из манускриптов Британского музея, см. Rieu каталог II, 835 a и полный текст в издании Насир и Убэрова. Сафар-наме, у Шефера / Schefer / стр. 301. Это место также в одном из манускриптов Индийского правительства, см. Ethé каталог 1.533. Но в манускрипте в Британском музее есть место, где Фердуси упоминает год окончания истории последнего Кэдегерда, что конечно должно обозначать окончание поэмы в целом, как 384, и этот год упоминают также авторы индийского правительства, см. Ethé 154,9; также как один из Страссбургских сводов, в котором эпилог, правда, невероятно запутан. Та же самая цифра "384" далее дана в арабском извлечении /параграф 68/ № 8440 большого каталога у

это была большая часть двух частей, на которые был раз= делен город Тос. Утверждение Аруди имеет несомненно больше веса, чем позднейшие сообщения, согласно которым наш поэт родился в Shādab, другой местности округа Тос /Масан, 21/. Согласно Аруди поэт был довольно зажи= точным землевладельцем в Тосе. Это подтверждается другими преданиями. Фердуси говорит, что книга царей была передана ему одним земледельцем, его другом, чтобы переделать ее в стихи /стр. 10/. Что имя последнего было Мухаммед Лашкари /Масан 21/ вполне возможно. В Тосе, где в дни его юности книга была составлена, и один из ее составителей был уроженцем Тоса, копию ее, несомненно, было легко получить. Таким образом к этому приделываются различные легендарные черты.

21. Только в зрелом возрасте Фердуси принялся за громадную работу составления своей великой поэмы. Это не исключает того, что он мог заниматься также до этого эпической поэзией, последнее, напротив, очень вероятно. Между окончательным завершением сочинения и его началом прошло 35 лет[1], согласно заключительной главе, относитель= но чего поэт дает цифру в сатире /Масан, 64, 14, 65, 18, 65, 4 снизу/ при сокращении "30". Легко понять, что поэт ча= сто выражает желание прожить так долго, чтобы быть в си= лах завершить свою поэму, которая должна дать ему вечную славу /680, 1274, 1729 и 1788/. Но он, конечно, не сочи= нял поэму в той же самой мифической и исторической по= следовательности, в которой она дошла до наших времен /41/ и не работал над ней без перерыва. Во многих местах он указывает свой возраст в момент составления этого

---

[1] Этот стих отсутствует также в Петербургском манускрип= те.

места. В 523,12 и в 680,7 он говорит, что ему 58 лет, в 415 примечение 8 /т.302,13/[1] он говорит, что ему 60 лет, или скорее "более 60", подобным же образом 1276,90 /вариант "70"/ м. 1618,19. Ему 61 год в м. 178 4 вариант 63; м. 1457,2,1460; 65; 1951,5 снизу[2],66 618,1712 /вар. 60/, м. 2010 снизу, 1274,40 в стихе 45 он упоминает нечто, что случилось, когда ему было 58 лет. Наконец есть в Лейденском манускрипте и во втором Страссбургском манускрипте после 1585,1540 стих, где он упоминает, что ему 76 лет:

Kunūn sālam āmad bihaftad u šaš
γunūdeh hamē casm̄ moisārfos [3]

"Теперь мои годы дошли до 76, глаз остается подобно ..../?/". Стих, что не вызывает сомнения, был добавлен им после завершения целого. Мы следовательно находим во многих примерах упоминание о более позднем возрасте в местах, которые стоят раньше и должны стоять раньше. Цифры, упомянутые выше, показывают, что поэт работал над своим эпосом главным образом будучи около 60 лет[4], значит, около 995 года и следующих лет. Во всяком случае в согласии с вышеупомянутым стихом законченная копия Шах-нам э была им предложена Ахмеду из Ханланджона в начале 999 года. Таким образом главная

---

1 Вернее всего подлинный, хотя отсутствующий в Лейденском и Страссбургском сводах.

2 Цифра 67 в 1951 вероятнее всего из оригинала, см. ниже нараграф 23 около конца, примечание.

3 Форма последнего слова недостоверна и тем более его значение. Арабское *minsar* или *misa* едва ли дало бы какой нибудь подходящий смысл.

4 Следует всегда иметь ввиду, что 34 года Гиджры только приблизительно равны 33 годам по Юлианскому календарю.

черта обыкновенной традиции именно, что Шах=наме была составлена Фердуси для султана махмуда из Газны, мало того, что она была составлена по предложению последнего, которому очень хотелось иметь книгу Царей, составленную в стихах, даже ранее того, что он познакомился с Фердуси, отпадает. Ибо отец махмуда Себухтани умер только в августе или сентябре 997[1] и махмуд должен был выдержать длительную борьбу за трон и властителем Хорасана стал только в течение 999[2] года. /42/. Шах=наме в его более ранней форме могла быть менее совершенна, чем завершенная 11 лет позднее, однако главная часть была закончена еще до того времени, когда поэт даже начал думать о махмуде, и он закончил ее в качестве подданного Саманидов.[3] Вернее всего большая часть поэмы была составлена им в его родном городе. Но уже много раз упомянутые заключительные стихи одного из лондонских манускриптов свидетельствуют, что он ранее провел долгое время в имении некого Ахмед ибн мухаммеда, несомненно большого барина, в Халанджана, недалеко от Испахана[4]. В это время он однажды упал в реку и был спасен Ахмедом или

---

1 Otbi 1,262,

2 Там же, 1,311, Ибн Атар, 9,103. На тот же год /10 Zi-qa'd-deh 389-24 октября 999 г./ приходится также оккупация Бухары, столицы Саманидов, тюркским ханом, одна из самых печальных катастроф в истории этих стран.

3 Я только впоследствии узнал, что было указано Редигером в Энциклопедии Эрш и Грубера под словом "Фирдуси", что автор Шах=наме начал свою поэму задолго до вступления махмуда на трон. Если бы Редигер тогда имел в своем распоряжении наш материал, он несомненно сделал бы дальнейшие выводы.

4 Местность, теперь известная как Халанджан, находится на карте Гаускнехта на реке Исилат в одну семи географических миль выше города /4.5 географических миль по линии птичьего полета/.

сном последнего /место текста не вполне ясно, вследствие искажения текста/. Была ли его жизнь в опасности, этот вопрос остается открытым. Этот его покровитель вероятно жил в Тосе, ему он посвящает пр к асные стихи во вводной части, 10, после его ранней смерти. Он щедро поддерживал поэта. Трудно решить, правильно ли имя, данное в заголовке – Абу Мансур ибн Мухамед. Из людей, упоминаемых в обычной заключительной главе, некоторые во всяком случае были уже в это время его друзьями и защитниками. Достойно замечания, что Аруди отмечает Али Делама от Абу Дулажи и читает: "'Ali Dēlam ū Bū Dulaf rōst bahr[1], вместо: 'Ali Dēlam-ē Bū Dulaf rōst bahr (издание). Он говорит, что 'Ali Dēlam скопировал у него поэму в 7 томов и Abū Dulaf читал ее /был его rōw/. Насколько эти слова могут быть согласованы с собственными словами поэта, что эти два человека были уважаемыми гражданами Тоса, я не могу решить. Что Huyai[2] ibn Qutaiba (Huyaii Qutaib) который пожаловал ему дары и устроил освобождение его от уплаты /43/ поземельного налога, был губернатором Тоса, как указано у Аруди, это вполне возможно. Возможно даже, что он занимал это место при Саманидах, а не при Махмуде[3]. С другой стороны наша поэма во многих своих местах прославляет султана Махмуда даже во введении, как самого мо-

---

1 То же самое есть ... второго Страсбургского манускрипта, так как "و" "и" часто пропускается; Петербургский манускрипт имеет с дальнейшим искажением ... Лицо по имени Delam встречается даже столетием раньше, см Ибн Аби Усаиби а 1,233 и д.

2 Это редко встречающееся имя, данное в издании Аруди стр.48 может быть правильное, оно могло быть легко смешано с более популярным "Гуссейн".

3 я искал это имя у 'Obbi но кроме прото-

гущественного и в то же время самого любезного правителя. Вся поэма в своей окончательной форме посвящена ему. Также очень вероятно, что как рассказывает Аруди, Фердуси сам лично отправился в Газну для того, чтобы представить поэму султану и получить награду, на которую он надеялся; может быть он там оставался довольно долгое время. Однако несомненно, что он туда прибыл, как уважаемый поэт,[1] а не как скромный земледелец, который приходит жаловаться на несправедливость барского управляющего, как передается в легенде. Аруди, ничего не знает об этом, он просто передает, что Фердуси передал свою поэму министру Хусаину ибн Ахмеду /или Ахмеду ибн Хасану/ для представления ее султану. Скорее следует сомневаться в том, что этот государь проявил какой либо интерес к Шах-наме. Это оставляет без поддержки утверждение, согласно которому придворный поэт Унсури[2], как говорят, попытался составить подобную же поэму и не сумел, как говорят некоторые, или это ему удалось, согласно другим.

---

1 Вновь и вновь повторяемый анекдот о том, что Фердуси подвергался испытанию у трех поэтов, не имеет никакой ценности. Он порочен даже внешне. Он основывается на утверждении, что не существует четвертой рифмы, оканчивающейся на *šan*, которая найдена Фердуси, дающим имя *Pašan*. И вот там был под рукой слова "*došan*", также как "*gošan*"/или "*gošn*"/, позднейшее часто встречается в Шах-наме и точно рифмует с "*šošan*". в М. 2009,7; вероятнее всего нашли бы и дальнейшие рифмы на *šan*, если бы просмотреть персидский словарь. Как ненадежны эти записи, может быть видно из того факта, что в поэтическом изложении и дальше во введении у Насангура, между соперниками Фердуси при дворе Махмуда появляется Rudaki, который уже умер в то время, когда Фердуси был ребенком

2 Унсури несомненно применял в романтической поэме *Wamiq u Azra* и эпический стиль и эпический размер, см. во введении к Асади. 25.

Могущественный тюрк, несомненно, имел достаточное воспитание,[1] чтобы понимать текст поэмы Фирдуси, так как он ранее получил известную долю арабской школьной подготовки,[2], он был, конечно, знаком с современным /44/ придворным языком, персидским, хотя он может быть и употреблял в своей частной жизни тюркский язык /как еще Сефеводи в семнадцатом веке/. Все это не означает, что у него было какое либо настоящее понимание поэзии. Было даже неправильно предположено, что Махмуд проявил интерес к национальным легендам Ирана независимо от политических соображений. Какой интерес мог иметь тюрк, сын выскочки раба, к такой поэме, где прославлялись законные цари древнего Ирана и их победы над тюрками? Если бы иранское национальное чувство, так оригинально выраженное в Книге царей, имело в это время какую нибудь действительную политическую силу, это было бы в ущерб для него. Иранские Buyid, которые имели в своем владении другую половину Ирана, имели гораздо большие законные притязания, чем он, считаться наследниками Kouāniān "ов. Все же мнение, что эти могущественные правители в это время нуждались в какой либо национальн-

---

[1] Не следует предполагать, что правители этого времени, которые были со времени падения халифата большей частью невоспитанные люди, всегда понимали арабские и персидские поэты, составленные в их хвалу.

[2] 'Otbi II, 239 и д. говорит, что Махмуд серьезно изучал богословские науки. Верно, что он упоминает это в своем введении в связи с преследованием еретиков, но зерно истины должно в этом быть. Его старший брат, умерший до него, посвятил себя изучению арабского синтаксиса /II, 341/. Что последний был поборником классического воспитания, становится очевидным также из предисловия Таалиби к его истории. Его младший брат Исмаил писал прозой и стихами и даже по пятницам выступал как проповедник /Ибн Атир, 9, 23/. Дети Махмуда получили соответствующее воспитание. /'Otbi 1, 44 и д

ной поддержке против номинального суверена, высокопоставленного Халика, само по себе совершенно неправильно. Язвческое зерно в Шах-наме также должно было скорее оскорбить чувства строго правоверного царя, подобного Махмуду, но вполне возможно, что его рвение было гораздо менее напр влено против зороастрийцев, чем против мусульманских еретиков.[1]

Престарелый поэт горько жалуется в различных местах на бедность и отсутствие поддержки со стороны вельмож и правителей. Они, действительно, восклицали "браво" /ahsant/, когда им читали поэму, но они не давали ему какого либо вознаграждения за его великие труды. Некоторые из этих мест могли относиться и к более ранним временам, но то обстоятельство, что, хотя он всегда поет славу щедрости султана, он никогда не говорит, что эта щедрость распространилась на его самого, и тот факт, что он никогда не выражает своей благодарности султану показывает, что Махмуд никогда не имел серьезного интереса к Фердуси. Даже признвание специального внимания к щедрости прежних правителей /45/ особенно Kisrā /Хозров 1/, - несомненно явный намек, - не произвело никакого действия. Он открыто говорит М. 1008 внизу, также как в

---

[1] Он преследовал не только Shi'ah /Rāfidi/ и особенно исмаилитов /Bāṭini; П,340/, но также мугазилитов /там же, П,38/ и тех, кто приписывал богу телесность /там же 314 и д. Ибн Атир IX,267/. Философские книги и книги мугазилитов были сожжены по его распоряжениям /Ибн Атир, цит.место/. Bāṭini были по его распоряжениям преданы смерти /там же/, между ними даже посол Фатимида- Хакима /Отби,П,240/. Правда, эмиссары фатимидов могли проявить себя, как явно опасные для трона.

своей сатире /М.64.10/, что государь, плохо расположенный под влиянием завистников, даже не смотрел в его сочинение. Имел ли он серьезную поддержку от великого Визиря Фадль ибн Ахмеда[1], это не ясно из его слов в 1273 и д, Стихи, написанные во хвалу Эмира Абдул Музаффар Наср"а, брата царя /М.1362 у конца страницы/, который всегда верно поддерживал царя[2], едва ли получили какой либо отклик. В конце концов, однако, поэт получил дар от султана, но этот дар оказался, вместо достаточного для жизни, на что поэт надеялся, настолько небольшой суммой, что он почувствовал себя тяжко оскорбленным. Уже Аруди, который несомненно переоценивает дар, приводя цифру в 20 000 дирхемов, передает, что поэт дал половину этой суммы служителю в бане, а другую половину продавцу fuqa[3] на чай. Этот рассказ происходит, несомненно, в его первоначальной форме от слов сатиры, где поэт говорит, что царь дал ему небольшую сумму, достаточную только, чтобы купить порцию fuqa. Никакого значения не следует придавать милым историям позднейших писателей[4]. Конечно, очень вероятно, что царь

---

1 Им были приняты меры, чтобы царские рескрипты были написаны по персидски, что Отби рассматривает, как род вандализма /П, 170/. Такой человек мог иметь понимание персидской литературы. Его преемник, хорошо известный Хассан Маймаиди, опять восстановил арабский язык в его правах /там же, 171/ То, что Фадль разорил поборами страну, может быть и верно /cosi fan tutti так все поступают/, но информация, данная Отби относительно человека, который был уволен от должности в 1010/1011 /П, 160/ и предан смерти в 1013/14 г. /П. 161/ для меня не является достаточно доказательной.

2 См. Отби, везде.

3 Fuqa собственно fuqqa - род пива.

4 Легенда выдвигает двух самых известных личностей из окружения Махмуда: его фаворита Ayāz и его министра Хасана Майманди. Последний, который как мы только что видели, вступил в должность в 1010/11, т.е. вероятнее

о после разрыва
ду поэтом и госуд
ем, считаю вообще
ом поэта, но у других
ов он его покровителем

Ayāz.. играет противу положную роль.

был осведомлен о неуважении, проявленном поэтом к его царскому дару. Завистники и другие враги, на которых он от времени до времени делает намеки, могли не только помешать ему достигнуть милости Султана, но также и передать последнему непочтительные вещи, сказанные поэтом. Это об"ясняет, почему Султан грозил, как говорит нам Фирдуси в своей сатире, растоптать его ногами слонов. В это время против него могло быть также возбуждено обвинение, что он был еретик. /46/ Возможно, однако, что на него и ранее смотрели неблагоприятно на основании такого, не вполне необоснованного обвинения.[1]

22. Пусть было то, что было, но Фирдуси очень жестоко отомстил сатирой, где он описывает сына раба, как человека с наследственной низостью ума, негодного и слабого. Однако совершенно невероятно, чтобы сатира была им составлена немедленно по горячему следу в момент разочарования, и он должен был умно поместить это таким образом, что оно должно было попасть на глаза государю, несмотря на идею рассказа, становящегося этим таким прекрасным. Как обстоит дело в действительности, сатира считается своего рода приложением к Шах-нама, которая в ней называется "эта книга". Ее очевидная цель устранить все стихи, написанные во хвалу Махмуда, разбросанные по великой поэме. Несомненно поэт имел ввиду их вычеркнуть и заместить стихами сатиры. И в самом деле мы здесь и там находим в манускриптах места из нее, включенные в текст поэмы, именно, как уже было указано,

---

[1] См. ниже параграф 25.

в ее заключительную главу, что однако может быть припи=сано путанице, внесенной позднейшими переписчиками. Одна=ко немного злобных стихов, напр вленных против Махмуда, были крепко вставлены в Шах-наме. Так пророчество о плохих временам под которыми разумеется имели ввиду те времена, когда жил сам поэт /М. 1294 и д./ заканчивается предска=занием, что к власти придет государь без понимания, ко=торый причинит много зла миру и будет думать о завоева=ниях. Нельзя в этом не узнать Махмуда. Даже более ясен один стих в подобном, как предположено поэтическом опи=сании времен Ислама, как противопоставленных периоду Сасса=нидов: " Негодный /lehnor / раб станет правителем, в это время, благородство и величие будут считаться ничем". /М.2064,4 снизу /. Это порицание, сделанное в сатире сну раба, как противопоставленному государям древнего поколения /не только Сассанидам, но также Самандам и также Буйи=дам/[1]. Учитывая/, что здесь не названо имен, что все в це=лом закутано в мистическое пророчество, я не считаю нев возможным, что эти стихи были сост авлены Фердуси в более ранний период в приступе гнева; он мог быть такие образом в состоянии оправдаться, говоря, что имел ввиду что-то другое. /47/

То, что сатира не стала неот"емлемой частью Шах-наме, было устроено, как говорит нам Арруди, государем Табари=стана Испарбада Шахрияра, сына Шаррина[2], при дворе которого Фердуси нашел убежище после того, как он шесть месяцев

---

1 Которые названы в М.1363, 17, согласно правильному чтению Моля, Лейденского манускрипта и второго Страсбур=гского манускрипта, ветвью Сассанидов .

2 Он часто упоминается у Отби. Он б л вассалом Кабуси сы на Вашмгира, но при этом временным властителем всего Табаристана

скрывался в Герате, и которому он имел ввиду теперь посвятить свою поэму, как представителю древних царей Персии. Государь, однако, говорит далее Аруди, указал ему, что поэма не была представлена Султану надлежащим образом, так, чтобы он был в состоянии судить о ее достоинствах, и он убедил поэта оставить в стороне сатиру, в надежде, что султан Махмуд, который был также сувереном Испахбада, даст ему свое прощение. На следующий день он послал ему 100 000 диргемов, по 1000 диргемов за каждый стих[1], и купил у него сатиру, которую он уничтожил. Несомненно не все из этого должно быть принято буквально, и даже некоторые вещи в этой истории довольно сомнительны, однако это делает очевидным, что сатира, как предполагал этот старейший биограф, никогда не стала известной

---

[1] Текст сатиры в издании Масана /Байсангур, содержит в самом деле почти точно соответствуя утверждению этого древнейшего летописца, 101 стих и число стихов более или менее то же самое во многих манускриптах, которыми пользовался Моль /Введение 1 X 1 отдельного издания/. Новое индийское издание /см. ниже § 65/ включает в трех местах текст у Моля другие стихи, числом четыре таким образом содержит 105 стихов. Сатира сокращена до 54 стихов в Лейденском манускрипте, который однако имеет другие стихи в заключительной главе. В Страссбургском манускрипте есть только 44 стиха в тексте и 10 на полях, последние однако не совпадают со стихами в лейденском манускрипте. В одном из манускриптов Моля сатира имеет только 30 стихов, в другом однако 160 /цит. место/. Отрывок у Sone. Poes. Asiat. Comment. /изд. Эйхгорна/ 329 и д. заключает большие добавления. Приблизительное восстановление подлинного текста может быть окажется не совсем безнадежным делом для ученого, имеющего критический смысл и достаточные знания, который имел бы в своем распоряжении все необходимые материалы. Он, конечно, не должен ожидать, что текст будет вполне соответствовать нашему вкусу и нашему пониманию в изложении отдельных частей поэмы. Во всяком случае Мирза Мухаммед из Казвина, издатель Аруди, совершенно прав, когда он опровергает в своих примечаниях /стр. 191/ уверение последнего, что только шесть стихов сатиры еще сохранились /именно Масон, 63, 1[illegible] 64, 5, 66, 2, один стих не дан у Масона 65, 20 и 65, 6:

султану. Правда, Фердуси мог вызвать немилость султана и быть вынужденным бежать перед угрозами монарха, но то обстоятельство, что он в конце концов имел возможность вернуться в свой город и умереть там мирно, показывает, что никогда не дошли до царя те стихи, где он был описан как сын раба, вероломный и невеликодушный, и где, в заключение, бог признается сжечь его в аду ./43/

Имя Испахбада Шахрияра может считаться правильным, это просто ошибка, когда вместо него Байсангур называет хорошо известного Кабуси его вассального владетеля . вне упомянутый эмир несомненно убедил поэта устранить сатиру против Махмуда и щедро вознаградил его, если и не точной суммой, подобной 100 000 дирхемов, но даже здесь Фердуси был в сфере могущества султана, его покровитель едва ли не испытывал удовольствие, что избавился от компрометирующего поэта. Мы далее находим престарелого поэта далеко на западе в провинциях, где управляли Буйиды /Бахр - уд - Дауле или, более вероятно, его сын Султиуд-Дауле, который унаследовал трон в 1012 году/. Там поэт составил эпику "Юсиф и Зулиха". Во введении к ней он говорит, что ее составление было внушено ему высоким чиновником, по имени Музаффик, и что поэма предназначена для представления правителю Ирака, то есть Султану Буйиду того времени. Весьма невероятно и едва ли могло бы согласоваться со словами только что упомянутой главы, что поэт, ревностный почитатель Али и его семьи, мог иметь убежище у калифа Аббасида, как передается в легенде. Никогда не имели места ни угрожающие требования о выдаче со стороны

---

[1] См. ст . 19 и д. незаконченного издания у

Махмуда, ни остроумные ответы калифа.[1] Властитель Багдада был шиит Buyid а не Калиф и переговоры последнего с государем Газни приняли бы несомненно другую формулировку. То, что Фердуси в конце восьмого десятка своих лет оказался еще способен составить поэму, которая правда, не больше шестой или восьмой части Шах-Наме, но приблизительно такая большая /по числу стихов/ как Илиада, показывает его умственную энергию. Можно вспомнить о Гете. Мы должны это признать даже если в том случае мы предположим что он проработал эту тему в своем более молодом возрасте что он приобрел большую легкость стиха в течение многих лет непрерывной практики, и, наконец, что по оценке персиян это его эпическое произведение несколько ниже его великой поэмы.[2]

/40/ 23. Фердуси возвратился в конце концов в свой родной город. Возможно, что он не встретил на юго-западе той оценки, на которую он надеялся, или также, что старик слишком привык к своей родине, к климату ее и условиям жизни, которые совершенно другие, чем в Ираке и Хузистане. Нельзя сомневаться, что он имел достаточную информацию, чтобы получить уверенность, что он не подвергнется какой-

---

1 Возражение на угрозы Махмуда словами ссылкой на 105 суру Корана, где бог указывает, когда его святилище в Мекке было некогда охранено от абиссинцев и их слонов. Фактически Махмуд всегда сохранял относительно калифа поведение верного долгу вассала и оказывал ему во почести соответственно его сану.

2 Правда из "Юсиф и Зулиха" я считал только часть, изданную Ethé /Оксфорд. 1908/, которая доходит до 3697 стиха, составляя около одной трети целого, и которая была к несчастью не закончена, но я считаю это достаточным, чтобы признать в неприведенное суждение правильным. Эпическое произведение полно слезливых сентиментальностей. многие вещи психологически невероятны. Надо быть совершенно подавленным набожной легендой, чтобы сочувствовать кроткому главному герою этой истории, в то время как напротив героические деяния Рустема и весь героический мир

либо опасности, возвратившись в свой родной город, что никто не думал о нем при дворе или, что было возможно умиротворить султана. Он был погребен в Тусе; это записано у наиболее надежного Аруди, который, как уже было сказано, посетил его могилу по истечении менее одного столетия после его смерти. Могила находилась вне города на собственной земле поэта, так как, как сказано нам у Аруди, один проповедник /mutakkir/ высказал определенное положение, что еретик не должен быть похоронен на общем кладбище мусульман. Эта позднейшая черта едва ли измышлена, в то время как утверждение, что вышеупомянутый проповедник был изгнан Махмудом, может быть отнесено за счет симпатий граждан Туса к их великому земляку.[1]

Уже Аруди узнал рассказ о том, что Махмуд был так сильно тронут одним стихом из Фердуси процитированным при подходящем случае одним из вельмож, что он раскаялся в своем прежнем поведении относительно поэта и послал значительную сумму денег со своим извинением в Тус; деньги прибыли через "Речные ворота" /darvāze-i rūdbar/ как раз в ту минуту, когда тело поэта выносили через "Газанские ворота" /darvāze-i Razan/ для погребения.[2] Так как дочь поэта не приняла денег,

---

/включая Бахрам Чубина/ действует на читателя совсем с другой силой обаяния сами по себе. Это не значит, что в "Юсуф и Зулейха" нет вещей, достойных великого поэта.

1 В более поздней легенде передается, что Шейх Абуль Касим аль Джурджани не пожелал читать надгробную молитву над телом поэта, так как он прославлял язычество в своей поэме, но он получил откровение посредством сна, что Фирдуси был принят в самую высшую сферу небес за то, что он воспевал и восхвалял бога в немногих словах, после чего Шейх совершил погребальное богослужение. Таким образом были примирены религиозные чувства и великая слава поэта.

султан приказал Имаму Абу Бекр ибн Искак дль Каррами соору дить на эти деньги на окраине города /50/ гостиницу / / и колодец. Он уже получил стих:

agar jur bikām-i man āyad jawāb
man u gurz u maidān u Afrasiyab

"если не приходит ответ, который удовлетворил бы меня, то /в таком случае/ я сам и палица и поле битвы и Афрасиаб" [1] мощная суровость этого стиха не может быть передана ни в каком переводе. Дар султана составлял, согласно Аруди, точно 60 000 дирхемов, это значит такую же сумму /?/, ко= торую согласно позднейшим повествованиям поэт ранее отверг= нул с пренебрежением, как ничтожную мелочь! Однако 60 000 дирхемов должны были быть в это время очень приемлемым даром.

Значительно более старый источник этой истории цити= руется у Байсангура в его введении /59/. Согласно ему хорошо известный Насир -и-Хосров рассказывает в своей Сафар=наме, что он видел в 438-м году Гиджры новый постоя= лый двор в Тусе и он рассказывает о происхождении этого двора более или менее то же самое, что приведено здесь выше. Дневник Насир=и-Хосрова стал доступен всем через издание и перевод Шефера; он никогда не был в Тусе во время своих путешествий, и он был в начале 438 года уже в районе

---

[2] По деревне Razan . Это мне некогда сказал Залеманн Он знал это от Жуковского, который сам посетил /дейст= вительную или предполагаемую/ могилу поэта.

[1] Я также встретил в Шах=наме как раз такой стих:

внешнего Тегерана, откуда он пропутешествовал далее на запад и на юг. Он возвратился в Хорасан только в 444 году.[1]

Сколько настоящей истории скрыто в красиво оформленной легенде, с которой Аруди познакомился из местного предания менее чем через столетие после смерти поэта, это не может быть установлено. Вышеупомянутый волнующий стих во всяком случае удивительно удачно подобран, чтобы угодить гордому завоевателю, но действительное положение вещей должно было быть более прозаическим. Очень вероятно, что султану стало известно, что поэт которого он третировал с пренебрежением и заставил обратиться в бегство, стал уже при жизни таким высоко прославленным и поднялся по значению выше всех придворных поэтов Султана посредством поэмы, в которой его, султана, имя б так сильно прославлялось. В таком случае было вполне возможно, что муж, который завоевывал трофеи за трофеями в Индии и порядком которого, вопреки словам /51/ сатиры Фердуси едва ли была яловитость, мог легко быть побужден разумным советом послать достаточный дар престарелому поэту. Однако он не мог, разумеется, просить у поэта прощения. То, что послание прибыло слишком поздно, такой случай возможно и мог быть; совпадение прибытия посла царя и похорон поэта, это изящный поэтический образ, какие очень распространены в легендах, но едва ли относящийся к трезвой действительности.[2]

---

[1] Даже в псевдо автобиографии Насир-и-Хозрова /в предисловии к Дивану. Тавриз 1280 год Гиджры, не содержится какого либо упоминания об этом.

[2] Это совпадение представляет главный элемент в балладе Гейне "Поэт Фердуси " в "Романцеро", где он свободно использует легенду.

Общеполезное учреждение такого рода, какие считаются на востоке богоугодными, вероятно правильно связано с именем Фердуси. Поздняя информация относит сооружение этой гостиницы к самой его дочери. Другие рассказывают что сестра Фердуси за упомянутые выше деньги построила плотину, сооружение которой было его мечтой в течение всей его жизни; остатки этой плотины, кажется, еще существуют. "Ribāt", который видел Аруди, должен был со временем исчезнуть и таким образом рассказ был связан с другим древним сооружением. Так как оно называется "Плотина Айше, дочери Фарруха" /band-i 'Aise-i Farrukh/, строительницей не могла быть дочь поэта / то она сделана была его сестрой.

Аруди говорит, что Фирдуси оставил после себя только одну дочь; это мы можем принять безоговорочно. Отрицательным путем, только одним упоминанием о существовании его дочери утверждается, что он не оставил мужского потомства. Он потерял сына, уже взрослого, будучи стариком.[1] Этой горькой потере посвящено одно из самых прекрасных лирических мест в Шах-наме, которое действительно трогательно в своей простоте /М 1951/.

Дата смерти Фирдуси приведена у Даулетшаха как 411 год Гиджры /1020-21 н.Р.Х./; другие, как указано у Rieu каталог 585, дают дату 416 год /1025-26/. Эти утверждения не могут быть далеки от истины. Дата если верно первое, ему

---

[1] Манускрипты, в которых я справлялся для этой цели, обнаружили известное разногласие; сперва сказано, что сыну было 37 лет, и затем, что сыну было 30, а ему самому 67. лет. Изменение текста в изданиях, где предположено, что ему было 65 лет, а сыну 37, ничего необыкновенного само по себе не заключает, но становится под вопросом, основаны ли эти цифры на древней традиции.

должно было быть 80 солнечных лет. И сам поэт говорит в своей сатире, что ему "около 80 лет" /Масон, 64, 13/.

24. Относительно характера Фердуси, разумеется, может быть сказано очень мало. Западные люди легко были бы склонны истолковать многие вещи в его поэме против него. /52/. Мы например удивлены тем, что он неоднократно заявляет и намеками и откровенно, что он ждет хорошей уплаты, что труди над великим творением были им начаты только в надежде на вознаграждение / ranj za ganj /, что он опечален тем обстоятельством, что вельможи не вознаграждают его соответственно за его труды, что он жалуется так сильно на бедность, которая является для него таким тяжелым бременем. Но мы должны исследовать и ясно понять обстоятельства; поэты тоже должны жить; он, как большинство средневековых поэтов Востока, зависел от поддержки, оказываемой высокопоставленными лицами. Во времена нашего поэта для авторов не было ни издательских обществ, ни определенных гонораров, которые в наши дни делают пишущегося поэта вполне независимым и, мало того, могут и обогатить великих людей нашего времени, можно основательно предположить, что Фердуси мог бы себе доставить удовлетворительные средства к жизни, если бы он все тда только занимался обработкой земли своего наследственного владения, но в таком случае не было бы Шах-Наме! Согласно Фруди цель поэта было дать богатый дар своей дочери, но это не согласуется с его собственными словами. Только естественно, что его бедность была заметно преувеличена им в его поэтических сетованиях. Если бы он был таким бедняком, он не мог бы позволять себе пить вино так, как он дает понять во многих местах; может быть то оно отмечено в других местах, что

он пользовался известной роскошью. Но какой же разумный человек мог бы выражать ему недовольство за радость веселого времяпрепровождения, которое так тесно связано с природой поэта, однако, чтобы жить и наслаждаться жизнью в его время нуждались, как нуждаются в наше время, в известном поступлении свободных денег. Мы подобным же образом или даже больше не одобряем преувеличенных восхвалений султана Махмуда у Фердуси, особенно если их сравнить с кусающей критикой сатиры, направленной против того же самого лица. Но в те времена не был возможен другой образ действий. Каждый надеющийся на что нибудь поэт должен был возвышать до облаков государя или вельможу, к которому он приближался, и чем больше были употребляемые гиперболы, тем выше оценивался поэтический гений. Насколько высказываемые вещи соответствовали действительному положению вещей, было более или менее безразлично. Многие выдающиеся поэты обязаны своими именами, главным образом, своим панегирическим поэмам. Даже мудрый Са'ди поет хвалы всякого рода тюркским и монгольским деспотам, которые едва ли заслуживали какой либо хвалы вообще, и он делает это как с той же самой целью, что и Фердуси и другие, именно в надежде на вознаграждение. Все таки должно /53/ быть добавлено в пользу нашего поэта, что он также давал великим мира сего спасительные уроки, привлекая их внимание к превратности всякого земного могущества и блеска, о чем он особенно напоминал счастливому завоевателю/ которому поэма была посвящена.[1]

[1] Манера, с которой Пиндар прославлял тиранов и других почитаемых людей, разумеется тоньше, но дело сводится к тому же, и он ожидал оплаты за это, так же, как арабские и персидские поэты. Следует только подумать, оставляя в стороне Горация и Вергилия, о лучшем авторе комедий в мире...о Мольере, медевры которого имели неудовлетвори- с понятиями ... понятиями время

Хвалам, предлагаемым султану, противопоставляется известная доля законного самоуважения. Если его вышеприведенные суждения о сочинении Дакики не совсем справедливы, однако каждому непредубежденному читателю будет приятно видеть, насколько поэт уверен, что его великое творение сделает его бессмертным. Гордые стихи 1275,69 и д. /сатира, масан,65 и д./[1]

Я воздвиг вековой дворец поэзии, который не пострадает ни от ветра, ни от дождя.

Годы пройдут над этой книгой; каждый имеющий понимание будет ее читать.

и М.2010 ниже:

Когда эта знаменитая книга будет закончена, весь материк будет полон разговоров обо мне.

И теперь уже не умру, так как я живу, разбросав семена по миру.

Каждый, кто имеет понимание, проницательность и вер[2]скажет слово благословения после моей смерти

напоминает стих Пиндара. Pyth 6.10 и д. и особенно Горация, Od 3.30, причем разумеется нет никакой связи между этим героическим и теми западными поэтами. Ср. дальше место 1536, х.3, в примечании 6 /масан, 1127, 10/, которое, вопр ки Вуллерсу, несомненно подлинное, хотя могло быть небольшое видоизменение в словах. Поэт называет себя здесь "Иисусом", т.е. воскресителем мертвого, так как он

---

[1] Вняли ли эти стихи первоначально чистью сатиры, это остается открытым вопросом для исследования.

[2] Два последние стиха заключают в перевернутом порядке заключение всей поэмы. /М.2096/. Я мог бы процитировать некоторые не значительные варианты для обоих мест.

оживил героев, умерших уже давно.[1] /54/ Что он воскрешает мертвых подобно Иисусу, он говорит также в своей сатире /Масон/65,5/. Однако обстоятельства довели поэта в конце концов до того, что он стал недоволен лучшими из своих творений и разочаровался в героях своей поэмы, которые ранее были прославлены им с таким энтузиазмом, и он обратил свое внимание к теме из Корана, к большому удовлетворению всех набожных людей.[2]

Правоверный возраст, кувда и даже внешнее окружение где невозможно было найти высокой оценки древних традиций Ирана и где певец их рассматривался с пренебрежением, могут быть извинением для поэта. Но его действительное направление ума не находит своего выражения в этом. Так как не совсем невозможно, что он не получил никакого полного удовлетворения от завершенного творения, которое стоило ему так много труда и принесло ему такое малое вознаграждение, однако человек такого высокого ума не отрекается от дела своей жизни, даже если он совсем подвергнулся изменению своих убеждений; однако не видно никакого следа такого изменения. Известная слабость в нем должна была иметь место, но следует быть очень осторожным, пытаясь приписать перу одиннадцатого века какую либо слишком больную и слишком героическую устойчивость в приверженности к его, все таки, только поэтическому делу.

Многие места в Шах-Наме, именно те, которые имеют отпечаток лиризма, дают нам впечатление, что наш поэт был в основном благородно-мыслящим мужем.

---

1 Может быть вследствие того факта, что мысли некоторых чувствительно мыслящих читателей были оскорблены словами "Я Иисус" и т. д. во многих копиях это место было пропущено, так как Иисус среди мусульман считается великим пророком. Однако кто мог бы вставить эти стихи?

2 Введение к "Юсиф и Зулиха", стр. 24 и д. 27. В рукописях разумеется при этом ещё многое расхождение но основное значение остается то же самое.

25. Представляет величайший интерес исследовать религиозные мнения нашего поэта.[1] Конечно это трудная задача, так как указания отчасти очень противоречивы и в этом нет никой либо необходимости, чтобы восточный поэт должен был оставаться в области свободной от каких либо внутренних противоречий в которых бывают вполне последовательными столь немногие люди, принадлежащие к мыслящему классу. и однако уступающие уклонениям. Следует также принять во внимание, что известные стихи, содержащие /55/ исповедания религиозного характера, кажется были вставлены другими,[2] , в других местах некоторые вещи могли быть также несколько изменены уже в более ранние времена. Однако должно быть принято во внимание, что Фердуси едва ли имел возможность выражать свои религиозные мнения полностью и открыто и что, с другой стороны, ему было полезно пытаться выставить себя перед своими правоверными читателями более правоверным, чем он б л на самом деле. Поэтому мы не можем ожидать каких либо ясных результатов от нашего исследования в этом направлении.

Фердуси держался всем сердцем за древние предания своего народа. Его симпатии к царям и героям Ирана очевидны в каждой строчке его писаний, посвященной им. Он описывает их вообще, как благочестивых почитателей бога и внимательный читатель может получить только впечатление, что все они достигли небесного благословения. Наш поэт действительно молит бога, чтобы он простил грехи /зороастрийца/ Такики и принял его на небо при последнем суде /9.153,/ Настоящий мусульманин не имеет права высказывать такие мысли. Однако

---

1 Ввиду роли, которую религия играет на востоке, кажется целесообразно изложить этот вопрос немного более пространно.

2 см. ниже, в конце этого параграфа.

Фердуси это не совсем маздеист в переряженном виде. Он имеет романтическую наклонность к своего рода идеализированной, но также рационализированной вере Магов. Вещи, упоминание о которых скандализировало бы не только мусульманина, но любого просвещенного человека вообще, избегаются им заботливо, или же даются им некоторые новые истолкования, в которых он может только следовать по следам своего предшественника, составителя прозаической версии книги. Он берет на себя защиту древних персов против обвинения в том, что они были "огнепоклонниками", и он все таки применяет к ним это имя в других местах, согласно преобладающему обыкновению, он указывает, что огонь имел значение только для определения направления молитвы, в то время как поклонение было направлено к богу только одному. /1336/. Так один зороастриец говорит императору, что огонь это их "кибла" /М.1924.13./ Фердуси в высшей степени религиозен, он строгий деист и монотеист. И это основное убеждение приписывается им сплошь всем героям, даже Александру, который, согласно ему - христианин. Его любовь к Богу, Творцу, Всеведущему, Всемогущему выражается им при всяком подходящем случае таким образом, что не может быть какого либо сомнения, что он это делает по глубокому убеждению. Он об"являет, что не может быть известно, что такое бог, и что достаточно верить в его существование /1,9 и д., 14,395 и д., /56/. Маздеистский дуализм им осуждается: "Бог есть Творец доброго и злого, бытия и небытия" /170,750, 194, 1161 и т.д./ Слова о боге в начале поэмы совершенно деистические, не специфически мусульманские. Даже в элегии на смерть своего сына, где сердце автора говорит яснее всего, не может быть найдено ничего, что указывало бы на на подлинно исламистские убеждения .Бог мира не нуждается в каком либо осо-

бом месте, говорит он в повествовании, которое идет из мусуль-манского источника, о паломничестве Александра в Каабу /М. 131 5/. Это, разумеется, может рассматриваться как полемический выпад против исламского выражения "Божий дом". Арабское святилище рассматривается здесь в том же самом освещении, как святые места магов, где они служат богу перед огнем.[2] Никакого особенного почтения к религии ислама не видно ни в месте 18.17, где сказано, что для древних огонь определял направление культа, как для арабов камень. Это может быть без сомнения истолковано, как намек на каменных идолов язычников арабов, но поэт имел без сомнения ввиду черный камень, в направлении которого мусульмане поворачивают лицо при молитве.

К арабам, народу новой веры, поэт питает решительную антипатию. Арабы, говорит он, обманывают своего господина из жадности. /М. 1391,6 и д./ Они народ с голодным чревом./М.2075, 78/. "Эти пожиратели змей дьявольские лица", пишет Вадегерд о завоевателях мусульманах", которые не имеют ни знания, ни стыда, которые стремятся к богатству, к славе, к удаче и к знатности, разрушат весь мир" /М. 2075,1/. Подобно этому в 1.7 , где они называются за их темный цвет лица "вороньи головы" / Zāghsarān [8] /, эпитет, применяемый верным персианином, М. 2078,1 и д. даже относительно /37/ их великого вождя Саада /ибн Аби Ваккаса/. Вознаграждение от бога жела-

---

1 Стих М. 1311,3, находящийся в противоречии с этим и недостающий в Лейденском манускрипте, без сомнения был вставлен позднейшими руками.

2 Но слова "Раз ты имеешь бокал проси золотого вина, несчитай радость в сердце грехом"/М. 1656. 10/ в самом деле не направлен против учения ислама, но скорее являются выражением игривого, с легким сердцем наслаждения жизнью,так обычного у восточных поэтов. Этот шокирующий стих пропущен в лейденском манускрипте и оба страсбургские манускрипта пропускают два следующий стих, один из них имеет, однако, вместо него другой стих с той же самой рифмой.

тельно автору для персидского главнокомандующего Рустема и смерть для арабов. В пророчестве, приведенном на стр. 30, Фердуси противопоставляет период ислама, как очень несчастный, периоду национальных царей. Подобным же образом также в письме Бадегерда /М.2075.16 и д./. Отметьте также меланхолическую окраску в письме его главнокомандующего Рустема со ссылкой на конец империи /М.2062 и д./. Все это несомненно выражено таким образом, что буквальное истолкование не показало бы личного отвращения автора к исламу. Поскольку дело идет об отвращении к арабам, хотя и сомнительном с точки зрения правоверия, оно встречалось у многих персиян и именно среди очень хороших мусульман. В М.1293 Фердуси описывает четыре религии: персидскую, иудейскую, греческую /христианство/ и арабскую /ислам/, В их борьбе за преобладание среди человечества и высказывает только в очень немногих словах за превосходство ислама. Легко можно понять, что религиозные споры не трогают нашего поэта. То же самое становится очевидным из рассказа о споре персианина Bindoë с римлянином о религиозных обрядах /М.1947 и д./ В М. 1763.6 и д. он говорит, что царь должен иметь религию, религиозные разногласия между подданными не имеют важности, только слова не могут разрушать мир, должно свободно выражать внутреннее мнение каждого. Он смотрит с симпатией на союз между поклоняющимся идолам индийским царем и почитающим бога персидским царем /М.1577, по середине/. Уже было упомянуто /стр.32/

---

3 Это напоминает одного из легендарных врагов иранцев в героическом периоде "Sagsaran"/ собакоголовых и "Gurgsaran" -волкоголовых. Кажется сирийцы обыкновенно называли в этом периоде арабов "Urae", воронн. См.

что в лице Александра христианство рассматривается в благоприятном свете. Должно быть отмечено, что монахи, торжественно погребающие несчастного Сдегерда, считают его умершим в благословении, обитающем на небе /М.2087 и д./ Они, несомненно, выражают здесь мнение самого поэта, который следовательно не считает ни благочестивых христиан, ни благодетельных маздеистов неверующими. По всяком случае в его писаниях нельзя найти и следов фанатизма.

Правда, некоторые места содержат неблагоприятные понятия о христианстве, все таки такие места составлены не в магометанском смысле, будучи в действительности отражениями полемических писаний парсов, а частью рассматривая христианскую Римскую империю враждебной Ирану. Даже с исламской точки зрения такие выражение ,как "лживый Христос был предан смерти, когда он отвратил свою голову от религии" /М. 1653.8/ очень определенно достойно порицания. Другое дело, когда персы утверждают перед императором, что христиане не Z-Z /60/ Бируни, не поэт, но проницательный и глубокий ученый, чувствует себя вполне иранцем, не любит арабов и усвоил шиитские тенденции. Шиитская вера, это не подлежит сомнению, стала национальной религией Персии только через несколько столетий, но начало этой эволюции имеет свои корни в гораздо более ранние времена.[1]

Совершенно немыслимо, чтобы Фирдуси составил стихи 697-100_ в которых Абу-Бекр представлен, как превосходнейший из спутников Пророка, в строгом соответствии с правильным суннитской догмой, затем идет Омар, затем

[1] Однако Саади был суннит.

Осман, и где Али совершенно определенно занимает только четвертое место.[1] Конечно можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело опять с вынужденной уступкой убеждениям султана и можно было бы выяснить и понять настоящие мнения поэта в той обстоятельности, с которой трактуется об Али в следующих стихах. Но вышеприведенные стихи это только неуклюжая вставка, сделанная каким то суннитом. Они совершенно расстраивают контекст. Стих 96 начинается изречениями Пророка, которые заключаются в стихе 101 словами шиитской традиции, которые опять повторены также в сатире, в то время как стихи 97-100 дают рассказ о первых калифах! Так также во введении в историю Александра,[2] "Главою воинства спутников был Али, которого Пророк называл "Али, близкий" /Ali-i-wali/".

"Все /спутники/ были чисты и благочестивы, /но/ его /Али/ слова превосходят всякий расчет".

Напротив Омар назван в M.2061.17 "вождь арабов, через которого день стал ночью". Это скорее точка зрения иранского патриота, чем шиита. Следующий стих, в котором восхваляется Омар, несомненно не подлинный[3]. Но краткие слова хвалы, посвященные здесь спутникам Пророка вообще достаточны, чтобы показать, что Фердуси не принадлежал к крайним шиитам /ghulat/[4] /61/. Это было бы совершенно чуждо всей его природе.

---

1 В Петербургском манускрипте все в этом месте сделано шиитским посредством подчистки и изменения, но это было несомненно сделано вполне произвольно и не на основании древних текстов.

2 Лондауер, 1899, 7 и др/напечатано, но еще не опубликовано/. В издании Масона пропущена вся глава, хотя несомненно подлинная.

3 Более правильным было бы чтение лейденского свода *sifatha-i-u* "его качества".

4 Моль однако делает ошибку, пропуская этот и предыдущий стих. Лейденский и Страсбургский манускрипты оба имеют эти стихи.

Возможно, что поэт, никогда не бывший ни последовательным мыслителем, ни умственно смелым мужем, подобно, например, Абуль-Ала аль-Маарри, действительно с годами повернул свои мысли к исламу, который был религией этого времени. Он часто воспевает радости кубка вина, и затем вновь в других местах он увещевает себя покаяться и подготовиться к тому свету. Во всяком случае, я повторяю это, мы можем быть уверены, что он никогда не был ревностным приверженцем какой либо отдельной официальной церкви.[2]

Литература его времени, охватывающая теологическую и философскую схоластику, едва ли когда либо серьезно изучалась нашим поэтом. Но он знал об их учениях столько же, сколько показывает это знание в своей поэме /см. параграф 45/. Особенно должно быть отмечено, однако, что хотя его сочинение так полно сверхчеловеческими делами колдовства и чудесными происшествиями, он очень часто проявляет свои собственные рационалистические тенденции. Он очень подчеркивает знание разума /khirad арабск. ʿaql/. На это качество он ссылается даже в первом стихе Шах-наме, как на высокий божественный дар, и вторая глава Шах-наме посвящена исключительно его восхвалению /р.2 и д./

26. Иранский патриотизм нашего поэта мог иметь только чисто идеалистическую природу. Он имел характер энтузиазма к национальности, политическому единству и величию, которые давно прошли.[2] В то время как иранские национальные чув-

---

[2] Насир-и-Хосров говорит в поэме, где он исповедует шиитскую веру, все таки о "справедливости Омара" /Диван, изд. Таврическое, стр. 33/. Только когда он попал в среду крайних и стал исмаилитом, он стал угрожать последователям Омара божьим судом в последний день /там же, 241/. Есть самый располагающий контраст между религиозной терпимостью Шах-наме и темной религиозной нетерпимостью, пронизывающей так много исламистских и христианских сочинений и которая делает Песнь о

ства, особенно среди уроженцев Хорасана, составляет еще активную силу во время — — /64/. Метафоры, сделанные с этой целью, далее увеличены ошибками, сделанными из простой небрежности. Таким образом появляются такие в этих частях, происходящих от общего источника и не могущих быть прослеженными до какого нибудь из других арабских авторов, известные расхождения между Ghurar и нашим поэтом. Несколько свободное обращение с материалами у поэта и элегантная риторика у ученого могли содействовать в известной степени вызыванию таких расхождение. Но все это не имеет очень большой важности. [1] Мы теперь только можем гораздо лучше ви-

---

Роланде такой достойно "христианско" / Paien unt tort, e chrestien unt droit 1015. Gautier Язычники неправы, а христиане правы/. В свою очередь другого рода совершенное язычество Нибелунгов.

[3] В течение лучшего периода династии Сефевидов были восстановлены не только единство, но также прежнее величие Ирана, хотя в более узком масштабе. А теперь независимость Персии совсем погибла.

[1] Маленькая, но довольно замечательная разница заключается в том факте, что прославленный певец и флейтист назван в Шах-наме [illegible] /или скорее Barbad / а в Ghurar [illegible] он носит это самое имя в истории времени калифа Аль-Ватика /842-897г./ Aghani 5.58 /в печатное издании [illegible] / с небольшим изменением у Ибн Кутайби /девятое столетие/ 'Uyun 123.4 [illegible] у Ибн-Ханика /около 900 г. по Р.Х./, 138 и д. [illegible] у Якута /первая половина тринадцатого века/ [illegible] или [illegible] 3.251, 7.9 вместо через 1.428, 4/. Однако у Истахри /первая половина девятого века/ [illegible] 262.11 [illegible] т.е. в существенном та же самая, как в Шах-наме, ср. Justi Namenbuch 237. Все эти слова однако только различные, отчасти также /именно делая приставки, арабский артикль/ арабизированные транскрипции одного и того же пехлевийского слова, которого не следует дешифрировать как Bahrâm или Bahrâm и могло произноситься или Bahrâb или Bahlab соотв. Bahlavâb. Арабы, не имеющие в своем алфавите "р" должны транскрибировать начальный звук или как "ب" или "как "ف". Вторая буква в слове может тоже обозначать вместо "h" — "a". Для "l" и "z" в пехлевийском языке есть только один знак. Странно, что Юсти не признал идентичность этих двух главных форм.

деть, как Фердуси поэтически расширил и украсил материал, данный его источником. Следует, например, только сравнить прекрасный рассказ о Заале и Рудабег[1], неизвестный другим арабам, который несколько растянут даже в изложении Таалиби но который был гораздо больше расширен Фердуси и при этом не проявилось какой либо разницы в его главных чертах. Так из всех арабов только Таалиби получил историю о багстве принца Биштасб /Гуштасп/, предполагаемого престолонаследника и его браке с дочерью императора Kitāyūn, в этом рассказе он пропускает некоторые баснословные черты, тогда как Фердуси, напротив, добавляет, как видно, многие вещи от себя и делает из всего оживленную картину. С другой стороны поэт дает нам многие вещи, которые нельзя найти им в сочинениях /65/ у Таалиби и которые были заимствованы им из других источников. Но, что подробный рассказ о Bizn[2] и Manizeh не происходит из главного источника, было принято мною уже ранее на основании собственных слов Фердуси. Так же обстоит дело во многих примерах, кроме этого. Важно что ни у Таалиби, ни у других арабских писателей нет ничего о битве Рустема с Белым Дивом[3] и вообще о деяниях Рустема в Мазан=

---

[1] См. выше параграф 10.

[2] Имя بيژن идентично с وا جون а последнее это название человека из Osrushane /по ту сторону Oxus/, который часто упоминается у Табари. Начальное "v" в более раннем иранском языке часто заменяется "b", буквы ج, ز, ژ очень часто заменяют друг друга. Арабы обыкновенно транскрибировали персидское "e" как ى, но иногда также "ا" и в таких случаях мы можем быть уверены в том что древнее произношение было "ē". Наряду с Beran также Manizeh вероятнее всего должно писаться с "e". Теперь, однако, древнее "ē" и древнее "e" произносятся в Персии всегда как "i" и "u".

[3] См. мою статью в Archiv für die Religionswissenschaft 19.597 и д.

дерене, представляющих для нам большой интерес. Нет там и упоминания о еще более фантастической борьбе с Div-i-Akvan описание которой было поэтом предпринято после известного колебания и которое поэт пытается оправдать рационалистическими аллегорическими об"яснениями.[1] Главный общий источник, однако, не заключал ни одного из этих рассказов, где Рустем поднимается далеко выше человеческого уровня в область демонического и титанического. Так ни Таалиби, ни другие арабы не упоминают о сыне Рустема Сухрабе и следовательно ничего не знают о трагическом битве между героем Забула и его героическим сыном. Однако то, что в восточном Иране действительно рассказывались истории о Сухрабе[2], доказывается существованием имени Сухраб, которое носил в восьмом веке один князь Талакана /арабизированное Tālaqān / [3] Только Шах-Наме, насколько я могу видеть, содержит рассказ о победе царя Dārāb над /66/ арабами под командой их князя Shu'aib из семьи Qotaib 1776 и д.. Вероятнее всего этот рассказ был выдуман каким нибудь уроженцем Хорасана, не любившем арабов, сначала победоносных, и впоследствии битых его земляками при Абу Муслимех Имя Qotaib заставляло его несомненно думать о ненавистном имени Qabaiba ibn

---

1 Аллегорическое об"яснение вещей, которые имеют вид лжи, упоминается у Фердуси также в его вводной части поэмы. Место в приключении Аквана показывает, что это не отговорки поэта. К большому счастью он не прибегает к таким попыткам для спасения древних басен в каком либо другом месте.

2 Нельзя придавать существенного значения различию между формами Suhrab и Sahrab .

3 Табари, II, 1206, 1566. Этим именем могло пользоваться какое нибудь историческое лицо, даже значительно раньше. см.мой перевод Табари, 346.

Muslim Такой отрывок материалов должен был найти большой отклик в патриотизме Фердуси. Некоторые приключения Александра и Бахрам Гура повидимому также были заимствованы поэтом из других источников, не из Книги Царей. Последнее сочинение, как уже было указано должно быть изобиловало речами мудрости, однако кажется, что Фердуси использовал наряду с ними некоторые другие меньшие книги мудрости, так как он говорит однажды сам: "Я перелагаю в стихи это завещание Нуширвана" .М. 1786[1]. Поскольку дело идет о частностях наш поэт никогда точно не следовал тексту, которым он пользовался, как источником. Это были как раз такие темы, которые он обычно сильно развива л.То

---

1 Однако чулесный анекдот о принце Бахрам Гуре и его девушке арфистке М. 1964 и д. /Таалиби, 541 и д./ ,который связан со старым зданием, содержался в версии Ибн-Ковафы Худай-намэ откуда он был заимствован Ибн-Котайба Иуип 216, конечно с некоторыми сокращениями и без упоминания источника. Так например он не упоминает имени девушки, которое дано в обоих других сочинениях /Такие сокращения, вероятнее всего, могут быть найдены также в других цитатах из этой книги/. Это повествование может быть дополнено не только у Фердуси или Таалиби, но также из Якута ,4.738, которым оно было заимствовано у Ибн-Факиха, который имел историю полностью. Извлечение из нее, которое только сохранилось для нас, пропускает известные частности /издание de Goes 256/. Рассказ можно найти также в других антологиях.

2 Первым мотивом для включения таких вещей в описание деяний Александра было фактическое сообщение о гимнософистах. Имя его учителя Аристотеля, влияние которого было сильно преувеличено, могло также содействовать связыванию с титанической личностью Александра целого круга прославленеых философов. Может быть упомянуто, как курьез, что Таалиби 450 и д. упоминает следующих философов, как излагающих свои учения у места погребения Александра в Вавилоне: Аристотель, Птолемей /имеется ввиду не позднейший царь Египта, а арсрном и географ Клавдий Птолемей/, Диоген, Дорофей, Апполиний / Тианский/ [illegible] /вероятно испорченное неправильное изображение слова топікд /. Демокрит, Сократ, [illegible] /?/ и многие философы, имена которых не упомянуты. Во всяком случае люди, жившие в течение периода от пятого века до Христа до второго века нашей эры!

жесамое верно также о лучшей части загадок, которые занимают после истории Александра значительную часть сочинения. Образчик таких загадок может быть найден в 'Иуин у Ибн Котайба 330, 15-17, несомненно из одной из книг мудрости /67/ в версии Ibn Moqatta в рассмотрении Ануширвана; соответствующее место в Шах=Намэ это М. 1766-1774, но здесь ни один вопрос и или ответ тоже не соответствует таковым в тексте у Ибн Котайби. Несомненно, наш поэт очень заботился о том, чтобы сделать вопросы и ответы более заостренными и несомненно с большим успехом, чем мы можем оценить при нашей дефективном знании тонкостей языка и принимая во внимание плохое состояние манускрипта предания все в целом очень мало находит отклика в наших нынешних вкусах.[1] Еще раз я хочу подчеркнуть, что хотя Фердуси несомненно сочинял по писанным источникам, однако вся его поэтическая самостоятельность становится вполне очевидной только теперь, когда мы можем сравнить его текст с текстом Таалиби. Как уже было указано, это обман, когда он говорит таким образом, как если бы он передавал из устного рассказа какого нибудь дехкана, или подобного этому. Когда он говорит в 131, 46 что он перелагает в стихи "то, что было рассказано в древности", он подразумевает только то же самое, что имеется ввиду в "книге древних времен". В следующем стихе он обращается к читателю, как к слушателю: "О сын, предоставь мне твое ухо", что является подобным же случаем.

28. Шах=намэ, как целом, содержит таким образом связную историю Иранского государства от доисторических времен до завоевания империи арабами. Эта история охватывает 15 цар=

[1] В рассмотрении, которому подвергается принц Хармизд, упоминается человек, ограбленный ранее в Геджасе /М. 1763, 4 снизу/ Это несомненно должно быть связано с тем фактом, что иногда целые караваны пилигримов разграблялись разбойниками бедуинами, что могло только произойти ранее всего во второй половине III столетия Гиджры, так как такое дело могло быть возможно только после падения Халифата. Если ответ в источ =

ствований, очень неравной длительности. И должно быть отмечено, что очень неравное место в поэме, уделенное различным царствованиям, не вполне соответствует длительности периодов, в них описанных. Арсакиды, о которых в традиции практически ничего не было найдено, трактуются как одно царствование, и с ними поэт очень быстро разделывается. То, что цифра 50 не случаяная, становится очевидным из М.1587.7. где вместо выражения "все цари Ирана", мы встречаем /68/ слова "50 царей из семьи Kayānian ". Форма исторического сочинения сохраняется у Фердуси настолько далеко, что он почти всегда дает продолжительность царствования отдельных царей и что в поэму включены многие вещи, которые были более подходящими для хроники, чем для поэтического сочинения. Но едва ли возможно было этого избежать.

Повесть начинается таким образом после введения поэта, с доисторических царей, которые уже в более древних версиях были преобразованы из автопогонических и даже космогонических фигур в человеческие существа. В их царствованиях быстрая эволюция человечества до культурного состояния описана очень наивно. Действительная жизнь появляется в поэме только с Джемшидом и особенно с дьявольским Зохаком, история падения которого от руки кузнеца Каве и Феридуна принадлежит к самым блестящим местам поэмы Разделение мира между сыновьями Феридука ведет к тому, что один из них Īrej был убит другими двумя братьями Туром и Сельмом и отсюда начинается кровавая междоусобица между Ираном и Тураном. Mīnū Mihr [1] это тот, которому приходится первому отомстить за смерть своего отца .

нике Фердуси действительно содержал такую вещь, это означает только, что источник относится к довольно позднему периоду. Но по всей видимости ответ был выдуман самим поэтом; разбойники в Гедмаге очень подходят к неприязни к арабам вообще (см. выше стр. 32), а анахронизм не имел для него вообще значения.

В царствование Minūchihr'a в первый раз появляется Sām. На период Minūchihr'a приходится богатое приключениями детство сына Sām "a Zāl'a, прекрасный эпизод любви последнего к Rūdabeh, рождение и первые героические деяния Рустема. Убийство Nouzar'a, наследника Minūchihr'a, который был пленником в руках туранцев, туранским царем Афрасиабом, возбуждает опять войну с Тураном; эта война продолжается, правда, с несколькими перерывами, в течение длительного периода в царствования следующих пяти сменяющих друг друга царей, т.е. более чем три столетия. Одна из ее тонких черт, что Рустем уже в первом большом сражении ловит Афрасиаба за пояс и привел бы великую войну к скорому концу, если бы пояс не оборвался, давая таким образом возможность убежать царю неприятелей. Самые великолепные героические дела Рустема происходят во время царствования неразумного Kaus, а а также трагическая встреча Рустема с его собственным сыном Сухрабом. Сиявуш[2], /166/ который из-за разногласий со своим отцом Kaus "ом нашел убежище при дворе Афрасиаба и женился на дочери последнего, предается смерти Афрасиабом; это действие делает войну непримиримой. "Месть за Сиявуша" становится теперь лозунгом. В этой войне, состоящей из нескольких, не всегда блестящих кампаний и отчасти из крайне далеких

---

1 Так теперь обыкновенно произносят в Персии. Все таки начертание Manochihr, как оно сохранилось в Парсийской традиции, было повидимому правильной формой этого имени.

2 Siyavush это более обычная из форм, происшедших от авестийского Syavarsan. Звук "u" здесь подтверждается смежной формой с удлиннением Siyavush, метрически равной и рифмующей на nush. /М.769,3 также в соответствующих местах Лейденского и Страссбургского сводок, далее М.443 15.445,2/., Масан пишет سیا وشی. Вульфе проглядел этот хороший вариант, так как его критический аппарат не всегда точен. Эта форма могла стоять также в других версиях, где мы находим теперь более известное, метрически ровное

и опасных походов Гуфв в общем остается на заднем плане. Кой Хозров, сын Сиявуша, который был с большими трудностями доставлен из Турана, доводит до победного конца войну и Афрасияб обращается в бегство и скрывается в некоем пустынном месте, но его открывают и убивают. Однако перед этим разыгтывается любовная история между Bīzan и Manizeh. Хозров похищается, многие из его рыцарей погибают в снегах. Затем наступает значительный разрыв в повествовании; только конец истории Рустема относится к кругу прежних героев. При Luhrāsp, в лице которого боковая ветвь наследует трон, мы слышим почти исключительно о приключениях его сына Гуштаспа; между другими его любовную историю с дочерью Кайсара. В царствование самого Гуштаспа вводится новая вера Зороастром, это опять ведет к войне с тюрками, управляемыми Arjasp'ом. Защитник религии Исфандияр, сын Гуштаспа, который приводит войну к концу, совершив много героических деяний Его отец, который ранее обещал ему трон, но который всегда отсладывал исполнение своего обещания, посылает его наконец сражаться с Рустемом, который его убивает с помощью колдовской силы. Сам Рустем погибает вскоре после этого. Два следующих царя еще мифические. Через Dārāb и Dārā [1] мы приходим к Александру, история которого основана на так называемом Псевдо Каллисфене. Только мало сказано об Арсакидах. Начиная с Ардашира повествование в главных своих чертах становится историческим, но оно несомненно содержит еще много романтических и анекдотических вещей. Даже мифические черты не совсем отсутствуют. Поэт останавливается более обстоятельно на некоторых Сассанидах, как то Ардашир II, Шапур 1, Кубад 1, Хозров II, но совсем особенно на

---

[1] Разделение двух форм одного имени между двумя царями произвольно. О различных формах имени Дарий см. Юсти. Iran Namen-buch к которым должны быть добавлены только формы иудейско-арамейских папирусов: דליו, דליה, דליה.

Бахрам Гуре, любимом герое/70/ поэмы, который описан до в вполне баснословной манере, и на Хозрове 1 /Kisrā /, являющемся идеалом царской мудрости. Однако о его действительных делах сказано немного. Война его внука Хозрова II против римлян даже не упоминается. Вместо этого поэт дает нам детальное описание мятежа, поднятого начальником его войск Бахрам Чубином, и битв, связанных с этим, а также запись о падении этого царя и вступлении на престол его сына Shīrūi . Сообщение о падении империи заключается в одном описании битвы при Qādisīyeh, где, как рассказывается в поэме, начальник иранских войск Рустем погибает от стрелы, пущенной самим арабским главнокомандующим Саадом.

После этого остается только процесть историю судьбы беглого последнего царя Ездегерда III, заканчивающуюся его печальной смертью. Краткий эпилог составляет последнюю главу поэмы.

29. Даже этот краткий обзор показывает, что различные части огромной поэмы отчасти только слабо связаны между собой. Это также показывают часто встречающиеся слова перехода: "Повесть о том то теперь окончена; теперь мы будем рассказывать о том-то". Таким образом было возможно, что большие части поэмы могли быть пропущены без того, чтобы пробел был кем нибудь замечен. Факт тот, что мы должны всегда иметь ввиду, что поэт был так сказать связан своими источниками. Этот факт в дальнейшем привел к тому, что различные части имеют очень различный характер. История об Александре, хотя вполне баснословная, однако сильно отличается по своему роду от подлинно иранских героических историй, трактующих о древних царях. Еще более бьет в глаза эта разница в случае с Сассанидами, несмотря на нали!

чие менее обширных и даже более обширных мест, составленных в стиле героичес ой истории в части, уделенной в поэме этой династии. Вообще говоря, Сассанидский период, занимающий более одной трети целого, не имеет такого самого героического интереса, как героический период. Недостаток какой либо подробной информации относительно большинства царей этой династии был скрыт и в источнике, которым пользовался Фердуси, и в источниках последнего дидактическими речами, которые как мы уже говорили, далее в высшей степени произвольно развиты у Фердуси. Так даже в рассказе об Ардашире, где такие места находятся в разительном противоречии с общим баснословным характером самого рассказа . Эти речи содержат в себе отчасти самые восхитительные вещи, но избыток их довольно скучен. Чисто исторические факты также не могут возбудить /71/ наш поэтический энтузиазм. Многие независимые эпически составленные циклы были утеряны традицией: существует только один такой цикл именно исторический роман о Бахрам Чубине. Приключения этого мужа соответственно представлены в самой поэтической манере также в Шах-Наме. Бахрам Чубин действительно сравнивается с Рустемом .M. 1311, 3. 1823. 10. См. для этого Также Таалиби. Ghurar 44/2. Главные черты этого рассказа, как он передан в Шах-Наме, не отличаются очень сильно от довольно известной биографии узурпатора, которая в самом деле была очень романтической, и все же его героическая личность описана в Шах-Наме таким образом, что она очень хорошо подходила бы ко временам Хосров-Хозрова. Бахрам без посторонней помощи избивает целые армии, поражает мастерским выстрелом царя Савеха и его победа над львом Коппи достойна быть поставленной наряду с боями Рустема и Исфандияра с драконами и другими чудовищами. Даже в своих мнениях и направлениях он обрисован подобно подлинному

трагическому герою, который хотя великий и могущественный, перенапрягает свои силы и следовательно вынужден понести неудачу и пасть. Значительный интерес представляет запись о мятеже Ардашира против его отца Кисра, особенно его трогательное утешительное заключение. Большое впечатление на внимательного читателя производит история последнего Ездегерда, полная меланхолического интереса. Среди многочисленных анекдотов, относительно Бахрам Гур некоторые рассказаны очень умно. Правда, его охотничьи и любовные приключения все отчасти слишком похожи одно на другое. Различные части его истории вполне носят, однако, характер героического периода. Так например его битва с Каганом, его покорение носорога[1] и дракона. Разницу между этой большой частью поэмы и ее другими частями, следовательно, не надо преувеличивать, и эту особую историю не следует рассматривать, как род рифмованной хроники. Фактически она имеет очень мало сходства с такой хроникой.

Известное однообразие сохраняется однако во всей поэме. Она дает нам историю Иранского государства от его возникновения до падения, как эта история оформилась в умах народа. Правда, в составлении этой истории ученые силы также основательно поработали, правда, вся часть, содержащая рассказ об Александре иностранного происхождения, но однако Шах-Наме должна быть обозначена, как иранский национальный эпос в самом полном смысле этого слова, именно так, потому что она представляет поэтическую версию национальных преданий, как целого.

---

[1] Корг а не gurg - "волк".

30. Подобно эпическим кругам других народов, также в иранском эпосе некоторые материалы приняли настолько различные формы /72/, что они рассматривались как действительно различные в то время, когда их соединяли в единое целое, и они сохранились в этих различных формах одна рядом с другой. Добавим, что некоторые составляющие поэму части были уже в более ранние времена сознательно имитированы, такие имитации были сохранены в Шах-намэ рядом с их оригиналами. Не всегда может быть разыскано в отдельных примерах, что является первым вариантом какой нибудь легенды, и что на самом деле имитация. В менее существенных частностях поэт несомненно имитировал или он сам или его источник; это однако относится к совсем второстепенным предметам.[1] Масси / Введение, XXXVIII/ рассматривает путешествие Рустема в Мазандеран и Исфандияра в Туран, которые оба содержат по 7 приключений, как простые дублеты. Шпигель /Eran. Alterth 1.714 и д. ZiMg 45.201/ более обстоятельно трактует предмет и пытается доказать, что для духовенства было очень важно превозносить защит=

---

[1] Такие дублеты, как мы знаем, находятся также у Гомера, где они имеют очень разнообразную природу. Мы имеем там для первого примера совершенно древние варианты материалов: Цирцея, Калипсо, Калипсо и Листригоны. Пророчества Цирцеи /Од. 12,127 и д./ в значительной степени те же, что и Тиресия /П, 106 и д./ : путешествие в Ад было бы при последовательности при нынешней форме поэмы скорее излишним /Rhode. Psyche 46 имеет несколько отличающееся мнение относительно этого предмета/. "Птицегадание" с орлом и гусем /Од. 15,160 и д./ очень красиво повторено в сне Пенелопы. /Од. 19,535 и д./ Другая вещь это почти буквально то же самое возражение богини против спасения Серпедана и Гектора от смерти /П, 16,440 и д., 18,177 и д./ относительно Гектора это может быть только позднейшее предание, так как Юпитер устанавливает только позднее посредством весов, что Гектор должен пасть, но не соглашается обречь его на смерть по настояниям Афины.

ника верн Исфандияра выше Рустема и что целая серия деяния были были ими выдуманы для Исфандияра, сделанные по контурам деяний, выполненных Рустемом, но оставляющие их далеко позади. И в самом деле, некоторые из чудесных деяний, совершенных двумя героями, совершенно сходны даже в самых мельчайших частностях. Далее Рустем завоевывает гору Санаид,[1], куда он проник переодетым купцом, и совершенно таким же образом, как Исфандияр берет крепость Руиндиз[2].

Рассматривая эти сходства я также рассматривал их ранее в том же самом освещении, как Шпигель, полагая, что деяния Исфандияра были в этом случае имитацией, а деяния Рустема оригиналом. Это мнение, однако, мы не можем более поддерживать, так как мы знаем, что, как /73/ было уже указано[3] арабские историки именно также Таалиби, не рассматривают ничего о походе Рустема в Мазандеран и о деяниях, совершенных им в этой области. Следовательно, этого не должно было быть и в Книге Царей, составленной четырьмя экспертами. Вероятнее всего ничего также не было записано в Худай-Намэ о тех необыкновенных деяниях, которыми Рустем поднимается высоко над обыкновенным уровнем героев. Таким же образом я не могу более разделять мнение Шпигеля относительно другого дублета /Eran. Alterth. 1 - 594/. Он видит оригинал в походе Рустема в Мазандеран с целью освобождения царя Кейковуса /Kai Kaus/, став-

---

1 Эта гора вполне несомненно идентична с Sipad kuh или Kuh-i-sipad, где сидит брат Хозрова /797/ и с горою Spenodata в Авесте.

2 То же самое военное действие повторяется также в рассказе о Бизоне и Манизе, известном нам только из Шах-Намэ.

3 См. выше параграф 26.

него пленником, по своей собственной нерассудительности, и имитацию в походе Рустема в Hāmāveran чтобы освободить этого самого царя, но так как Таалиби знает так же мало, как другие, о происшедшем в Мазандеране, можно сделать вывод, что в боях Рустема с демонами Мазандерана мы имеем дело с древним отдельным преданием, которое позднее было переделано, с одной стороны по контуру приключений Исфандияра, а с другой - в поход в область Hamaveran Однако должно быть отмечено, что из приключений, с которыми Рустем встретился при своем путешествии, только первые четыре действительно параллельны, приключениям Исфандияра, мало того, даже число семь для деяний Рустема несколько искусственно подогнано. Эта подгонка, впрочем, не может быть очень древней, так как Hamāvar /401,337/ который обыкновенно употребляется с персидским окончанием множественного числа, что делает необходимым по соображениям метрики удлинение первого "а", т.е. говорить Hāmāverān это страна Hitjar, Hemer /Эфиопская/[1], поэтому никаких походов персидских царей в эту страну не могло быть записано прежде действительного ее завоевания, совершившегося в царствование Хозрова 1 /около 570 г. п.Р.Х./[2] Другое повторение это, что большой поход Кой Хозрова против Афрасияба, со всеми его географическими чудовищностями, разделен на две части, которые обе рассказывают нам одни и те же вещи. Оккупация Kang-i-bihisht заканчивает первую часть, в то время, как вторая заканчива-

---

1 Я теперь считаю эту идентификацию несомненной. Персияне могли слышать форму множественного числа, как Hamair или даже Hamawir.

2 Достопримечательно, что поход для покорения Hāmāverān переходит через море, как и действительно должно быть при таком походе. Тот факт, что вместо большого моря Шах-намэ ставит озеро Zarah /382,39,41/ не может очень удивлять нас, принимая во внимание географический хаос, царствующий в Шах-намэ /см. параграф 39/.

ется /74/ поколением Kang diz, однако обе крепости несомненно идентичны /1777/[1]. Таким же образом также две неудавшиеся военные экспедиции иранцев затруднены снегом. Во время второй экспедиции снегопад вызывается колдовской силой тюркского волшебника; это, несомненно, оригинальная версия Вероятнее всего обе полные версии войны против Афрасияба были составлены уже в очень раннем периоде, когда тот факт, что обе версии рассказывали об одном и том же событии, оставался незамеченным вследствие расхождения в деталях. Когда Сохраб выбирает для себя боевого коня, применяя к нему точно такое же испытание, как Рустем /444 и 283/[2] то это, конечно, сказано с умыслом: конь Сохраба в действительности отпрыск конюшни его отца. Эта черта не является необходимо очень древней; однако мы едва ли можем быть склонны сделать Фердуси ответственным за это повторение. Бахмон пытается убить Рустема посредством глыбы, катящейся с горы /1650/, таким же образом как поступали по отношению к Феридуну его братья /51 и д./ Рустем останавливает глыбу силой своего дела, Феридун колдовской силой[3].

Нам приходится также иметь дело с дублированием в анекдоте о Бахрам Гуре с иудейским нищим /M. 1404 и д./

---

[1] durzhukht kang "проклятый Конг", 119, 1006 это опять та же самая крепость, независимо от того, понимал ли это наш поэт или нет.

[2] Таким же образом испытывает своего коня русский герой Чурило / Stern цит.соч. 89 и д./ Но эта черта обязана своим существованием здесь все таки Шах-наме, хотя и переданная посредством устной передачи, подобно многим вещам в песнях, заимствованным героическим кругом Владимира с востока.

[3] Эти два примера имеют также то общее, что они не влияют ни на какие дальнейшие события и что кажется они совсем игнорируются в том, что следует затем.

в анекдоте, относящемся к этому же царю и зловредному Farshīdvard /М.1530 и д./ Вариант этой самой легенды можно видеть в случае с Афрасиабом, приведенным из пещеры Гумом /1389/ и таинственным странником от озера Chīchost /1394/[1] Сасан, сын Бахмана, удаляется после того, как его сестра Humāi посажена на трон в Нишапур, его сын, который также называется Сасан, становится пастухом на службе царя этой страны /1756 и д./ Позднее Сасан, сын Дара, обращается в бегство перед Александром и отправляется в Индию, через четыре поколения его потомки, которые все носят имя Сасан, еще пастухи. Последних из них приходит к /75/ Бабаку, женится на его дочери и таким образом становится основателем царской династии.[2] Разумеется также сын Бахман мыслится, как предок Сассанидов, обе версии исключают одна другую. Царь Индии посылает Кисра игру в шахматы; если он разрешит секрет, то получит большую дань и т. д. Buzurgmihr решает его /М.1719 и д./. Точно такая же самая вещь происходит с таинственной шапочкой, посланной Койсаром /М.1751 и д./. Об одном историческом, хотя чудесно преувеличенном факте рассказывается дважды: основание города Zib-i-Khosrow где поселены римские пленники и где все, как в их родной стране /М.1644/. Это сходно со строительством Суристана, где происходит то же самое /М.1650/[3] Наконец, вер Наконец, вероятнее всего

---

1 Что Афрасиаб / Frāñrasyan / вытаскивается из моря Hum'ом /Haōma/ и приводится пред лицо Хозрова / Husravah / рассказано уже в Авесте / Yasht 9,18.17,38/. Английский перевод Дамстетера, 2.114,278.

2 Последняя личность в Kārnāmak, где однако основатель династии Сасан изображается, как обратившийся в бегство с курдскими пастухами. Это больше подходит к положению, но очень отдаленная Индия, кажется, была лучшим место убежища прежде Александра.

3 Он, конечно, имеет ввиду так называемую Новую Антиохию, около Ктезифона, построенную Хозровом, где были поселены пленники из Римских стран.

идентичны битвы с драконами, совершенные Самом ,/196_ 1668/, Рустемом /339 и д./,Гуштаспом /1474 и д./, Исфандияром/ 1591 и д./ Ардаширом /м. 1386 и д./,и Бахрам Гуром /м. 1513/. Все это отражения древнего натурального мифа, перенесенные на различных мифических и исторических героев.

Повторение во второстепенных чертах, в самом деле, встречается во многих других примерах, ср. например нахождение Кай Кубада Рустемом /293/ с нахождением Кай Хосрова Giv'ом /717 и д./ В дидактических и загадочных речах можно найти всякого рода дублеты.

Специальный характер имеет двойной рассказ о введении игры в шахматы. Как было признано Молем /Предисловие, 6,V/ один рассказ /который основан на книге, написанной на пехлеви, сохранившейся до нашего времени/ имеет дело с игрою, известной нам с 32 фигурами и 64 клетками доски, с другой /1726 и д./ с игрою, где пользуются 40 фигурами на 100 клетках доски[1]. Второе повествование, однако, которое вероятнее всего наш поэт взял первый, противоречит первому.

31. Даже в том, что было здесь упомянуто, читатель, смотрящий на поэму с более глубокой точки зрения, чем простое наслаждение ее поэтическими красотами, откроет много скрытых противоречий. И в огромном материале, мало по малу собранном из многих, частью разнородных, источников осталось много очевидных противоречий /76/, несмотря на приспособление материала, доступного поэту. Особенно интересен следующий случай: после того, как Сиявуш был

---

[1] Относительно этих и других родов шахматной игры см. Масуди 8.314.

убит, Рустем отправляется в Турам отомстить за его смерть, он покоряет и разрушает страну Туран до границ Китая, он правит страной в течение семи лет и после этого совсем ее оставляет /703 и др./ Но мы не можем проследить какого либо влияния этих событий на то, что за этим следует. Рассказ о великих войнах, следующих с переменным счастьем, принимает за бесспорный факт, что Афрасиаб несомненно царствовал в это время, и что ему вовсе не отомстили пока. Иранский принц Хозров спокойно подрастал в Туране при царствовании Афрасияба точно в то время, когда эта страна, как предполагается, должна была находиться в руках Рустема, и только с большим трудом Gīv смог его найти после семидетних поисков. Эвакуация Турана Рустемом не имеет смысла, так как военные походы опять необходимы после этого. Это должно было произойти следующим образом: одна из версий приписывала всю славу покорения Афрасиаба Рустему, но трактовала материал довольно кратко, в то время, как другая версия /и вернее всего гораздо более старая/ описывала отмщение, как сделанное посредством длительных войн. И даже эта вторая версия, как опять было видно, содержит в свою очередь удвоения. Что Сассанид Ардашир II вступил на трон, как наследник своего брата Шапура II, это не согласуется, даже в обычном представлении, с понятием, что последний был коронован будучи новорожденным ребенком, ввиду недостатка лиц, имеющих право на трон. В Шах-наме это противоречие увеличивается еще более тем фактом, что Ардашир определенно описывается, как младший брат и называется молодым человеком /М. 1455/ незадолго до смерти Шапура, о котором сказано, что

---

[1] См. мой перевод Табари, стр. 69.

он царствовал семьдесят с лишним лет. Это несомненно об"ясняется небрежностью со стороны поэта. Противоречия в рассмотрении различных религий были выидны выше, параграф 25, И в большей части заимствованной из романа об Александре, последний изображен, как благочестивый герой, к которому наш поэт полон симпатий, тогда как подлинная национальная традиция знает об Александре только то, что он убил Дария и разрушил Иранское государством, и помещает его рядом с Заххаком и Афрасиабом, что находит здесь и там отражение также в Шах=намэ, напр. М.1375,4 и д./ Также слова, которые довольно дисгармонируют с общим направлением рассказа /77/ "когда Дари был убит в битве" основаны на этом понимании.

Очевидно, что нет недостатка в больших анахронизмах в Шах=намэ. Однако нам кажется все таки странным слышать, что у "римлян" времен Александра, мало того, за несколько поколений ранее, во время царствования Гуштаспа /1453, 154, 1459,260,1464.426 и д., 1477_594 и д./ христианская церковь с ее духовенством и весь ритуал был в полном расцвете. Великий Македонец и его предшественники в самом деле могли мыслиться только, как византийские "корсары", что далее вело к тому, что их считали христианами. Даже более поразительно, что эпос Фирдуси гроворит о священных писаниях маздеистов / Zondu Usta / ранее периода Зороастра, в то время, как о последнем говорится, как об основателе религии и в части поэмы, принятой от Дакики, и в других частях поэмы.[1]

32. Великое эпическое произведение не может, конечно даже помимо суб"ективных мест, где Фирдуси говорит о себе,

---

[1] Предисловие Байсангура осмеивает два больших анахронизма и добавляет, что поэма изобилует дальнейшими ошибками такого рода / Масан, 19/.

или некоторых своих высокопоставленных современниках, быть вполне независимым от столетия, когда оно возникло, но в целом оно однако представляет в согласии со своим источником и источниками последнего и вполне соответственно с отношением к предмету, о котором в нем трактуется, обстоятельства и в значительной степени также понятия периода государства Сассанидов, последнего иранского единого монархического правительства. Поэма не делает различия между мифическими доисторическими временами и обстоятельствами Сассанидского периода. Ардашир и его семья представлены, как законные наследники первого царя на земле Гайомарта. Строжайший легитимизм, не имеющий никого либо смысла во время Фердуси, но везде преобладавший при Сассанидах, царит высоко во всей поэме. Кто не принадлежит к царской фамилии, кто следовательно не имеет "царскую славу", не может стать царем, и именно поэтому узурпаторы, подобные Бахрам Чубину и Гуразу /Шахбараз/ должны погибнуть. Последнее обстоятельство, рассказанное в Шах-наме, это ужасное возмездие, которому подвергаются предавший несчастного Ездегерда и вся его семья. Когда Заль приходит к познанию того, что Lohrasp имеет счастье быть царской крови , он немедленно снимает возражение против того, чтобы тот наследовал трон, несмотря на то, что до этого он выражал это возражение в самых решительных словах /1433, 2996/ /73/. Неповиновение царским распоряжениям - это смертный грех, который карается наказанием в аду /242, 52, 1684, 3214 и т.д./. Но рядом с царем стоят главари высшей знати, которые также похваляются подобным же древним происхождением, что совершенно соответствует положению знатных родов в государстве Сассанидов. В то время, когда жил наш поэт, таких вещей не было. Правда, все эти вельможи изображены в Шах-наме всегда верными и предан-

нными царю, в то время как в действительности как раз именно в Сассанидском государстве были случаи противоположного поведения. Но эти неприятные факты были затушеваны уже в исторической традиции, которая была составлена под влиянием царского дома. Однако даже в Шах-наме не отсутствуют эпизоды, где великие вассалы показывают царю свою более грубую сторону. Так Тус, сам царский сын, только с большим трудом был принужден повиноваться решению Кай Кауса, чтобы после /смерти/ последнего трон должен перейти к Кай Хозрову. И именно здесь нам приходится иметь дело с обращенною Русте-мом к Кай Каусу речью, где сильно выражен гнев, недоверие и самонадеянность, и именно его решительное выступление принуждает глупого царя уступить /466 и д./. Это показывает, что ни традиция, ни во всяком случае наш поэт не придерживаются слишком строго идеи безусловного повиновения. Число "семь" в перечислении знатнейших домов Ирана, которому придавалось большое значение и в Сассанидской империи и в древних империях[1] также неоднократно отражается в Шах-наме, где семь героев бывают всегда вместе, напр. 419, 585, 589, 1117, 903, 1127, 1098 и т.д.

Влияние духовенства, которое было очень значительным во времена Сассанидов, напротив, в Шах-наме остается совершенно на заднем плане, причина этого может быть та, что традиция была царская, некоторые же вещи возможно были отчасти изменены самим поэтом. Вся пышность двора, так часто и охотно описываемая в поэме, повидимому соответствует более времени Сассанидов, чем Махмуда, двор которого, по всей видимости, был более прост. Могучие пьяные пиры царей

---

[1] Мой перевод Табари, 437, Гутшмид, мелкие сочинения, 3, 170, / Kleine Schriften /.

и героев, описанные с таким вкусом, где их участники ни=
когда не ухрлят с них, не перепившись совершенно /срр 229,
1792, 437, 80, 464, 485_474, 627, 598, 1384 и д. и т.д./[1] несом=
ненно были постоянным явлением также во времена нашего
поэта: дипсомания знатных персов[2] повидимому оставалась
/79/ всегда на том же уровне и только незначительно была
сдерживаема исламом.[3] .Произносить речи и пить "в память" -
этот обычай сохранился в Персии, как показывают места в
поэме, до времени Фирдуси, я не знаю, может быть и до нашего
времени. Маленькая, но довольно характерная черта то, что
согласно Сассанидскому обычаю, принцы, действующие как вице=
короли, называются царями и носят корону /530 и д./ Большое
значение придается хорошему происхождению/ nizād /, даже
в морализирующих проповедях, в противоположность времени
самого поэта, когда многие обедневшие дехканы несомненно
очень высоко ценили свое генеалогическое древо[4], в то время
как выскочки правители в крайнем случае заказывали соста=
вить для себя какую нибудь поддельную родословную. Таким
же путем развитие между разными положениями неблагородных
классов очень резко очерчено, в сильное противоречии мусуль
манским временам. Сын сапожника ни при каких условиях не

---

1 Есть даже описания пьянства, 464, 486.

2 Геродот, 1.133.

3 В очень неприятной манере описаны радости пьяных пир=
шеств мука и беда в течение целых недель в Wīs u Rāmin
поэме, эстетическая ценность которой не может считаться
выше ее морали. Древние израильтяне, отметим мимоходом,
были вообще, несмотря на такие места, как Езек. 5.22, не ос
такие горькие пьяницы, однако подходящий праздник внзы=
вал питие вина до опьянения /Бытия, 43, 44/:

4 Эта черта также переносится на заграничные страны. Один
дехкан в стране римлян /1439, 266,/ ведет свое происхожде=
ние в Сальму, сыну Фаридука ,/1456, 216/:

может стать "писарем" /чиновник, dabīr / /М.1778 и д./[1]. Положение этих "писарей" сколько нибудь значительно не изменилось. Секретари писали письма для царей и секретари читали письма, получаемые царями; Это не значит необходимо, что цари вообще не умели читать и писать, но вероятно это следует понимать таким образом.[2] В дни Фирдуси дела должны были обстоять еще хуже. Придворные обычаи, как они сформировались в знатных кругах старой монархии и постепенно возвысились до состояния подлинного рыцарского мировоззрения, все царствует во всем тексте Шах-намэ. Это /180/ показывается, например, в уважении к мертвому телу неприятельского царя /1371/[3].

33. Эпическое повествование, как и самый эпос, гораздо больше подчеркивает деяния отдельных героев, чем активность масс. Вооружение рыцарей Шах-намэ повидимому опять таки относится скорее к Сассанидскому прошлому, чем к настоящему. Как бы то ни было, я едва ли мог бы думать, что в мусульманских армиях могло придаваться сколько нибудь большое значение полным доспехам всадников и самих лошадей,[4], в то вре-

---

1 В Лейденской версии Marzbannameh один ткач льна, занимает место сына сапожника, см. Hautsma в ZDMG 52,384, ср. историческое свидетельство Ибн Аби Уссаиби, 1,179,8 и д. Большое презрение к низшим сословиям, представленным "земледельцем, кузнецом и ткачом" показано также в стихе Абу Шукура в Асади, 38,12,59,5, который был упомянут в параграфе 18,

2 Это исключение, когда Кайсар выражает пожелание, чтобы Хозров II лично читал письмо, полученное от него и писал к нему сам, не давая дабиру ничего знать об этом /М.1917,16-18/. Стих М.1918,14, где Хозров все таки приказывает дабиру придти, хотя он и имеется во всех доступных мне копиях, не может быть автентичным, так как сам царь М.1919.13 говорит, что он сам написал все письмо.

3 Место 1396, примечание 10 /М.993,23 и д./ которое обеспечивает даже телу Афрасиаба почетное погребение, кажется однако недостаточно несомненным. Правда, один стих из него цитируется в "Абдулкадыр Шах-намэ лексикон" /из Залеманна/ 38,7, /Vullers Lex. 1,170-а под словом بارگ ت /правильная форма پارگین/

4 Он еще встречается в отдельных случаях во времена Омайядов, см. Таб, II,958, Ahlwardt Beladhari 344, посл. /где разумеется

мя как герои Фердуси и их кони всегда покрыты тяжелой броней и таким образом соответствуют страшным закованным в железо всадникам старой монархии. Очень употребляемое ими оружие это аркан, которое первоначально было орудием скотоводов - кочевников и упоминалось еще в 479 г. до Р.Х. у иранских Sogartians [1], и которое принадлежит также к полному вооружению на изображениях Сассанидских царей около Персеполиса. Однако аркан едва ли мог иметь серьезное значение в тесной свалке битвы, и с течением времени, должен был стать устаревшим. Но для целей эпических описаний аркан был очень подходящим. Боец может покорить своего противника легко посредством ловкого бросания. Также число применяемых видов оружия увеличилось, также палицей, сделанной частью из дерева, частью из железа /которое имело большое применение в позднейшие времена/ и таким образом поэту предоставился удобный случай ввести в свое описание известное разнообразие. [2] /81/.

34. Мы видим из сказанного выше, что в распоряжении Фердуси были об"емистые материалы, законченно оформленные, и сочинение его было обусловлено ими. Он мог бы удовлетвориться тем, что привел их в стихотворную форму и это могло бы уже дать очень удовлетворительные результаты для некоторых частей поэмы, принимая во внимание, что более значитель-

---

следует читать العجغة /; Ибн Каис, ar Rugayat № 51, 15. Однако едва ли он имел сколько нибудь большое значение в этот период, а позже он был совершенно оставлен. Адам Мэз, он слишком рано умер, который подробно изучал положение военных дел в первые столетия Гиджры, однажды случайно подтвердил мне, что в это время не применялось покрытие коней броней.

1 Геродот, 7,85; Павзаний 1,21,8. Может быть отмечено, что такие черты у Геродота являются достаточным доказательством того факта, что его информация об армии Ксеркса основана на личном наблюдении. У Табари 1,2306 аркан является тюркским оружием.

2

ные части эпоса не только были поэтически прочувствованы и оформлены в древние времена, но фактически выражены в деталях в поэтическом языке, как показано книгой о Зарире. Но Фердуси упорно стремился к тому, чтобы создать настоящую поэму. Достойно настоящего поэта, каким он является, он производит могучее впечатление на ум читателя. Он оживляет простой рассказ, вводя к нам действующих лиц с их речами, мало того, часть действия отступает на задний план перед речами. Он обрисовывает частности, давая нам, например, полное описание отдельного сражения в тех случаях, где последнее было только кратко упомянуто его источником, как имевшее место. Он позволяет себе большие вольности, добавляя менее важные черты, которые делают описание более живым. Даже в случаях, когда характер героя был дан в традиции ранее, он все таки умеет обрисовать нам этого героя в совсем новом свете. Вероятнее всего все лица в основном сочинении были обрисованы несколько жестким схематическим образом в книге Зарира. Фердуси знает, как показать основания их действий и об"яснить их наклонности ума в ясной манере. Психологический рисунок иногда очень тонкий. Вообще во всей поэме царит героический тон. Мощь и великолепие, весельe и боевой дух древних времен представлены в самом возвышенном стиле, слышно бряцание мечей и эхо пиров. /razm-u-bazm/. Однако наш поэт не так обстоятелен, как Гомер, и не имеет способности давать нам резкие контуры в немногих словах, как последний. Однако многословный, как любой перс, в отношении речей и писем, он прямо идет к цели, описывая события/ не отвлекаясь описанием второстепенных вещей. Хотя вообще на первом плане у него военные сцены, включая историю

затем дротик редко страла; почти более важный какой нибудь кусок камня, поднятый с земли. Но действительное оружие азиатских народов была стрела.

Александра, однако изобилуют места, где выдвигаются более нежные чувства,[1], между которыми рассказ о Зале и Rudabeh образует существенную часть в истории дома Забула, тогда как рассказы о Bižan и Manižeh и о Gustaspe и Kitayun только эпизоды. Эти части поэмы относятся к самым прекрасным частям сочинения и поэт достигает здесь величайшей эффектности посредством довольно простого рассказа, что между прочим является специальной чертой всего сочинения. Любовные рассказы из истории Сасанидов ни коим образом не могут сравниться с этими большими повестями. Материнская и сыновняя любовь также находит свое выражение. Но дикая жажда мести за убитых родственников в высшей степени связана с этой любовью.

---

1 Это однажды побудило Рюккерта воскликнуть: "Какая в самом деле разница между Фердуси и Гомером? Только та, что у него немного меньше тела и немного больше души" /ZDMG 10,235/ Я позволяю себе здесь повторить с известными незначительными изменениями и некоторым количеством частностей то, что было мною сказано против этого в моих "Персидских исследованиях" /Persische Studien/ II, 15. Деликатно чувствующий поэт был заведен здесь немного слишком далеко своей любовью к восточному творчеству. Фердуси дал не на немного, но на очень много меньше тела, чем Гомер, как было указано в предыдущих строках; меньшая сила конкретного восприятия может быть видна, между прочими вещами, во многих гиперболах у Фердуси. Так, когда он часто переносит риторическое выражение "плакать кровавыми слезами", в действительность, он описывает щеки, красные от крови, мало того, даже на земле душу крови! Я оспариваю также утверждение, что у Фердуси больше души, чем у Гомера. Глубокое чувство тоски по родине в Одиссее должно быть принято во внимание. Напрасно мы искали бы в Шах-наме такие стихи, как σέκεος καὶ κάπνου ἀναφερόμενον νοήσαι χάρις θανέειν σίκειρέτα. /1.58 и д./ Сравним также встречу между Одиссеем и его матерью, /XI, 202 и д./ также как трогательное место о верной старой собаке, которая узнает своего хозяина и умирает, виляя ему хвостом /XVII, 291-327/. А для Илиады, хотя последняя книга является исключением, мы должны указать только на сцену между Гектором и Андромахой. Кроме того, выражение "только то, что", встречающееся часто, несколько преувеличено; оно все же подчеркивает многие глубокие различия между Фердуси и Гомером.

2 Было очень умно указано Компаретти в Калевале /немецкий перевод, 227/ что любовные истории только в очень легких контурах встречаются в первобытном эпосе.

Очень большая часть поэмы говорит о мести за кровь Сиявуша. Эта тоска по мести становится такой страстной, что даже человек возвышенного ума Гударз пьет кровь самого благородного из павших врагов Пирона, правда, он должен мстить за убийство своих 70 сыновей! /1245/[1] Это факт, что отмщение за кровь считается священным долгом, предписанным богом /1204 и д./. Очень часты элегические жалобы, что быстро проходит все прекрасное и хорошее и что вечно /83/ сменяют друг друга удача и несчастье. Не часто в поэме появляются следы грубого юмора, все таки некоторые такие черты находятся в описании самых характерных приключений Рустема. Здесь может быть далее указано на повествование о "Zutt"/цыганах, М. 1586/, рассказ о двух писцах, которые убегают из неприярной свалки на поле битвы /М. 1822/, история о царе Бахрам Гуре и нищем, которая, как уже было указано, имеется в двух версиях /М. 1494 и д., М. 1930 и д./: В последней поэт один раз переходит границы приличия, в других местах так строго сохраняемые во всей поэме без какого либо исключения.[2]

---

[1] С другой стороны он ужасается отрезыванием головы Пирона от мертвого тела. В специальной главе убийца был убит со своего рода утонченной жестокостью. Такова участь того, кто убил Сиявуша /126, 2432/, царя Кабула, который поймал Рустема в сеть /1744, 4358/ и наконец совсем ужасным образом участь вероломного предателя последнего царя /М. 2094/. Ср. жестокий способ предания смерти Меланты /Од. XXII, 474 и д..

[2] Нет ничего по настоящему неприличного в месте 435, примечание II, где Рахш покрывает 40 кобылиц, из которых только одна становится беременной. Подлинность этих стихов, которые Vullers считает неподлинными, становится очевидной из 444, 187 и д. Дело идет о зачатии коня Сухраба от боевой лошади его отца. Насколько Фирдуси приличный можно видеть из того факта, что нельзя найти ничего неприличного в его сатире против султана Махмуда. Должно сравнить с грязью, встречающейся в отрывках сатиры некоего [illegible] у Labibi и т.д. у Асади.

35. Герои поэмы подлинные иранцы, хотя сильно идеализированные. Они веселые, храбрые, хвастливые и очень многословные. Они обращают большое внимание на хорошие обычаи, что показывается в самом большом почете к царствующего монарху даже со стороны людей в очень возвышенном положении. Покорность воле бога часто выражается. Примеры исключительной честности и верности более излюблены в Шах- наме, чем вообще в персидских рассказах, чем меньше такие случаи встречаются в действительной жизни между этими людьми. Правдивость тоже часто упоминается, но даже в эпосе герои не очень часто ее строго придерживаются.

В то время, как Кубад, Кой Хосров, Кисра и т.д., изображены, как образцовые государи, мы встречаем в лице Кауса, хотя не действительно подлого или вообще порочного человека, но глупого, высокомерного, несознательного и нечестного[1] правителя: восточний правитель, верный жизни.

Одним из так сказать нормальных героев является Гударз, образец всех похвальных качеств. Однако совершенно особое положение занимает Рустем, который является безусловно /84/ главным героем всей поэмы. Сам поэт говорит в "Юсиф и Зелиха", что половина его жизни была затрачена на наполнение мира именем Рустема / YZ 24,267/: Ki yak nimeh az umr-i khud kam kunam
jahani pur az nām-i Rustam kunam

Даже гордый Гус говорит о себе, как о первом человеке после Рустема,[2] /751, 12/. Так также giv 726,820. Когда он сидит, он превышает на голову стоящих около него /479,752/. Поэтому

---

[1] Эта черта становится особенно ярко выраженной, когда он отказывает дать жизненную эссенцию / ? /, чтобы спасти смертельно раненого Сухраба, так как он боится гнева Рустема и не может забыть, что последний говорил о нем неуважительно / 509/

[2] μετ' ἀμύνονα πολὺ Γίωνα.

его рождение было исключительно трудным и могло быть осуществлено Симургом только посредством Кесарева сечения. И сила Рустема далеко выше человеческой. Он без большого шума вырывает дерево /443,31/[1] и вес этого дерева в его руке не больше пера[2]. Он трясет руку одного мазандеранца так, что последний падает с его коня /362/ и в случае с другим лицом, который несколько резко снимул его руку, он в отместку сжимает его руку так, что его ногти выпадают и его рука становится сухой /363/. Камень, который не могут двинуть семь героев вместе, он поднимает один и далеко отбрасывает /1127/[3]. Его удар заставляет камень треснуть, эта последняя частность была очень неудобной, так как он обратился к богу с молитвой, прося снять часть его силы /501/. Соответственно со своей гигантской природой он также большой обжора. Десять кормилиц необходимы, чтобы утолить его голод /226, 1743/. Когда он еще маленькое дитя, он ест столько, как пять взрослых человек /там же, 1745/. В своем зрелом возрасте он с"едает один целого дикого осла /1651,2789,[4], что упоминается наряду с его героическими деяниями, как нечто, особенно достойное восхваления /439,9/. В некоторых примерах/335, 339, 434 и др/ это рассказано очень умно, как он сражает это животное, как он его варит и с"едает его. Бахмон не способен

---

1 Также и русские рыцари, Штерн. "Круглый стол Владимира", Wladimir's Tafelrunde 5 и д., 75, 142.

2 Подобно камню, который может "в наши дни быть поднят двумя людьми посредством рычага, его Гектор поднимает легко, как клубок пряжи.

3 Ср. только что цитированное место из Илиады.

4 Геркулес пожирает целого быка и даже больше, см. места у Якоби. Handwörterbuch der ... Mithologie 414, но в этом примере к простоте древнего предания была привита предумышленная игривость сатирической драмы и комедии. Карл Великий удовлетворяется целой серной или целым зайцем и подобным, см. Trupiny изд. Castets стр. 30.

с"есть сотую долю того, что /85/ ест Рустем, который его немного жалеет за такую слабость /1652/. Исфандияр и те, кто с ним, удивляются числу овец, с"едённых им /1677/. Это совершенно естественно, что он также много пьет. Даже в то время, когда его следует считать только грудным ребенком, он пьет обильно со своим отцом /231, 1317, 1823/. Сам дьявол не может состязаться с ним в этой области /421, 613/. Даже в старые свои годы он очень любит вино без обычной примеси воды. /1677, 3192/. Бахман боится пить с таким способным к этому человеком /1652/[1] Нам нет нужды говорить здесь о его настоящих героических деяниях, Шах-Наме полна описаниями таковых. Он одинаково искусен и в пользовании любым оружием и учитывая его большую силу и искусство также в борьбе, он особенно искусен в пользовании национальным оружием - палицей, и арканом. Его орлиная черта -большое спокойствие. Когда царь посылает к нему посольство о вторжении Сухраба ,прося его прибыть безотлагательно, он уютно медлит в течение нескольких дней дома с весельем /464 и д./ Убивши некое чудовище при своей экспедиции в Мазандеран, он спокойно идет спать. Подобным же образом при первом его героическом деянии /232/. Он вообще очень добродушен. Если его спрашивают или по своей собственной доброй воле он всегда вступается за вельмож, когда они бывают виновны в каком либо проступке. Он получает таким образом прощение для Туса и его армии /873 и д / и для Гурцина /1114 и д./, он даже имеет успех при получении Гурцина от Бизана, когда

---

[1] Относительно Геркулеса, как пьяницы, см. Якоби, цит. соч. Сербский рыцарь Марко Кралевич также пьет безмерно. Древние индусы, которые так же любили пить, как их иранские родственники, представляют свое великое божество Индру, как могучего пьяницу, см. Zimmer "Древняя индусская жизнь /Altindisches Leben/ 272 и д. Oldenburg Relig. des Veda 165 и д.

первый самым бесчестным образом предает его и подвергает его самому большому несчастью /1128/. Не без труда он получает от царя для помощи Фарибурзу, который был лишен наследства, позволения жениться на вдове его брата /912 и д./[1]. Даже сентиментальные чувства не исключены у Рустема. Найдя при своем путешествии в Мазандеран великолепный обед и лютню на очаровательном месте он пускается в пение, полное жалоб о том, что его годы прошли в вечных приключениях, что мешает ему наслаждаться жизнью, как другим /86/ смертным /343, 428-432/[2]. В то же самое время он очень благочестив. Все таки, он полон законной гордости и вполне сознает свои способности. "Кто против меня, - говорит он, - лев, див или слон, безводная пустыня или река Нил? Пусть будет много врагов или мало; если я разгневаюсь, это все равно перед моими глазами"/342, 415 и д./ Другая сторона его гордости это пренебрежение к противникам более слабым, чем он сам /298, 299 и д./. Его строгое чувство чести не выносит даже тени недостойного обращения, это ведет к столкновению с Исфандияром. Он возгорается гневом, достойным Ахиллеса, когда его честь была оскорблена Кей Каусом. Он удаляется от него, но через недолгое время его убеждают возвратиться, когда ему сказали, что его удаление может быть рассмотрено, как вызванное страхом перед неприятелем.[3]. Но даже

---

1 Этот брак мог быть освящен, как возобновление притязания на трон. Должно ли это имя иметь начертание Farīburz или Farhūrz это вопрос, первая и вторая гласная подтверждаются игрою слов с farr и hurr в Шах-наме/754, 1290/.

2 Сходно с этим, хотя немного менее глубоко в соответствующей песне об Исфандияре /1593, 1723-1725/. Даже более далеко заходит жалоба Геркулеса на его полную трудов жизнь, см. Валемавиц Геркулес у Эврипида / Euripides - Heracles /, 330. ср. также слова Ахиллеса в Илиаде /IX, 410 и д., которые сказаны правда в состоянии очень плохого настроения.

3 Поэту должно было казаться, что Рустем зашел немного слишком далеко в своей речи перед Царем царей, и он поэтому немедленно возобновляет поведение обычное по отношению к царскому величеству. На деле Фердуси не был знаком ни с каким видом правительства, кроме неограниченного деспотизма.

более мелкие основания могут вызвать его гнев, так например во время его первого приключения он бросает на землю привратника, который, недооценивая его рыцарскую силу, пытается с лучшими намерениями остановить его /232, 1331/. Он глубоко удручен смертью своего воспитанника Сиявуша. Он дает обет не иметь отдыха прежде чем он не сумеет отомстить за его смерть, он открыто упрекает царя смертью своего сына и, когда царь пристыженно и удрученно признает этот факт, он вытаскивает из дворца вероломную царицу Sudabeh за волосы и убивает ее перед дворцом за то, что она была причиной всего этого события /682 и д./[1]

Когда он встречается с большими трудностями, Рустем не гнушается прибегнуть к хитрости. Так именно при его втором приключении, которое заключается во взятии крепости Синоод /232, 1338 и д./, когда демон Акван держит его в своей власти[2] В самый последний момент ему удается убедить своего предателя-брата Шагада бросить ему его лук для того, чтобы дать ему возможность убить /37/ предателя перед тем, как умереть самому /1734/. Это все таки еще простительно, когда тяжело раненый Рустем просит Исфандиара приостановить битву с наступлением ночи и уверяет его, что он намеревается возобновить битву, полечив свои раны /1698/. Но мы довольно неприятно затронуты описанием битвы между Рустемом и Сухрабом, когда последний бросает нашего героя, который применяет военную хитрость, уверяя своего противника, что со-

---

1 Известным образом следует найти некоторые сходные черты между этим явлением и преданием смерти Кримгильды Гильдебрандтом.

2 Рустем действует здесь точно так же, как Гайомарт по отношению к Ариману в рассказе Вируки. Датер, 99/. Оба они хорошо сознают, что злые духи всегда делают обратное тому, что было избрано их жертвами, после того, как последним был предоставлен выбор между двумя вещами, и поэтому оба просят изложить свои предполагаемые доводы как раз в пользу той вещи, которой они не желают.

гласно законам битвы победителю позволяется убить своего противника только после того, как он повалил его дважды /500/, в то время как он сам, восстановив свои силы, немедленно убивает Сухрава, повалив его на землю только один раз. Верно, что трагический элемент еще превышается тем фактом, что Рустем убивает своего сына после того, как последний только что пощадил его жизнь, и что оба они узнают кто они такие, только когда уже слишком поздно. Хотя главные черты личности Рустема несомненно были крепко установлены в источнике, которым пользовался Фердуси, однако эта личность нашла свое правильное выражение только через гений Фердуси.

И вот битва между Рустемом и Исфандияром заслуживает особого внимания. Неоднократно было указано Шпигелем, что Исфандияр играет роль защитника веры Кроцов и превосходит Рустама во всех отношениях, так как последний является с материнской стороны потомком Заххака, вследствие чего он в конце концов успешно одолевает Исфандияра посредством темных сил.[1] В рассказе у Динавара 28. Рустем обрисован, как оппозиция против введения новой веры, совсем подобный неверующему, в то время, как более древний Ибн-Уалби /Табари, 1.681/ рассказывает, что возбуждение непрерывных войн происходило со стороны отца Исфандияра Гуштаспа, который в конце концов приказал ему сразиться с Рустемом. Автор указывает, что основанием этого была зависть, испытываемая Гуштаспом.[2] Этот мотив везде упр вляет его действиями в Шах-наме. Рустем здесь вполне благородный душою муж;

---

[1] Я не разделяю во всех важных частях гипотезы, выдвинутые Шпигелем, см. выше параграф 10

[2] Табари, 1.680, 12.

здесь нет вопроса о религиозных разногласиях, наш герой такой же благочестивый почитатель бога, как кто бы то ни было. Правда, это было бы долгом Рустема подчиниться распоряжениям Исфандияра, действовавшего, как посланник царя, но его чувство чести не позволяло этого, что привело к непримиримому конфликту. Оба - и Симург и отец Рустема Заль говорят ему, что тот, кто убьет Исфандияра будет терпеть беспокойство и нищету в этом мире и подвергнется тяжкому наказанию в будущей жизни /88//1705,3691 и д., 1716,3839 и д./. Это эхо христианского понимания; предполагается, что Рустем заслужил об этом поступком. Было бы высшей степенью трагического элемента, в самом деле, если бы поэт последовательно провел идею, что наш благородный герой, не как неверующий, но потому, что он должен был принять битву, неизбежную для него в соответствии со всем направлением его существа, должен был подвергнуться наказанию в аду. Но для этого Фердуси вообще слишком гуманный. Это понимание дано только вчуже намека и совершенно отступает на задний план. Союз с Симургом, унаследованный от его отца, не заключает в себе, впрочем, ничего сомнительного в Шах-Наме, так как чудесная птица это благочестивое существо.[1] Во всяком случае мы имеем здесь самый глубокий духовный конфликт в поэме в этой встрече и один из самых глубоких во всех национальных эпосах.

36. Женщины не играют в Шах-Наме какой либо слишком активной роли. Они в действительности появляются только

[1] Один злой Симург был убит перед тем Исфандияром и в самом деле очень своеобразно, параллели к чему могут быть найдены в восточных повествованиях /1598 и д. /

как предмет желания или любви. Правда Gurdiyeh, заимствованная из романа о Бахраме, это амазонка, но в то же время она интриганка, она мало привлекательна для нас.[1] Более симпатична смелая и умная Gurdafarid, 448 и д./. Но действительно прекрасная личность - это царская дочь Monizeh, которая из-за Бахрама, с которым она заводит любовь только слишком скоро и который повергнут ее любовью в нищету - оставляет все свое великолепие и ходит просить милостыню, чтобы доставить необходимое питание для своего возлюбленного. Однако она выступает только постольку, поскольку это абсолютно необходимо для повествования. Полигамия,[2] преобладавшая тогда среди высших классов в Персии, не позволяет отдельной женщине возбуждать какой либо смелый интерес. Впоследствии мы ничего не слышим о Monizeh или Kitayun, или девушке, которая помогла Ардаширу при его бегстве и содействовала ему в получении короны. Rudabeh является только, как мать Рустема. Положение матери именно у персов совсем отличается по длительности от положения жены или возлюбленной. Такие личности, как Пенелопа, Андромаха, Навзикая, которые в их чистой женственности /39/ равны мужчинам, не могут быть найдены в персидском эпосе.

37. Описание битв очень живое в Шах-наме. Шедевром в самом деле является описание одиннадцати отдельных битв между иранским и туранским героями /1585 и д./.

---

[1] Положение Рустема может быть сравнено с положением Рюдигера, который был принужден чувством вассальной верности принять поединок со своими гостями и с женихом своей дочери.

[2] Напротив медея или Кримгильда, хотя бы ни заводили их на страшные пути их страсти, всегда все таки великолепны и производят поэтическое впечатление.

Фердуси умеет разнообразить описания боев так, что их читают с пристальным вниманием. И однако он мог видеть, как образцы, только турнирные сражения и основное содержание его описаний ему пришлось создавать своим поэтическим воображением, так как несомненно он никогда не был свидетелем настоящего сражения.[1] Он вообще набрасывает описание каких нибудь больших сражений, которые он упоминает, только в очень немногих сильных словах и впечатление, созданное этими краткими словами, гораздо более длительно, чем когда наш поэт пытается описывать битву сколько нибудь обстоятельно.[2]

38. Как поэт, так и вероятнее всего весь национальный эпос, на котором основано его сочинение, не имеют какого либо опыта в предметах, относящихся к морским делам и вообще никакого понятия о навигации: немногие места, где упомянуты морские путешествия, очень неправдоподобны и представляют вещи неправильно. Так имеется упоминание об армии, переходящей на кораблях и шхунах через море на расстояние 1000 фарсангов /лье, часов/ /309 I, 36, 395, 252, ср. 1378, 1398/. Во время похода Кей Хозрова через большое море, который заканчивается в семь месяцев, вместо одного года, как первоначально было сказано, они только один раз встречают бурю. Самая выдающаяся черта этого места это перечисление морских чудовищ. Экспедиция возвращается через семь месяцев, не испытав ни разу шторма, и именно две шхуны идут впереди,

[1] Этот факт производит сильное впечатление на всех западных читателей. ср. Аммиан, 23-6,76.

[2] Иначе гомеровские певцы, которые описывают сообразно природе, но которые знакомы только с боями в маленьком масштабе и именно ввиду этого они описывают большие армии троянцев и ахейцев, встречающимися таким беспорядочным образом, как отряды маленьких городских поселений и округов с отдельными бойцами. Подобное же положение вещей в Песне о Роланде. Довольно неприятные для наших вкусов анатомически точные описания ран, полученных сражающимися, которые обильны в Илиаде

а за ними следуют 1000 кораблей /1373 и д., 1378/. То же самое море Афрасиаб переплыл даже с меньшими затруднениями /1360, 1723/.[1]

/90/. 39. Для поэта позволительно несколько свободно обращаться с временем и пространством. Слушатель или читатель не должен его винить за это, но просто следить за полетом поэтического гения. Эта поэтическая свобода в больших пределах используется Фирдуси. То, что Тур, живущий на севере, и Залам, живущий на западе, представлены как соседи, может быть об"яснено тем фактом, что они оказались представителями двух народов, быть в войне с которыми иранцы были главным образом вынуждены, вот почему они связаны вместе в идее поэта. Более относится засчет неточной номенклатуры, чем за счет настоящей ошибки, когда Йемен всегда упоминается вместо целой Аравии или ее части, как например Мунзар, который расположен на расстоянии более, чем 600 миль по птичьему полету от Йемена, являющегося в действительности частью округа Евфрата /М.1364/[2] Меньшая ошибка, это различение между Ктезифоном и Мадаином /М.1706/ и идентификация первого из этих городов с Багдадом /51,326 и часто в других местах/. Помещение Эльборуса в Индии не соответствует обычной традиции, но

показывают, что певцы были хорошо знакомы с этими вещами. Одиссея только умеренно имеет в своем распоряжении удобный случай для такого описания, этот случай дает предание смерти женихов.

1 Относительно этого положение вещей в Илиаде совершенно такое же.

2 Как это поразительно отличается от страниц "гребли по морю" в Одиссее и Песни о Бевульфе! Но в Песне о Нибелунгах не хватает знания моря, там мы например находим /Рединое/ судно, которое переходит море от Вормса до Исландии за 12 дней. Даже поэт Кудрун не имеет никакого представления о том, что такое в действительности морское сообщение, хотя в сцене действия снимает берег моря и повествование возникло именно [illegible] описывается древне-германский пиратский дух.

может быть допущением, которое может быть прослежено до какого либо источника. Какой нибудь исследователь, основательно знакомый с Авестой, может быть смог бы выяснить нам этот вопрос. Эльбурс везде самая высокая гора . Могли ли иметься в родной области поэта какая либо информация о чудовищной высоте Гималаев ? Во всяком случае нам приходится здесь иметь дело со своего рода мифической географией, которая довольно безразлична к вопросу, какие же реальные данные. Напротив это довольно вполне ошибка, когда в течение периода разделения государства на четыре округа при Кисра /см. мой перевод Табари, 151,445/ "Хазарская граница"/ расположенная на далеком Северо-Западе/ связывается с южными районами Персии и Сузианой.[1] Иначе обстоит положение вещей относительно Мазандерана. В соответствии с направлением, данным Исфандияру, относительно разных дорог, которыми он может /91/ достигнуть своего назначения /см. параграф 30/, две дороги показаны Рустему от Забула в Мазандеран: длинная, по которой путешествовали Каус /который однако отправился из Истахра в Персии/ и другая, исключительно опасная, которая привела бы его туда только за 14 дней. Поэт мог предполагать, что дорога более короткая, чем обыкновенная караванная дорога, вела через пустыню, дорога, подходящая /подобно короткой дороге Исфандияра/ для великих приключений, с которыми встретился Рустем. Однако мы встречаем здесь совершенно удивительные понятия о пространстве, занимаемом самим

---

[1] Соответствующее место у Тамлиби /609/ не содержит этой чудовищности.

Мазандераном. С момента вступления Рустема в его границы и до того места, где Каус находится в плену, Рустем должен покрыть 100 фарсангов /каждый около 3 миль/, оттуда до жилища Белого Дива опять 100 фарсангов; и за пределами этого там есть еще расстояние дальше: 300 фарсангов до столицы области /347 и д./. Однако в действительности эта область занимает не более 300 фарсангов в длину и около 30 фарсангов в ширину. Таким образом Фердуси обрисовал вполне фантастически и расширил чудовищно область, которая находилась так близко к его родному городу, города которой, расположенные на равнине - Амул, Сари, Тамитех были точно ему известны и часто им упоминаются /напр. 186, 1033/, область, которая в позднейшие годы стала его местом жительства. Однако, принимая во внимание [1], что Мазандеран это область дивов, , его должно было трактовать как род волшебной страны. С отдаленными странами поэт обходится еще хуже. Кай Хозров отправляется из Канга /или Конгибитишти/, который находится где-то по ту сторону Турана, в Китай, откуда в Мукран далее через пустыню и с большой скоростью за семь месяцев он переходит море, затем опять пустыню. Когда он доходит до страны, где говорят по китайски, сходную с Мукраном и оттуда он покрывает опять 100 фарсангов до Кунглави; он

---

[1] Понимание о *Mazainyao Deva* в Авесте, как о дивах Мазандерана, имеет много доводов в свою пользу. *Māzen - der* это вероятнее всего первоначально было названием известной местности "Ворота Мазен" или "Долина Мазен". Трудно доступная горная область с ее густыми лесами и с ее несомненно грубыми жителями могла в самом деле казаться древним мазденистам местом обитания злых сил и в это время могли держаться некоторых неправильных понятий о ее пространстве. Поразительно, что это название едва ли когда либо применялось арабскими авторами ранее периода Сельджукидов. /одно из несомненно самых древних мест является источником Ибн Атира, 10, 34/ вследствие чего это название рассматривается Якутом, под этим словом как современное, хотя он знает, что это слово употребляется всегда в самой области

возвращается по той же дороге в /92/ обратном порядке. Удивительно, что Мукран, находящийся точно к югу от родного города поэта, описан, как расположенный на границеКитая. Было бы,однако, совершенно неправильно выяснять и понимать это хорошо известное название как нибудь иначе. Правда, что Мукран не был расположен за пределами поля зрения мусульманского мира, но было только немного людей, имевших сколько нибудь правильное понятие относительно этой негостеприимной области. Определить весь путь этой экспедиции географически - это было бы то же самое, что точно описать блуждания Ио у Эсхила. [1]

40. Понимание, как в волшебных сказках, часто встречается также в других местах в Шах-намэ. То, что нужно царю, всегда под рукой. То, что необходимо известное время, чтобы собрать армию/ а он легко говорит о сотнях тысяч/, никогда не принимается во внимание. Также и то,

---

Страна официально называлась Табаристан.
Область Тапуриев /впервые у Ктезия через Диодора, 2,2и Aken 442 в, далее у Scriptores rer. Alex. Птолемей/ должна была быть другой частью этого округа, кроме Мазандерана.

1 Прометей /Киркгофер/ 705 и д. Песнь о Нибелунгах кажется более тесно знакома с областями Дуная. Она имеет крайне неправильное понятие относительно положения Норвегии /вестники, посланные туда Гунтером, достигают ее верхом из Вормса за три недели/. Совершенно спутаны географические понятия в Песне о Роланде и в Кудруне. География стран волшебныхсказок в Одиссее не должна быть сравниваема с вышеупомянутой, так как ни один грек из Азии не мог иметь сколько нибудь правильного понятия о более отдаленных странах Запада; однако некоторые неправильные идеи в Одиссее относительно положения вещей в Пелопонесе - такого же рода, как сказано выше. Однако должно иметь ввиду, что даже Байрон в своем Сарданапале позволяет себе большие вольности с географией, заставляя, например, корабль плыть из Ниневии вниз по Евфрату в Пафлагонию.

что такая армия не может передвигаться так быстро, как одно лицо. Весь интерес сосредотачивается на более важных событиях: отправлении в поход, встрече с неприятелями, исходе битвы. То, что происходит в этосамое время или в промежутках, не принимается во внимание. Таким же образом иногда происходящие движения известных частей армии во время битвы описываются, как происходящие с исключительной быстротой. Когда Сухраб обозревает с возвышенного места не только чудовищную большую иранскую армию, но узнает также отдельных вождей с их полевымигербами, мало того, он даже узнает внешность самых великих из них, - это утверждение заходит далеко за пределы того, что возможно для самого лучшего человеческого глаза, который, кроме того, не может видеть сквозь непрозрачные тела.[1] Немного слишком большие требования пред"являются воображению в повести о Бижане /93/, которые предполагается способным читать письменно на печати -кольце такой тонкой, как волос, когда он лежит в оковах в глубокой темной пещере /1123/.

Цари, описываемые Фирдуси, всегда имеют в своем владении огромные богатства. Какие либо намеки на то, что эти богатства создаются из налогов, уплачиваемых

---

1 Τειχοσκοπίαι в Илиаде и в греческих трагедиях не превосходят в такой степени действительные возможности. Но в "Песне о Нибелингах" Бургундцы видят, будучи снаружи зала, то, что делают Этцель и Кримгилда, это гораздо более того, что на самом деле возможно. Тейхоскопия в Кудруне/1366 и д./ точно такого же рода, как к Шах-намэ, там также знамена правильно опоздаются.

подданными, встречаются очень редко, в то время как богатства, возникшие из даней, уплаченных побежденными неприятелями и из военной добычи, сильно преувеличены. Правители жалуют дары в размерах, доходящих до расточительности, они вознаграждают свои войска так богато, как это возможно. Они удовлетворяют все потребности бедняков и в то же время они дают большие льготы по налогам.[1] Ардашир I не требует налогов в течение своего десятилетнего царствования[2], и он правит "свободно от обременения" / газедан М.1457/. Бахрам Гур освобождает народ от налогов и дани заграничных государей от дани на семь лет /М.1580, по середине/ и наконец совсем слагает все требования налогов, так как есть достаточно денег на двадцать три года /М.1583, 11; 17 и д. Гормузд освобождает народ от уплаты налогов на четырехлетний период после победы своего главнокомандующего, которая дала богатую добычу /М.1330/.[3] Далее идет описание

[1] Даже Геродот усвоил это баснословное понимание. Диодор Сицилийский обещает своим подданным три года свободы от налогов /Ш,67/. Однако может быть отчасти верно, что ахеменидские цари при своем вступлении на трон освобождали подданных от недоимок по налогам /Геродот, У1,59/

[2] В действительности он царствовал только четыре года.

[3] Кроме того М.1457,4 снизу. Во всех этих местах употребляется слово "харадж", но это слово несомненно имеет во всех этих местах более широкий смысл "подать". Напротив там, где дело идет об историческом случае сложения налогов /М.1383 и до 1383,2/ это слово употребляется в техническом смысле "поземельного налога". Махмуд соответственно сложил для мусульман "харадж" на один год. Но добыча, привезенная Махмудом из Индии должна была превосходить все, что Сассанидские могли когда либо брать у своих неприятелей. Это вопрос, бывало ли такое освобождение от налогов /которое я напр. сно искал у Утби/ имеющее силу для всего государства. Большая масса подданных древнего деспота едва ли могла иметь какое либо правильное понятие о финансовом положении правительства. Фактически финансовые обстоятельства Сассанидского государства никогда не могли быть очень блестящими, хотя отдельные цари могли накопить большие сокровища.

земного рая в царствование Кисри, когда сама природа была ко всем благосклонна и когда никто не украл бы даже одного диргема, лежащего на улице. /М. 1709-1711/. Как чудовищно было преувеличено царское великолепие, может быть видно, например, из описания гигантского охотничьего экипажа второго Хозрова, напр. его триста всадников с таким же числом /94/ охотничьих леопардов /yūrdar /. Мало того, дороги даже орошаются водой для того, чтобы от ветра не поднималась пыль /М., 1999 и д./ Следует только думать, что масштаб охоты, когда каждый верхом и охотники преследуют самую быструю дичь, именно дикого осла, должна была быть очень распространена и в действительных охотничьих экспедициях государей того времени. И, кроме того, пыль, которую поднимали при таких охотах, как говорят, затемняла свет солнца /416, 657/. Во всем этом поэт несомненно следовал своему источнику, но многие вещи должно быть, без сомнения, приукрашены им самим. И как раз это приукрашение [illegible] читателя и мешает ему различать отклонения от истины, читатели, так сказать, обитают в волшебном саду поэзии, даже когда поэт обрисовывает исторические события, которые нам достаточно известны.

41. В остатках древней эпической повести, так же как и в отражении в Арабских сочинениях - законченных летописях записаны многие вещи, относящиеся к мечтам, знамениям и пророчествам.[1] Эта подлинно эпическая черта выступает во многих случаях в Шах-Наме, хотя может быть она сравнительно не так сильно подчеркнута.

---

[1] Кроме книг об Ардашире и Зарире, ср. Геродот, Ктезий и рассказ об Одатис и Зариадре. В Одиссее а также в Песне о Нибелунгах вперед бросаются тени от великих событий, имеющих наступить. Таким образом эти события не бывают неожиданными для знающих. ср. Песнь о Роланде, стих 717 и д., 725 и д. 2525 и т. /Готье/.

42. Наряду с собственно повествованием большое место уделено, особенно в Сассанидский период, как было упомянуто, дидактическим местам. Именно в этих местах больше всего выдается независимый ум поэта. Того же рода также письма и другие писания царей. Другого рода общие размышления поэта, прилагаемые к введениям или заключительным местам отдельных частей поэмы или тоже введенные в соответствующие места внутри этих частей. Это обыкновенно размышления о превратностях земного величия и несчастных случайностях, которым подвержены все земные дела, размышления, которым естественно содействует представление истории тысячелетий. Но достопримечательно, что такие размышления пропущены в последней части повествования, где дело идет о печальном конце Иранского государства, когда национальная история, представленная в таком великолепии, становится /95/ чем то трагическим.[1] Мысль, что факты в этом особом случае говорят сами за себя, едва ли соответствует искусству нашего поэта. Мы должны особенно отметить вполне пессимистическое понимание жизни в м. 1867, на конце. Это место напоминает μήφυναι τον ἀπαντανικᾶ, λόγον κτλ. в Эдипе Колонском, 1225 и д.

43. Европейского читателя особенно трогают места, где поэт говорит о себе самом. Эти суб"ективные перерывы повествования кажутся нам не находящимися в гармонии с об"ективным характером эпоса. И такой взгляд несомненно правильный. Однако мы не ожидали бы также включения в эпическую поэму столь мно-

---

[1] Этому не может противоречить полустих м. 2095 ев. потому что он совершенно правильно пропущен у моля и не содержится так же как два предшествующих стиха, ни в Лейденском манускриппе, ни в одном /полном/ из Страссбургских сводов. Правда, что в Страссбургском манускрипте один стих для этого действия здесь не вставлен. /Другая свод совпадает здесь с изданием моля/.

гих речей об общих условиях и всей обстоятельной дидактической мудрости и мы совершенно приникаем к повторяющимся вновь и вновь меланхолическим размышлениям. Но персидский национальный эпос имеет свой особенный характер, не позволяющий легко вставлять его в рамки, взятые из других литератур. Принимая во внимание чудовищный об"ем поэмы, нельзя сказать что такие перерывы нежелательны для читателя_ свободная связность и последовательность отдельных частей сочинения делает многие места подходящими для таких интерполяций. Поэт имел в известных пределах самые практические основания для таких субъективных высказываний, особенно при его желании расположить к себе благосклонность султана Махмуда, делая его прославление неот"емлемой частью поэмы. Многие стихи поэмы посвящены также другим его покровителям. Жалобы на его бедность ведут нас дальше к тем местам, которые выросли часто из сокровенных стремлений поэта. Это главным образом элегические размышления о его преклонном возрасте, его тоска о днях молодости, места, где он сам проповедует себе покаяние. Однако в других местах поэт проповедует себе веселое наслаждение жизнью /напр. B.1444, содержащий чудесное слово во хвалу вина/[1].

Как было видно выше, мы обязаны этим суб"ективным утверждениям, немногими вполне правильными /96/ откровениями информация о жизни Фердуси. Между ними имеются много прекрасных мест. Фердуси проявляет себя в этих местах, как перво-

---

[1] Однако в лейденском манускрипте вместо этих стихов вставлены другие. Подобным же образом также в неполном страссбургском манускрипте, начинающемся этим местом. Однако все совсем иначе в другом страссбургском своде.

классный лирический поэт. Как на первый пример здесь следует указать на элегию на смерть его сына /м. 1951/. Но, кроме того, в Шах-наме можно найти многие места, носящие отпечаток лирической поэзии, а также целые лирические места. Таковы, например, прекрасная песня об очарованиях мазандерана/317/, введение в рассказах о Бижане и Манифех /1063 и д./, трогательные жалобы певца Барбада на приближающегося царя Хосрова /м.2841 и д./, до известной степени также скорбная песнь иранского патриота о разрушении национального великолепия. Согласно Таалиби этот певец был до этого убит своим соперником при дворе. Так как его история в других местах в Шах-наме такая же самая, несмотря на различную передачу формы его имени /см. выше п.42/, как дано у Таалиби, так как даже музыкальные выражения совпадают в своей основе в обоих сочинениях, следует предположить, что Фердуси произвольно пропустил насильственную смерть вышеназванного певца для того, чтобы приписать ему жалобу на судьбу царя. Лирика Шах-наме трогает нас тем более, так как она совершенно свободна от обычной искусственности профессиональной персидской лирики.

44. Язык поэмы, вообще говоря, в целом скорее совсем простой. На деле здесь нет мест, написанных в собственно возвышенном стиле. Однако здесь нет недостатка в сильных гиперболах, которые появляются уже в книге Зарира, как специфическая черта стиля героического повествования однако такие гиперболы могут быть найдены также в других местах в писаниях более древних персидских поэтов. Немногие примеры об"ясняют это.

Когда, говоря о пыли, поднимаемой армией при передвижении, часто говорится, что день стал темным, как ночь,

или также что, вследствие пыли нельзя было сказать в течение нескольких дней, был ли день или ночь.[1] Говорится, что пыль образовала облако, во тьме которого копья сверкают, как звезды, мечи сияют, как солнце, в то время, как /97/ железо /из оборонительного и наступательного оружия/ сравнивается с землею /1155_278/. Этот неестественный образ /оружия, сияющего в темноте пыли или ночи/ часто употребляется /напр. 467,530,473,635 и д./ армии в движении, как говорится, растаптывают и делают плоскими все холмы на своем пути. "Земля была расщеплена на двое копытами коней, гора стала морем /крови/ и равнина стала горой", следствие накопления тел убитых /699,306/. Они убили так многих из армии туранцев, что гора, образованная кучей трупов, доставала до лунного неба /самого низкого из 7 небес/ /428,709/. "Такая великая армия может вызвать ветер, потрясая копьями" /1786,65/ и подобные выражения употребляются часто. "Армия была более многочисленна, чем растения "/1787,67,1791,151/. Армия, теснимая неприятелем со всех сторон, не оставила прохода ни для комара /в воздухе/, ни для муравья /на земле/, так часто /напр. М. 1331, 3 снизу/. От оружия и воинов двух армий земля стала /колеблющаяся/ как море, и пыль накопилась так, что образовала гору" /1791,154/. "От шума музыки битвы можно было подумать, что гора подвинется" /1155,276/. "От страха перед твоим копьем из облака течет кровь"/439,101/. "Гора была такая высокая, что даже орел не мог долететь до ее вершины"/233,1857/. "Еще ни один орел не видел вершины долины Калиникос" /М. 1643,13/.

---

[1] Но также уже в писаниях арабского поэта Бешар ибн Бурди /УШ столетие/ Aghani II,22 /также цитируется в других местах/. Совсем умеренной и в согласии с действительными фактами является напротив Илиада /Ш,10-14,У,499 -504/. Правда, что большие массы всадников в сухих пустынях Хорасана несомненно поднимали бы гораздо худшие облака пыли, чем какие либо армии на западном берегу малой Азии. Сияние /металлического щита при темной погоде или облако затемняющей пыли может быть найдено уже в древнего арабского поэта Шанфарра [illegible] магоме та.

"Царь увидел в городе замок, которий казался выше, чем Сатури /самая далекая из семи планет/, можно было подумать, что он трется о звезды "/52,346/. Совершенно сходно :"Он увидел гору, вершина которой была между Плеядами, должно было сказать что она терлась о звезди" /136,145/. "Земля не может выдержать твою армию, сияние не может выдержать твоего шлема" /129, 367/[1]."крыша стала от нее сверкающей драгоценностью, земля стала от сияния ее розовых щек рубином" /164,648. В темноте!/ "лев должен целовать пыль его ног, облако не должно осмелиться пройти над его головой /222, 1671/. Сказано о Рустеме перед его рождением. "Дыхание не может найти какого либо прохода через ее рубн /там мал ее рот, 138,527/. По отношению к той же девушке сказано: "ее рот так же узок, как удрученное сердце "/138,527/ и так далее. Преувеличения оригинального характера такие следующие: они поставлен часовой с таким острим взором, что он увидел бы муравья, ползущего по дороге /1157,818,815 / и даже: конь Рустема /98/ имел такое хорошее зрение, что "на расстоянии двух фарсангов он заметил бы темной ночью муравья или кусок черного меха "/287,101/. Гонца побуждают очень торопиться следующим образом: "если ты имеешь в руке[2] букет не нюхай его сперва" /461,485/ или "если ты имеешь муравья на твоей голове, не сгоняй ее" /319,64/. Подобным же образом "если ты будешь терять время на чесание головы государь уйдет" /319,76/. При таких обстоятельствах не следует удивляться, если мы слышим, что добыча, собранная у горы Сапанд, была так велика, что из нее 500 000 волов несли только золото и серебро /238, 1946/.

[1] Армия слишком тяжела, шлем слишком сияющий. Кроме того здесь игра слов между "tābad ", поддерживает, и " tābān " - сияние.

[2] Игра слов между dasten и dost .

45. Однако очень редко поэт прибегает в своих выражениях к школьной мудрости.[1] От времени до времени упоминаются четыре элемента /теплое, холодное, сухое, влажное/ /182,972,488/892, 713,574.М. 1620,14/. Также "Если бы не было в мире сообщения между полами, возможности оставались бы скрытыми" /168,712/[2] Нечто находится также во введении. Такое выражение, как sukhan=qui jān /1494,905/ или jāni sukhanqui ψυχῆ λογικῆ /м. 1912, расп. 1993,5 снизу/[3] несомненно были заимствованы Фердуси не из каких нибудь философских сочинений, но просто заимствованы от какого нибудь поэта или прозаического автора. Понятие, что точно так, как есть семь небес, так же существуют семь земель, с стало очень популярным. Это причина, что поэт осмеливается применять гиперболу: "от копыт коней на этой обширной равнине земля стала шестиричной, а небо восмиричным "/304,71/. Именно, что одна из семи земель взлетела в пыли и стала дальнейшим небом. Такие преувеличения однако мы редко находим в сочинении нашего поэта.

46. Предложения в шах-Намэ в большинстве случаев просто следуют одно за другим, как обычно в таком наивном повествовании. Более длинные периоды употребляются редко и даже таковые построены очень просто. Предложения охватывают обычно только один стих, часто всего только один полустих. Слово с рифной первого /99/ полустиха часто обозначает цезуру в предложении. Довольно редко,

[1] См. параграф 25, у конца.

[2] Tuvānāi - quwat Она не выразилась бы в активности fi'l ἐνέργ

[3] Например nafs-i sukhanvar у Назир и Хозрова /Акты 6"го конгресса, Лейден/ 208, стих 32. Это перевод an nafs u natiqa которое идет из греческого через посредство сирийского nafsa mlilta Все таки ни в сирийском, ни в арабском языке нет выражения, которое точно передавало бы значение слова λόγος.

чтобы предложение было короче, чем один полустих, в таком случае, однако, автор стремится к совершенно особому эффекту, как например в словах: Jahan khvāsti yāfti khūn merī z. "Ты желал мира, ты получил его, не проливай /больше/ крови" /90, 523/[1] Еще часто встречается последовательность стихов. Часто трудно понять настоящее значение предложения ввиду краткости стиха, особенно в речах, письмах и общих рассуждениях. Трудности увеличиваются скудностью переходных частиц и подобного в персидском язык, которыми выражаются или указываются намеком.[2] более тонкие отношения между мыслями, и тем фактом, что самые главные вопросительные и относительные частицы, подобные ki, kuja, chūn /chu/ очень двусмысленны по их значениям. То же самое верно о специальной частице magar. Кроме того, хотя в языке существуют специальные уступительные обороты фразы, простая условная частица часто применяется вместо этих оборотов. Далее иногда наречие, которое, как мы чувствуем, должно здесь быть, просто пропускается, например:

basī bar nayāmad bar in rūzgār
kaz ū nam mānd az jahān yādgār

"Не много времени прошло после этого,
и /только/ имя осталось памятью о нем на свете".

Далее в персидском языке нет определенного члена.[3] И пред=

---

1 Даже Рюккерт не способен уложить эти слова в полустих: Du wolltest die Welt, du hast sie, kein Blut „vergiess"

2 Греки и германцы имеют, как мы знаем, больший запас этих частиц. Наречие "khud" иногда встречается в Шах-намэ приблизительно в том же значении, как латинское quidem "именно, точно"... "khud ne" -вовсе нет, ср. Рюккерт, ZDMG УШ, 289, 298.

3 Я не совсем понимаю, что автор имеет ввиду, указывая на отсутствие "определенного члена в персидском языке", так как член всегда выражен /посредством یای اشارت/ Я не вижу также, какое отношение имеет "определенный член" к отсутствию связности предложений в Шах-намэ /примечание переводчика/.

ложения стоят очень часто не связанные одно рядом с другим. Трудность понимания значения еще более увеличивается таким большим числом омонимов, существующих в персидском языке по отношению /100/ к фонетической эволюции, которая имела результатом образование многих производных слов от того же корня или сделала также слова, первоначально вполне различные, совсем сходными по их внешней форме.[1] Возможность различно грамматически связывать ту или другую из частиц также должна приниматься во внимание /напр. ат /

Добавочное ي может обозначать очень различные вещи или такие, как ياي معروف или ياي مجهول в зависимости от обстоятельств. Как кратко и эпиграмматически выражается сам Фердуси, как правило он все таки любит нанизывать варианты той же самой мысли один после другого, и он становится даже многословным в письмах и речах, которые занимают такую выдающуюся часть в его поэме, также как и действительно дидактические места. Размер благоприятствовал таким не необходимым добавлениям: когда мысль уже была исчерпана в первом полустишии, должно было что нибудь прибавить, чтобы образовать второе полустишие; в этом случае рифмующие слово читатель легко может предвидеть.[2]

[1] Мы должны только принять во внимание, как много вещей могут быть выражены частицами bar и dar. Для западных читетелей здесь есть дефективность в начертании, когда нельзя определить фонетические разницы /краткие гласные ف и واو مجهول и واو معروف; ياي مجهول /или не заботится об определении таких различий, как

[2] Так многие полустишия и даже целые стихи введены в песнь о Нибелунгах без всякого другого основания, кроме необходимости рифмы и формы строфы, совершенно излишние с точки зрения повествования /именно 2 в и 4/. Подобно же в Калевале вторая часть двадцатого стиха часто совершенно излишня для общего значения, но здесь есть случай искусственно широко применяемого так называемого parallelismus membrorum. Однообразно текущее повествование Гомера, которое не заботится о том, чтобы привести к совпадению предложение и стих, и которое часто пользуется довольно длинными периодами, свободно от таких вставных предложений.

47. Как вообще в эпических сочинениях, так также и в Шах=намэ часто применяются готовые формулы. Мы здесь находим многие стихи, которые приблизительно или совершенно сходны. Вариации при выражении совершенно сходных идей заслуживали бы специального исследования, для которого, однако, был бы желательным гораздо лучший текст, чем тот, который находится в нашем распоряжении. Однако, было бы очень интересно даже при настоящих обстоятельствах сравнить например все стихи, в которых Фердуси описывает рассвет. В самом деле он любит оживлять рассказ упоминанием о восходе солнца, даже в том случае, где это не имеет важного значения для описываемых событий. В описании того/ 101/ как ночь прогоняется днем наш поэт пользуется всегда новыми, временами действительно великолепными, частью также несколько искусственными образами.[1]

48. Даже относительно более древней лирической поэзии персов наше знание довольно недостаточно, однако, поскольку дело идет о началах персидского эпоса, наши сведения почти равны нулю. Если бы это было не так, то мы, вероятно, были бы способны видеть, что стиль, выбор фраз и отдельные выражения обусловлены в писаниях /Дакики и/ Фердуси тем, что раньше стало общепринятым в области эпоса, такие же образом, как Шах=намэ имела огромнейшее влияние на позднейшую поэзию. Нет сомнения, что Фердуси имел горячее желание избегать каких либо выражений, которые считались вульгарными

---

[1] Пауль Горн собрал прекрасную коллекцию таких мест. Она, к несчастью, не была опубликована после его преждевременной смерти. Стереотипные стихи у Гомера находятся в любопытном контрасте с такими вариациями, как например ἦμος δηριγενεία φάνη ἐροδοδάκτυλος ἠέως которые, однако, никогда не употребляются, когда они лишние. Очень аффектированы и искусственны описания восхода солнца в

вообще или для этого особого духа поэзии,[1], и употреблять во всех частях поэмы /102/ избранный изящный язык. С этим несомненно было связано известное пристрастие к устарелым словам.

Эти вещи несомненно бывают под влиянием моды дня; только воспитанный современник имеет полное понимание этого. В этом отношении вероятно, что Фердуси или совсем избегает применения частицы "mi", или пользуется ею очень редко, сходно с более древним прозаическим автором Мувафаном, знающим только частицу hami в то время, как Дакики кажется пользуется также Насир-и-Хозров, бывший современником Фердуси, пользуется очень свободно последней формой. Очень вероятно, что в тех случаях, когда две равнозначущие формы одинаково хорошо укладываются в размер, некоторые установленные правила влияли на Фердуси и он пользовался той или иной формой. Еще мы едва ли можем выяснить с уверенностью, произносили ли он taftagar или taftgar /— ∪ —/. И не только такие менее важные детали остаются невыясненными. Для некоторых из них может быть причиной колебание или нелепость традиции. Так Рюккерт /ZDMC УШ,237/ уже нашел, что "و" "u" употребляется только с начальным "a" следующего слова /так vaya равное u-aya/, в согласованности с этим часто традиционно применяемое ود..ز которое всегда следует исправлять в ود..ز /dudigar/ Однако Асади должен показать несколько примеров " "без следующей после него гласной в писаниях более старых поэтов. Тот факт, что арабское "و" заменил подлинно персидское "u", развившееся из более древнего "ud"/первоначально uta/. Это арабское слово "و" стало позднее вполне обычным в персидском языке. Мы иногда совсем не уверены по отношению к форме, применяемой Фердуси, ввиду дефектности персидского начертания. Так например в случае кратких гласных. Мы например не знаем, следует ли глагол, означающий "проявить милосердие" читать в Шах-наме bukhshudan /корень настоящего времени bukhshai/ или под влиянием гетерогенного глагола bakhshidan /корень настоящего времени bakhsh/ "пожаловать", который позднее смешался с первым глаголом, следует читать bakhshudan Так как краткие гласные не обязательно должны быть одни и те же в рифмующих слогах, это, повидимому, надежное средство установить правильное чтение становится неприменимым. Но бесспорно, когда слово ز,ز рифмует с arg в нескольких местах /1327, 1083, м. 1332, 15, м. 1488, 13. м. 1566 и д., м. 1618. 12/ то мы можем заключать с достаточной степенью уверенность, что его следует читать karg "носорог", а не gurg "волк", что становится ясным из контекста. Встретив бесчисленные случаи рифмы khishm: мы становится действительно уверенны, что поэт произносил обычно chism вместо chasm, тем более так, что мы находим такую вокализацию в Венском своде Codex Windobonensis/ Muwaffak /. Пунктуация вышеупомянутого свода, написанная недолго спустя после смерти Фердуси его племянником и земляком, может нам служить средством приблизительно установить произношение поэта, которое несомненно отклоняется во многих примерах от обычного. В моей транскрипции, хотя и против желания, я должен придерживаться позднейшего.

Парсийское слово, подобное niyāyish, baž, padafroh [1] patyara употреблять которые он любит, едва ли могли быть частью ходячего языка, на котором тогда говорили.[2] Многие неупотребительные слова, которые могут быть найдены в шах-нами и многие вещи, которые к несчастью были устранены переписчиками, должны быти уже быть архаизмами во время нашего поэта, в то время как, с другой стороны пример, данный им, привел к сохранению некоторых из таких выражений по крайней мере в поэтическом языке. Синонимы для "битвы"", "войны" jong, kārzār, paigar, parkhāsh, nabard, /486,857,495,1023/ kār /469,561/ āviz /423,642/ несомненно немножко отличаются по своему значению, все таки однако следует сомневаться, употреблялись ли все эти слова в разговорном языке этого времени. Как много устарелых слов применяли уже поэты в IУ веке Гиджры, показано словарем Асади, который без этого не имел бы какого либо raison d'être /основания быть/. Bīvar которое было необходимо для об"яснения имени Bīvarasp, называется Фердуси пехлевийским словом, т.е. словом древнего языка /103/, означающим на Dari „dah hazār /28,96/. Характерно, что каякий раз, когда это устарелое слово употребляется нашим поэтом,

1 Так должно произносить. Саме большее, что оно может быть написано باذاف Оно вполне правильно сокращено из padafroh Не могло ли padash также быть парсийским словом.

2 Также anusheh счастливо", "слава Богу" /?!.Переводчик/. 83, 389, 1891, 1535 относится сюда, если это не одно из более древних выражений, оставшихся в разговорном языке через влияние религии, подобно atash, yazdan как было впервые указано, если я не ошибся Дармстетером.

3 Dari - это разгрворный язык высших классов, являющийся, следовательно, в основном современным персидским литературным языком, который происходит из Persis и который поэтому был, собственно говоря, чужим диалектом для хорасанцев.+/

+/ Едва ли можно поддержать утверждение автора относительно dari когда он говорит: "Дари и т.д." он конечно имеет ввиду сказать "во времена Фердуси Dari был и т. д.", потому что теперь на dari не говорят высшие классы Персии, а зороастрийская часть населения, так называемые гебры, и это диалект персидского языка гораздо более близкий к пехлеви, чем к современному персидскому, и несомненно не может быть назван "в основном современным персидским литературным языком "/ примечение переводчика

он всегда прибавляет к нему слово *hazār* т.е. он пользуется не неправильно. Древние грамматические формы могли также применяться Фирдуси более свободно, чем мы можем теперь опознать[1] Мы видели выше, что скудность арабских слов, употребляющихся в поэме, также принадлежит к особенностям эпического стиля. Достопримечательно, что многие арабские слова, принятые в поэму, появляются довольно часто. Они должны были быть полностью усвоенными разговорным языком того времени.

Некоторые образные выражения, которые отчасти встречаются более или менее часто в Шах-намэ, должно быть принадлежали к обычно применяемому поэтическому языку. Я имею ввиду выражения, подобные "мускус" вместо "черные волосы", "камфора" или "снег" вместо "белый", "кипарис", говоря о стройном теле, "луна" о круглом юношеском лице, "кораллы" /*bussad* 158,482/, "янтарь" /*bijaden* 164_638/[2], "юба" /*'unnab*/ для выражения "красные губы", "нарцисс" вместо "глаз" и т.д..

49. Здесь и там находится также игра слов, но это не может быть названо важной чертой стиля /104/ нашего поэта. Так например *bichang ār chang* "возьми арфу в твою руку" /1066,19, ср. 1139,1301/, *bād bād* "пусть там будет ветер" /44,193/ *gurazan gurar* - гуляющий вепрь /1071,115/, *jahandeh jahān* /714_592/

---

1 Еще Муфаффак часто пользуется причастями на "*t*" или "*d*" вместо /первоначально удлиненного в ак/ формы их, оканчивающейся на "*te*", "*d*", "*e*", "*ede*". Мы в одном случае можем видеть по рифме, что указанной формой пользовался также Фирдуси, когда *no* /или *noyazard* /рифмует с *dard* /1265,2403/. Добавление " " в Лейденском издании неправильно. Но во многих примерах конечное "*ā*" применяется для обозначения именно долгого слога таким образом будучи вполне несомненно поставленным правильно, напр. *khostae* /М. 1392,5 снизу/ и т.д.

2 Что "*bijaden*" означает "янтарь", вполне установлено, см. 34, 208, Аквари в Шамси Канс. 299,9, но в других местах Шах-намэ оно должно было обозначать некий красный драгоценный камень, подобный карбункулу или нечто в этом роде. Мы едва ли могли бы сказать, было ли разговорное значение слова такие же неопределенным, как это, или же может быть Фирдуси не знал действительного значения этого слова.

или jahān-i jahān /1737, 4228 и часто в других местах/, "преходящий мир" samandash jahan u jahanra kanān, "конь скакал и рвал мир /землю//502, 1138/, rovan-i rovan "душа, которая должна уйти" /я не могу вновь найти место/, seh Turk-i suturg "три сильных тюрка" /м. 1883,8 внизу/, merā dāverī dādger dād dād "справедливый судья дай мне справедливость" /м. 1940 по середине/, gifrift ān zamān dost-i Dostān bidost "она тогда схватила руку Дастона рукой"/165,663/, moshan bad-an az bad-ī badgumān "не становись плохо думающим" /т.е. не будь испуганным/ от плохости кого то плохо думающего" /т.е. врага, 922,914/, chu bar zad zi ar chang cangāftab "когда солнце подняло свою руку /буквально " " из /зодиака/ Рака" /м.1643 poen / netabid bā u bitābid rui "это не было игрой для него, он отвернул свое лицо" /494,998/, bar tarak-ī Turk targ "на голове тюрка шлем" /700,331/

chu bar gāh bāshed zarafshān buvad
chu dar jang bāshed sarafshān buvad

"когда он на троне, он сыплет золотом, когда он в битве, он сыплет головами "/153,440/:

bigul ningared ān ki gilkhur ast
agarchi gul az gil situdehtar ast

"тот не глядит на розу, кто грязеед, хотя роза достойнее, чем грязь" /155, 478/, противопоставление gul "розы" - gil "глина, грязь" очень часто.

Az dam bidum "от дыхания /т.е. головы/ до хвоста" /339, примечание 4 или м. 248,6/, dam andar dum-i nai "дутье в конец флейты"/ zi aivan bi kaivan "от дворца до Сатурна /высочайшая из планет, 515, 1373/ и так далее, некоторые /примеры/ из этой игры слов могли быть очень популярными.

Несомненно, что как у других наций, так и у персов аллитерация также применялась. Пары слов, подобные nām u nang "им-

dar и dasht „долина и равнина" и честь", tiz и tigh "острый и меч" nan и namak "хлеб и соль", dad и din "закон и религия", shahd и shir "мед и молоко", daru wa darman "лечебное средство и лекарство"/10 /177,4/ silah и sipah "оружие и войско", taj и takt "корона и трон", tiz и tund "острый и быстрый"/м.1864,10/, "'ud и 'anbar "алоэ и амбра" /м.200,4, dard и dad "страдание и горе /м. 1683,14/ khur и khab /м. 1866,19/ или khab и khurd/м. 1752,14, или khurd и khab /м. 1864,17/ "пища и сон" и так далее, находятся у Дакики и Фирдуси в больших массах, и даже их можно проследить в остатках писаний Rudaki [3]. Случаи, подоб-

---

[1] у Shafer. Chrestom. pers 1.228,10 мы находим даже jahan-i ja jahan !этимология" jahān " -мир" может быть в остальном правильной.

[2] это редко встречается у Гомера, так что едва ли возможно ре шить насколько аллитерация является намеренной и насколько она, может быть случайной. В выражениях подобных πρὸς ἠῶ τε ἠέλιόν τε ἀπερείσι ἀποινα, χαλκός τε χρυσός τε ἑλάτινν τε χίτωνα τε χαλκῆς и особенно ἐχέτην χαμαὶ χολῆας .Я подозреваю бы или намеренно или иное употребление народных аллитерирующих выражений. Но в ἀργαλέων ἀνέμων ἀρέσθαι ἀϋτμήν Од. X1,400 четверка или собственно говоря /так как начальный звук не гласная, а j leni/ пятерная аллитерация вероятно должна быть совершенно случайной так же, как аллитерация несколько раз встречающаяся в двух первых стихах Одиссеи. Тот факт, что многие случаи аллитерации могут быть найдены в Песни о Нибелунгах легко об"ясняется тем обстоятельством, что аллитерация была прежде самой важной частью германской версификации. Скорее должно удивляться, нахо что она не встречается более часто. Ср. J. Vilmar. Reste der Alt Nibelungenliede /Остатки аллитерации в Песни о Нибелунгах// 1855/. Эта статья может быть сказано, содержит много сомнительных утверждений.

[3] См. Ethé в Gaedtingen Anzeigen 1873. мы имеем там sang и sindan "камень и подземная тюрьма" /стр.698,ст. 16 как шахнаме 1020, 1010/ jahān и jān "мир и душа" /стр. 708, стих 5, как jahan, у Дакики, 1342,812/, pāt и nishan "имя и примета" /стр. 695/. Дальнейшие случаи аллитерации в писаниях этого автора у Асади 40,9,83,2 ,107,10. Абу Шукур имеет taki и tahak "совсем пустой", Асади,66,6. Так многие примеры этого рода можно проследить в остатках писаний древних авторов X и даже X1 столетия.

ные gurz-i giran "тяжелая палица", gurzen-i gavsar "палица с бычьей головой", kulah-i keyan "царская тиара" могут быть включены под этим заголовком. Должно отметить, что арабский элемент многократно представлен в таких выражениях, что показывает, насколько глубоко он смог проникнуть в сущность языка. Мы имеем случаи усиленной аллитерации, где рядом с парами kamand и kamān, kamān и kamānd, kulah и kamar, kamar и kulah, встречается kamān и kulah и kamand и kamar /м. 1639,9 снизу/, или kulah и kamān и kamand и kamar /911,701/, "тиара, лук, аркан и пояс", а также в случаях комбинации, включающих связное звено несколько другого рода, взятые здесь только по причине его сходства в звуке: kamān и kamand и kitīn /1676,3166/ или kamīn и kamān и kamand. /1393, примечание 7, или м.991,16/ "засада и лук и аркан". Так /106/ также tan u tigh u tīr "тело и меч и стрела" /350,577/. Ср. dil-i dām u dad shud pur az dāgh, "сердце животных и диких зверей стало полным скорби и горя" /311, 173/, где путем соединения очень часто применяемых пар слов dām u dadn dagh u dard, к которым взяты как префиксное слово " здесь достигнута пятерная аллитерация в форме начального звука " д". Однако такие случаи редки. В shud az Rakhsh rakhshān u az shah shād "он стал сияющим относительно Рахша и весел по поводу царя" /441,133/ мы имеем случай двойной аллитерации. Однако иногда трудно решить, намеренная ли аллитерация или случайная. Мы должны сделать заключение в пользу первого предположения например в chunān ranjeh shud Rustam az ranjrah "таким усталым стал Рустем от трудностей этого дня" /1131,1171/ с ее четырьмя " ", и также в shud shah shād /1570,100 и часто в других местах/, shād shud, shahryar "м.1616,7 снизу. м.1736,12, м.2010,16/ shud shah dilshād /381,33/ "царь

стал радостным".[1]

50. Обстоятельство, мешающее правильной оценке Шах-наме, это его чудовищный об"ем. Отдельные части поэмы должны поэтому читаться каждая сама по себе; такой без сомнения был обычай у самих восточных людей, и это было в самом деле мнение самого поэта.[2] Если читать отдельно, то читателю дают полное удовлетворение многие части, которые иначе мало привлекли бы его, если бы их читать в связи с другими частями поэмы. Несомненно должно постараться и попытаться усвоить общее направление мысли первых во время поэта когда они читали его сочинение . Такое чтение поэмы по частям помогает избежать чувства затрудненности при часто встречающихся /107/ повторениях тех же самых слов или некоторых сцен, например сцен государственных приемов при дворе, описаний шума, производимого армией, отправляющейся в поход и т.д. Взятые в отдельности все эти сцены в большинстве случаев безупречны. То же самое правильно относительно поучительных речей и писаний, которые, каждая из них, часто заслуживает удивления.

---

[1] С другой стороны совсем глуп стих м. 215,20, который встречается в совсем не подлинном месте az in pang sin rugxsat mehar ... ...

51. Было бы большим "embarras de choix"/так много, что трудно выбрать"/ если бы мы захотели выискать самые лучшие места в шах-намэ. Я отбираю здесь только немногие первоклассные сцены. Творческая активность поэта - очень выдающаяся, особенно в живых собеседованиях и в настоящем диалоге. Возьмем например милую сцену, когда привратник встречает девушек Rudaben, возвращающихся с розами /161, и д./ В ней находится большое разнообразие композиции. Мы находим здесь и длинные речи и опять совсем короткие слова. В одном случае, где, правда, проявляется очень много поспешности, сказано просто :"Девушка, служанка пришла к Дастану, сыну Сама, /и сказала/: "Дело готово, приди" /164,634/. Замечательная вещь между другим, это речь Pashang'a, когда он просит у своего отца Афрасиаба позволения идти и сразиться с Кай Хозровом, который для того, чтобы отомстить за смерть своего отца Сиявуша, убитого несомненно по основательной причине, поднял войну против его деда, и по вине которого был убит его приемный отец Piran. /1291 и д/. Мы имеем здесь пример справедливости, с которой поэт трактует даже о противниках иранцев и о его беспристрастности в освещении обеих сторон великого конфликта, который, несмотря на то, что он относился к доисторической древности, все же должен был глубоко волновать нашего поэта, как патриотического иранца. Превосходны слова, которыми Исфандияр, сделанный пленником по распоряжению его отца Гуштаспа, отсылает Джамаспа, которого его отец послал в крайнем отчаянии, чтобы его самым настоятельным образом просить придти к нему на помощь. Горькое презрение и справедливое негодование кратко и резко выражены здесь. Диалог между двумя продолжается в том же самом напряжении. Новости, что его дед и его 33 братьев убиты, что его

сестра была уведена в плен, не трогают его. Отец, говорит он, может мстить за своего собственного отца и позаботиться о своей дочери, из его братьев ни один, говорит он, не побеспокоился о нем, когда он бывает в плен. Только когда он слышит, что его любимый брат Фаршидвард также убит, он соглашается, чтобы его освободили от оков и послали на /108/ войну /1566 и д./[1] место, по вкусам определенное Рюккертом /ZDMG УШ,322/ как шедевр, следующее: сын Фередуна Ирадж был убит своим собственным братом Туром. Манучихр, сын Ирадж возглавил с одобрением Фередуна войну отмщения против Тура. Посланник приносит царю голову предателя, которая однако все таки его сын. Посланник вошел с лицом, полным стыда /стеснения/, с обоими глазами, полными горячими слезами, так как /он думал/ как он мог принести царю Ирана голову царя Китая, отделенную от его тела? Ибо как бы сын далеко не отступил от религии, все же его отец удручен его смертью. Грех /однако/ был очень тяжелым и не допускал никакого извинения, кроме того, мститель был молодой герой. /Так/ посланник /все таки/ вошел со смелым лицом и положил перед ним голову Тура. Царь обратился к Всеправедному с молитвой о благополучии Манучихра" /115/[2]. Благородная манихея была уже упомянута /пар. 36/. Живое описание ее встречи в Рустемом до освобождения ее

---

[1] Эта сцена во многих отношениях напоминает сцену в IX книге Шахнаме. Единственная разница, что обязанности Истандияра более близкого свойства, и таким образом его отказ имеет более глубокое значение.

[2] Я надеюсь, что это место может все таки производить впечатление даже в моей передаче, перевод сделан для этой цели строго слово в слово. Недостаток связи между отдельными предложениями, где последовательная или противополагающая связь становится ясной только из контекста, дает этому месту острую силу /см. выше параграф 46/.

возлюбленного заслуживает быть специально отмеченным /1120 и д./ В путешествии Рустема в Мазандеран, которое является одной из лучших более значительных частей сочинения, и которое проводит перед нашими глазами в быстрой смене, самым живым образом, со страшно различные картины, наиболее достопримечательны, между другими, немногие слова, описывающие конфликт в сердце верного боевого коня, которому его хозяин под страхом смерти запретил будить его и который, с другой стороны, не может допустить, чтобы его хозяин пал добычей дракону /340, 387 и д./

можно было бы продолжать очень долго, цитируя такие примеры. Даже перечисление всех закончених больших частей, которые заслуживают упоминания, было бы очень трудно; самые важные из них были по крайней мере от времени до времени упоминаемы в предыдущих параграфах.

52. По моему мнению Шах-наме также мало было предназначено для пения или для какого либо рода озвучения, как, скажем, Энеида. Этот эпос несомненно основан на национальном фундаменте, но также произведение искусства в другом смысле, чем поэмы Гомера /109/. Традиция была не без перерывов и возникла необходимость нового построения эпоса. Великая поэма, основания которой частью уходит в далекую древность, все таки до известной степени современное произведение.

53. Шах-наме с самого начала очень много переписывалась. Число существующих манускриптов поэмы очень большое. Однако между этими манускриптами, насколько известно доныне, нельзя найти очень старых манускриптов. И довольно сомнительно, может ли какой либо из существующих манускриптов называться просто "хорошим", поскольку он представлял бы, пусть только приблизительно, текст в его первоначальной форме, как он вышел из рук поэта. Переписчики, кажется, позволяли себе

большие вольности уже в самые ранние времена именно с текстом Шах-наме, так как в противном случае немногие более древние своды, в Британском музее, Доб. 21,103, датируемый вероятно 1276-77 гг. и С.Петербургский манускрипт 1333 года не имели бы так много ложных чтений. "Необразованность персидских переписчиков относительно поэтических выражений, которая стала у них природной склонностью" /Teufel, ZDMG 36, 105/ не пощадила именно Фердуси. Некоторые из изменений могли быть введены по религиозным основаниям.[1] другие в значительной степени были следствием простой небрежности. Как непостоянны тексты, можно видеть из некоторых цифр. Фердуси сам дает /М. 1908, 6 снизу, 2095 кр./ число стихов, содержащихся в его поэме, как 60 000. Так как он не чрезмерно точен в цифрах, можно спокойно предположить, что эта цифра скорее преувеличена и что настоящее число стихов в поэме не превышает 50 000. Мы имеем более 40 манускриптов, число стихов которых известно[2]. Из них только один /брит. музей, Доб. 27.253 - Lumsden стр.38 снизу/ /110/, который является главным источником Lumsden'a содержит более 60 000 стихов, именно 61 263, два другие манускрипта 60 000 и 60 116 стихов.

---

1 См. выше параграф 25 у конца и ниже. Так в Лейденском манускрипте и во втором Страсбургском манускрипте пропущен 1406, 16 и также последний, таких ст. 22.

2 См. Ломден, Appendix 77 и д. также Персидское предисловие, 4 и д. Rieu каталог 334 и д., издание Эдуарда Ширмэр /см. ниже стр. 86/. Если бы цифры в вышеупомянутых изданиях оказались не вполне точными, то от этого не было бы большого вреда. Рисунки в манускриптах, иногда занимающие целые страницы, иногда только часть страницы, от времени до времени встречающееся косое положение строк текста и заголовков, которым текст пересыпан. Все это делает необходимым, чтобы каждая страница была принята во внимание, если добиваются правильные цифр , содержащихся стихов, и эта процедура занимает значительное время, когда имеем дело с обширным сочинением, подобным нашей поэме. могут быть также сделаны ошибки при сложении цифр для каждой страницы. Один из Страсбургских сводок, содержащий рисунки в изобилии, представляет особенно большие трудности, так что я оставил мысль пересчитать его стихи. Их число во всяком случае очень велико. Rieu конечно дает приблизительные цифры.

скрипта приблизительно 60 000 /один Lumsden стр. 39 - 58 500 и один совсем современный Эджертана ,682-685 - 58 500/, многие из них, кроме того, содержат более 55 000 стихов. Предисловие к изданию Джуванда Ширмард дает /стр. 4/ число стихов 10 рукописей; они колеблются между 46 982 и 56 685[1]. Некоторые даже числа этих цифр, один /последний только один, Лумсден, стр. 40/ только 39 851. Было бы ошибкой принять, что чем больше число стихов, тем меньше манускрипт был испорчен. Например манускрипт, содержащий 61 266 стихов, включил в поэму большое место из Бурзуйме в 3700 стихов, которое совсем не принадлежит Фердуси. То же самое относится к Страсбургскому своду и другим манускриптам, показывающим высокие цифры.[2] Это тот же самый манускрипт, только из которого Лумсден /стр. 277 и д./ заимствовал подложное приключение Рустема с Куком, содержащее свыше 700 стихов[3]. И даже, хотя число

---

1 Я считаю лейденский манускрипт имеющим около 50 000 стихов, один из Страсбургских манускриптов, содержащий вторую часть поэмы /от м. 1064 до 2096, может быть легко определен, как /включающий/ 27 000 стихов.

2 Масе" знает пять манускриптов, содержащих место из Бурзуйме /Персидское предисловие, стр. 9/.

3 Оно вставлено перед увещевательной речью минучихра /Лумсден, 322, 1-324, 7 или Вуллерс 240, 1991-242, 2030/. Лумсден уже имел большие сомнения относительно подлинности этого места, но не мог решиться упустить что-либо, в то время, как Масе исключил его из текста и дал в приложении /2138-2160/. Рокерт который не имел под руками ни одного манускрипта, взял в этом случае текст из Лумсдена при неправильном впечатлении, что это был тот же самый текст, что у Масе, как он сделал также во многих других случаях. Некоторые вещи в этом месте просто абсурдны. Мы имеем здесь дело с подложной частью, приписываемой Фердуси. Это становится очевидным из того факта, что вся заключительная часть его м. 2138, 18 и д. была заимствована из Шах-наме м. 1361, 15-1363 расп., где поэт жалуется на непостоянство судьбы и восхваляет Махмуда, а также из того обстоятельства, что м. 2138, 15 и д. совпадает со стихами Шах-наме, м. 1361, 14 и д. только с той разницей, что имя "Кук" было поставлено вместо имени "Искандар". Некоторые из стихов из соответствующей части Шах-наме отсутствуют в заключительной части места о Куке; другие варианты не имеют важного значения.

стихов этого манускрипта может быть сведено до около 57 000 после устранения первого или обоих вышеупомянутых мест, все таки в нем остаются очень многие стихи, не подлинные. Так как даже при самой большой осмотрительности при суждении, нельзя не признать, что например /111/ текст у Лэмсдена, соответственно текст у Мюсона, который является более пространным, чем текст у Моля и соответственно текст у Вуллерса и Мандауера,[1] содержит очень много добавлений позднейшего происхождения. С другой стороны несомненно, что более короткие или более длинные места иногда были пропущены по небрежности переписчика, более редко намеренно.

Теперь мы рассмотрим и покажем вариации в об"еме отдельных мест в частностях, поскольку имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют это. Эпизод с Бикфом и мышах содержит в издании у Вуллерса 1335 стихов, у Моля 1387, у Мюсона 1392, у Амуанда Ширмард еще немного более, в Лейденском манускрипте 1503, в Страсбургском манускрипте 1561 стих.[2] Предполагая, что немного стихов могли быть пропущены Вуллерсом, которые точно подлинны, все таки излишек в других текстах несомненно в большой части состоит из неподлинных стихов.[3] Место о Рустеме и

---

1 Текст Мюсона может содержать около 55 000 стихов.

2 С оговоркой возможности маленьких ошибок в цифрах.

3 От понимания Вуллерса усматривается, что после 366 стиха у Мюсона имеется больше на два стиха. Амуанда Ширмард также имеет их.

Бедьм Дива /351 и д./ содержит в изданиях Моля и Буллерса 96 стихов, у Масона 118 /+26-4/, однако в С.Петербургском манускрипте только 75 /-21/, в Лейденском 79 /+18+ 1/, в Страссбургском также 79 /+19+2/. Излишек в издании Масона произведен главным образом длинным благочестивым добавлением. 18 стихов, отсутствующие в трех манускриптах, должны несомненно быть исключены. Таким образом будет выяснено, что более подлинны стихи из Масона в этом особом месте - это позднейшие добавления к оригиналу. В эпизоде Рустема с Div-i-Akvān с введением к этому /1049,1 - 1050,18/ варианты в общем числе стихов не так велики, все таки не незначительны, если рассмотреть их детально: Буллерс привел 231 стих, Моль - 236 /+8-1/, Масон - 235 /+8-4/. Лейденский свод содержит 239 стихов /+20-12/, Страссбургский - 212 /+13-32/. В позднейшем стихи 35-38 и 89-94 были пропущены по . В Лейденском манускрипте подобным же образом стихи 107-в - 199-а . Излишек в последнем отчасти самым решительным образом не подлинный /напр. благочестивое добавление на конце места/; также с другой стороны другие тексты только отчасти совпадают в том, что они имеют в излишке, по сравнению с Буллерсом. Наконец приключение Рустема с Div-i-Arzang /349-351/ содержит 48 стихов в текстах у Моля и Буллерса, 58 стихов у Масона и Амузанда Ширмард /112/, но только 42 в С.Петербургском, Лейденском и Страссбургском сводах, которые все три совпадают в пропуске ст. 361, 364-367, 370 и трех стихов излишних, данных у Масона. Все эти добавления могут быть устранены, так как они отчасти даже совсем чужды контексту.

54. Пестрота различных текстов очень хорошо выступает вперед, если их сравнить в деталях относительно слов в каждом из них. Хомсден дает в приложении 9 и д. полные

варианты из 24 различных манускриптов 54 стихов 419; 584-422; 631,+/присоединяя 6 стихов, данных Вуллерсом ,в примечаниях/.[1] Здесь есть только немного стихов без вариантов. В некоторых случаях число разночтений, напротив, доходит даже до 9 или 10[2]. Лейденский манускрипт привел только в 27 стихах, т.е. как раз в пределах всего числа, чтения, встречающиеся также в Люмсденских манускриптах, в остальных стихах, исключая только немногие, которые там опущены, он отличается по крайней мере в небольших деталях от других манускриптов. В Страсбургском своде 19 стихов не совпадают с данными, приведенными Люмсденом /однако три из них точно такие же, как в Лейденском манускрипте/; четыре стиха отсутствуют, но не точно те же самые, как в Лейденском манускрипте. Через посредство этих двух манускриптов мы получаем для 611 стиха двенадцать различных форм, к чему должно добавить, что Страсбургский свод содержит этот стих в двух вариантах один после другого. Текст у Моля добавляет к этому еще одно расхождение. Большинство этих вариантов разумеется незначительны и некоторые из них должны быть рассматриваемы просто, как плохое чтение, но в очень многих примерах там остается большая неуверенность относительно того, каков чтение правильно.

55. Черты, считающиеся в других областях филологического изыскания первостепенным условием хорошего установления текста, именно возможность установления отношений между раз-

---

+ Я не могу понять, что автор имеет ввиду под цифрами "419; 584-422; 631". /Примечание переводчика/.

1 Я разумеется считаю это как один стих, появляющийся в одной и той же форме дважды в различных местах.

2 К несчастью цифры числа манускриптов, которые имеют такое то и такое чтение, часто неправильно напечатаны в приложении Люмсдена, иначе было бы видно, отсутствовали ли большинство стихов в различных манускриптах.

личными манускриптами, отсутствует в случае в Шах-намэ и имеется мало надежды, чтобы это стало возможным удовлетворительно установить в будущем. Издатели не знакомят /113/ нас детально с манускриптами, которыми они пользуются и другие исследователи редко располагают возможностью изучить предмет обстоятельным образом. Чудовищны об"ем поэмы и неподдающееся проверке поведение писцов делают невозможным получить ясное представление посредством немногих экземпляров, имеющих ценность и взаимоотношение манускрипта; отдельные части последнего могут быть, в самом деле, основаны на различных оригиналах, писец мог иметь перед собой различные манускрипты в одно и то же время, прибегая также в помощи своей памяти наряду с доступными ему манускриптами. Так второй Страсбургский манускрипт /который повидимому принадлежит к шестнадцатому или семнадцатому столетию / очень хорошо согласуется с Лейденским сводом, при этом расхождения между этими двумя так велики, что нельзя предположить, что они основаны на общем оригинале. Однако не представляется немыслимым, что может когда нибудь оказаться возможным выбрать немного манускриптов, чтобы они послужили основанием для проверенного текста. Правда мои надежды найти в старом Лейденском своде нечто вроде такого базиса оказались тщетными. Чтобы судить по довольно пространным образцам, дошедшим из этого свода в мое распоряжение, некоторые его чтения лучше выдерживают проверку, чем чтения в печатных изданиях, но также в некоторых случаях его чтения решительно хуже. Так например, подозрительно, чтобы сын Зарира всегда там назывался Nastah /1517 и так далее/

вместо Nastūr [1], что более дравняе формы, подобные budāsh заменяются простым būd, что некоторые стихи от времени до времени пропускаются, как например 1504, 153-156 и эти три стиха здесь устранены по религиозным причинам, когда рассказывается, что Гуштасп выдал свою дочь по персидскому обычаю замуж за своего сына[2] /1540, 782-784/. Древний С.Петербургский свод[3], многие части которого мне доступны во вполне надежной копии, казался бы мне скорее заслуживающим предмочтения перед Лондонским манускриптом, но и этот свод не может служить твердой основой, так как он также содержит многие ложные чтения /114/. Насколько непоследовательны эти манускрипты, может быть видно из того факта, что вышеупомянутый свод имеет в одном месте Nastuh и везде в других местах Nastūr, и что неправильная форма встречается также один раз, но в различном месте, в Лейденском манускрипте /тогда как второй Страссбургский манускрипт имеет везде правильную форму. Даже отдельные ложныерифмы встречаются уже в С.Петербургском своде. В 1526, 519 мы находим dilir рифмующееся с pīr, тогда как Лондонский свод и один из Страссбургских сводов дают hužir : pīr /этот стих пропущен в Лейденском и во втором Страссбургском манускриптах/. Лейденский свод, который я имел в своем распоряжении все время при составлении первого издания этой книги, может даже меньше, чем два выше-

---

1 Это имя могло произноситься так самим Фирдуси, правильная форма Bastur, пехлевийское [illegible] /что могло также произноситься Bastvar авестийское Bastavairi

2 Правильное чтение может быть установлено из свода F. и текста у Моля. Так: своему старшему сыну он дал славную Humāi, таков был обычай и закон у персов; другую /дочь/ он дал удивительному".

3 Следует надеяться, что этот свод и также другие научные сокровища не погибли и не были существенно повреждены во время ужасных событий, которые были вызваны в насчастном С.Петербурге благодетелями человеческого рода!.

упомянутых манускрипта, претендовать на название "хороший" и меньше всего такое притязание может быть пред"явлено вторым /неполным/ Страссубргским манускриптом, который имеет род связи с Лейденским сводом. Ничего в таком роде нельзя ожидать от полного Страссубргского манускрипта, который был написан только в последнем столетии в Индии, и все таки из него может быть получено много удовлетворительных чтений. Во всяком случае чтения, в которых два древние манускрипта или даже все пят из них совпадают, должны быть приняты во внимание. Специальный случай - это случай со стихами 1516, 345-355 /у Дакики/. Тексты у Масола, Моля и Ландауэра, разливающиеся только очень мало, имеют постижимую последовательность событий, в то время, как Лондонский, С.Петербургский и Лейденский своды имеют только :[1]

dirafsh-i furūzandeh-i Kāviyān
bigafgandeh[2] bāshand Īraniyan
girāmī bigīrad badendān dirafsh
badendan bidārad dirafsh-ī-banafsh
bayak dast shamshir u dīgar kulāh
badendan dirafsh-i Feridun-i shāh
azin sān hamī afganad dushmanan
hami bar kanad jan-i Ahormanan.
saranjam tīrash rasad bar miyan
shavad gurd nādīdeh tā jāvidān.

---

1 Я оставляю в стороне неважные варианты.

2 Я не знаю, следует ли читать bigafgandeh с ak или ag. Это слово написано в сокращенном еврейском тексте с ak, что мне кажется правильным чтением /Примечание переводчика./

3 Лондонский свод имеет вместо этого
sar anjām dar jang kushdeh shavad
nikū nāmash andar navashteh shavad
"Он наконец был убит в битве, его благородное имя закатилось"/стало невидимым уничтожилось/".

/115/ "Сверкающее знамя Kaviyan'a было брошено
иранцами,
Гирами/однако/ ловит ушко знамени своими зубами и
держит своими зубами фиолетовое+ знамя,
В одной руке меч, в другой тара, в зубах знамя царя
Феридуна,
Таким образом он повергает неприятелей, он уничтожает
жизнь чертей.
/Все таки/ наконец стрела попадает ему в середину /тела/
/и так/ герой становится непригодным навеки".

Это однако звучит довольно неправдоподобно: пропущено упоминание, что Гирами сошел с коня, чтобы взять знамя, не дано основания, почему он должен схватить древко знамени зубами, а не своей левой рукой, что показывает, что его левая рука занята ——— и наконец нельзя понять, почему он должен держать в левой руке тиару. При всем том, я все таки должен придать известную важность совпадению текста в трех манускриптах. Не легко понять, как этот текст мог произойти из другого, где все развивается постепенно, в то время как первый мог легко быть изменен в соответствии с повествованием, следующим ниже /1524, 511-519/. Можно может быть принять во внимание, что предыдущее место, будучи представлением, было намеренно сделано менее обстоятельным. Может быть эти стихи принадлежат к числу тех, которые побудили Фердуси высказать такое суровое суждение о Дакики. Вместо "тиара" здесь должно было быть в тексте

+ Нельдеке переводит " das dunkelblaue Banner " /темно-синее знамя/, но bonafsh это буквально "фиолетовый". /Примечание переводчика/.

первоначально название какого то оружия.[1] Однако могло быть, что обычное чтение, которое также можно найти во второй страссбургской рукописи, исправляет поэт сам, если случилось, что оно не принадлежит ему. Все таки как раз здесь лучшее чтение не является необходимо подлинным.

56. Чисто эстетическое суждение не может считаться решающим для критической работы над текстом. Фердуси, как бы велик он ни был, как поэт, не мог избежать тенденций моды времени и страны, где он жил. Даже мы в наше время только отчасти умеет избегать таких влияний, несмотря на то, что мы имели гораздо больше удобных случаев развития /116/ наших эстетических вкусов путем соприкосновения с произведениями самых различных народов и времен. Даже для Рюккерта, который был глубоко проникнут духом персидской поэзии, имеет силу такая же поправка. Правда, его тонкие и поучительные примечания к первой части издания Моля /ZDMG 8 и 10/ в самом деле значительно содействовали критике и пониманию этой части поэмы.[2], однако часто случается, что он отбрасывает отдельные стихи и также целые места, предполагая их неподлинность просто потому, что они не трогают его вкус. Он говорит, например, "Я считаю, однако стихи 26-69 /63,26-29/ и правильными, так же, как все подобные части, встречающиеся нагромождения в перечислении великолепия подобно тому, как стихи, описывающие великолепие одежд в Песни о Нибелунгах" /ZDMG VII,284/. "Я должен только с удовольствием заметить, что самое большое число самых неуклюжих интерполяций в Шах-наме заключается как раз в таких

---

[1] В книге Зарира, Гударз предстает держащим знамя зубами, чтобы иметь возможность сражаться обеими руками.

[2] Правда, его этимологические догадки всегда остроумны, только все таки мало число их.

описаниях внешнего великолепия, которые совершенно подобны описаниях пышных одежд в Нибелунгах" /тамже, 311/, "Но этот стих с двумя следующими стихами принадлежит к штопаным лохмотьям слабых описаний, которые должны везде быть исключены или забыты для чести поэта", и затем опять следует ссылка на Песнь о Нибелунгах /там же, X, 190/. Он так продолжает в своем убедительном удалении таких стихов. Но мы должны подходить с самым большим разбором прежде чем следовать его примеру, так как мы не имеем какого либо основания предполагать, что наш поэт не любил таких описаний, цель которых была представить великолепие или героизм древнего мира живым образом и которые, в этом нет сомнения, сильно трогали его современников. Таким образом Рюккерт часто быстро урезывает поэму без какого либо основания на традиции. Мы могли бы обойтись без стихов 40, 116-124, например, но все же было уместно еще раз напомнить о корове Purmaueh, которую Фридук должен был кормить. Следует сравнить, кроме того: "Но вся часть 159/557-161/558 скучна, интерполирована и должна быть вычеркнута", "Весь стих 180,920 не стоит много, как большая часть стихов, в которых рифма сходна с имеющейся здесь dôs'+tán: bós'tán. Они кажется были контрабандно включены каким то большим любителем садов". Следующее характерно; "Только жаль, что не имеем права укорять поэта с достаточным основанием за всю эту часть 140/212-145/304, а также /117/ за многие другие сходные части; это сплошная пустота начинается уже со стихом 212 и продолжается до 304 стиха. Если бы мы все это пропустили, то стих 211 прекрасно подходил бы к стиху 305. Основание для интерполяции легко узнается: цель была привести сцену с шахом, который, на самом деле, здесь совсем не нужен". Так Рюккерт сперва оплакивает отсутствие достаточного основания для устранения этой части, а затем он всетаки к ней прибегает. Правда, что мы не очень много

потеряли бы, если бы эта часть тут не была, однако я должен думать, что повидимому для поэта имело известное значение показать предварительно в правильном освещении отношение молодого человека Зала к его государю, гневу которого он подвергается вскоре после этого, заводя связь с домом Заххака. Все развитие событий приблизительно в половине Шах-наме в действительности основано на вассальной верности принцев Систана Царю царей.[1] Таким же образом некоторые другие атетезы, сделанные Рюккертом, могут быть отвергнуты, тогда как некоторые из них, относящиеся, это должно быть сказано, только к отдельным или немногим стихам, имеют все таки очень много в свою пользу. Однако если бы мы захотели перестроить целое Шах-наме по манере Рюккерта с руководящей уверенностью тонкого вкуса, это привело бы к чудовищным пробелам, которые возникли бы в

1
Две маленькие лингвистические частности также говорят в пользу древности в других отношениях не очень специфического места: 1/ стих 230 *mar* *an* вместо простого *an* /подлежащее/ таким же образом, как *mar* часто встречается в Шах-наме и в других местах в древней поэзии, когда значение суб"ективно или об"ективно /без того, чтобы за ним следовало *ra* /, однако только перед указательными словами /Единственное надежное исключение, известное мне, это 931,1066: *giriftand mar yakdigar dar kenar* "они крепко сжимали друг друга", где *yakdigar* несомненно мыслилось, как местоимение; 2/ стих 250 *avardami* вместо *avardim* равное *avardi mera* если однако его не следует читать в соответствии с параграфом 75, вместе с Модем *avaru hami*. Неправильная рифма *sir : pir* ст. 239 не может вызвать какого либо подозрения, так как ее следует читать подобно тому, как в лейденском манускрипте *u ahang-i* /или *u furhang - i* /*zir* "и поведение человека низкого состояния."+

+
Нельдеке переводит *eines Niedrigstehenden*, но я не знаю какого либо случая, где слово "*zir*" могло бы рассматриваться, как прилагательное, так как оно всегда употребляется как предлог или причастие. Каково правильное значение этого слова, трудно сказать без контекста, но несомненно, что в авторском их понимании есть какая то неправильность /примечание переводчика/.

части, трактующей об истории Сассанидов, и вся поэма сократилась бы до менее чем 30 000 стихов. Мало того, после всего мы должны были бы вычеркнуть второй полустих из многих стихов. Совсем посторонее, но необходимое соображение, что мы не должны слишком далеко отклоняться от цифры 60 000 стихов, данной самим поэтом /118/, было бы достаточным, чтобы заставить нас воздержаться от слишком сильных сокращений.

Естественно только очень редко возможно доказать внешними параллельными местами неправильность подозрений относительно известных стихов. Так мой друг Ландауэр решительно заявил в 1875 г., что девять стихов из Масдна, 1374,3-11, которые ранее уже были пропущены у Моля, являются неподлинными, однако после того времени было доказано, что эти стихи вполне правильные, через соответствующее место в сирийском тексте Романа об Александре[1], который был открыт за это время. Пропуск некоторых стихов в некоторых манускриптах был вызван гомеотелевтаном /подобием окончаний/ gāv:tāv и gāv: chakāv Таким же самым образом для стихов М. 1354,9-11, пропущенных у Моля и об"явленных неподлинными Ландауэром /1902/, подлинность была подтверждена Dīnawarī 40,[3]. Несомненно следовало бы вполне основательно вкидать здесь также текст письма, адресованного Аристотелю[4]

---

1 Издано Budge стр. 192.

2 В Лейденском и Страссбургском манускриптах первый стих этого места продолжается ---- gav zi lashkar guzin kard mardan - tav они имеют только этот спор.

3 См. мои „Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans" стр. 41.

4 Однако я не буду удостоверять, что все остальное здесь в порядке. Стихи пропущены в Лейденском и втором Страссбургском манускриптах, но они сопровождаются теперь еще двумя довольно безразличными стихами в первом Страссбургском манускрипте.

Мы однако будем говорить о некоторых местах, относительно которых нет никакого сомнения, что они имеют позднейшее происхождение. Имеются, например, 36 стихов, 109 примечание 11, данных у Люмсдена и Мамона, которые также отсутствуют в Страсбургском и в Лейденском манускриптах По внешней форме все напоминает нам здесь о Фердуси, но имитация, лишенная какого либо характера, вполне очевидна Место, говорящее о битве между Каршаспом и рыцарем Shīrū или Shīrūi имеет вероятнее всего то же самое происхождение, как более пространный рассказ о битве Рустема с Куком. Ясно, чтоРюккерт даже не думал, что ему стоило между прочим упоминать о неподлинности этого особенного места. Поскольку дело идет о деталях, мы могли бы отметить неправильную рифму shīr : zarīr в стихе 8, а также употребление словаkhawar, которое всегда у Фердуси применяется в смысле "Запад", в значении "Север", мало того /119/ даже и "Восток" /ст. 18/. Однако возможно, что такое применение не было в виду у человека, составившего это место. Все таки неподлинность остается.

Следует однако принять во внимание, что та же самая неприятная ошибка встречается также в другом месте, несомненно не подлинном, и нарочно исключенном Рюккертом, которое также отсутствует в вышеупомянутых двух сводах именно в этих 26 стихах, где рассказывается детально, как Кай Хосров сам вступает в завоеванный город /327, прим. 21/. Мы имеем здесь в стихе 13 khāvarān в смысле "Восток" / и действительно в рифме /, и в стихе 22 неправильную рифму sepīd : pedīd которая вдвойне шокирует в таких обыкновенных словах, также часто встречающихся в рифмах. Кроме того, там есть несколько име-

ющих подозрительный вид арабских выражений: murād /ст. 16/ fidā /ст. 21/ waqt [1] и sauda /оба в ст. 26/. Однако если бы все в целом не было бы так крайне лишено колорита и не было бы составлено без всякой заботы о применении только выражений, обычных в Шахнамэ, неподлинность не могла бы быть так легко установлена только на основании таких менее важных деталей, так как последние можно было рассматривать, как происходящие от позднейшей переделки.

Положение вещей совершенно различное относительно 54 стихов, 457, примечание 5, которые даны также Масоном, /332 и д./ с и с некоторыми легкими изменениями Амузанда Ширмардом. Они содержат различные арабские слова, о которых едва ли можно думать, что Фердуси ими пользовался, отчасти также выражения, состоящие из двух слов, подобные ū funūn /ст 14/ fath-i hisār /ст. 53/ выбранные самим автором. они важны для целого. Кроме того, там имеется двойная неправильная рифма bi yād : : ziyad /ст. 9/ и rād : ziyad которая была допустима не ранее конца четырнадцатого столетия.[2] Также частица " " вполне или почти /120/ избегаемая у Фердуси, встречается здесь четыре раза /дважды в стихе 12 и дважды в ст. 19/. что было бы дальнейшим доказательством неподлинности, если

См. мой перевод Табари, 115, примечание и de Goeje об Ибн-Шардадбеке, 72. Неуверенность в пользовании этими древними названиями для четырех стран света вероятно об"ясняется тем фактом, что эти слова были заменены в обычном разговорном языке соответствующими арабскими выражениями.

[1] Waqt фактически встречается также в других местах в Шах-Намэ по крайней мере теперь.

Имеется такая рифма также в месте, уже исключенном у Масона /не у Моля в первом случае/, которое сохранено у Люмсдена 455 и д., после 353, 618: radd : khirad Первое из этих слов не может быть заменено персидским rad /как пробовал сделать Рюккерт для того, чтобы сохранить стих/. Так как Рустем никогда не слышал этого эпитета. Это место--

бы такое дальнейшее доказательство было еще необходимо, так как самое содержание этого места возбуждает самые большие сомнения. Стихи 363, примечание 10, 365, примечание 3 и 4 /М.266 и д./ ,пропущенные Молем, частью вполне прекрасны, так что Рюккерт имел склонность описывать их, как подлинные. Но то обстоятельство, что Масон также снабжает их звездочками показывает, что они очень слабо документированы манускриптами /вероятно только главным сводом, которым пользовался Люмсден/ и также отсутствуют в двух манускриптах. Несколько отрывистая манера повествования в оригинале могла побудить какого либо усердного интерполятора заполнить видимые пробелы. Что касается до деталей, то некоторые подозрительные арабские слова опять привлекают наше внимание: ʾāqil /стр. 364, ст.7/, rukhsat /364/ст.7 и 366, ст. 12/, bāb /365,прим. 4,ст. 4/. Там встречается, кроме того, mar pā-i ū /365,стих 10/, где mar без последующего "rā" это несомненно намеренный архаизм, который, однако, отклоняется от действительно древнего применения постольку, поскольку он стоит перед существительным "ī" в ki kardāmī "чтобы я сделал"/366, 13, едва ли соответствует манере выражения Фирдуси. Наконец здесь также опять встречается "mī" вместо hamī /365,примеч. 3, стих 2/.

Десять стихов 613, примечание 8 /М.440 и д./ могут вероятно быть найдены также в Лейденском манускрипте, /и там в самом деле после стиха 1647/, все таки нет сомнения, что они не подлинны. Здесь также арабские слова составляют вполне необходимую составную часть места, хотя Лейденский свод имеет

как возможно, это во всех отношениях величайшее деяние Рустема: жернов был очень подходящей вещью как оружие против демона, но поэт заставляет демона сражаться без оружия. Стих 618 должен также быть исключен: он отсутствует в С.Петербургском, Лейденском и Страссбургском манускриптах.

вместо в высшей степени сомнительного mihl-i qatar исправленное chin di qatar. Стихи должны быть безусловно откинуты уже ввиду развития подлинных слов стиха 1636 "солнце вступило в соединение с Венерой" в тройное повторение слов "подобно луне и солнцу," или "подобно солнцу и луне вместе" /ст. 1,2,10/. Какой то писец позднейших времен имел побуждение изобразить своим собственным образом красоту любимой. Страссбургский манускрипт не содержит этих стихов.

Очень сильно интерполирован рассказ о захвате Афрасиаба /1386 и д./стих 2238-2290/. Моль здесь совершенно правильно выделил подлинные стихи и его текст совершенно совпадает с С.Петербургским манускриптом. Стих 2245 стоит в его тексте правильно перед стихом 2243, а стих 2244 пропущен, так также в С.Петербургском, Лейденском и Страссбургском манускриптах; Вулларс не должен бы восстанавливать здесь /121/ текст у Масона. Даже менее подходящим было восстановление ст. 2255, который перекрывается с контекстом. Он также отсутствует в трех манускриптах. Следующий текст пропущен у Моля и также, я думаю, правильно отсутствует в С.Петербургском и Страссбургском манускриптах /Лейденский манускрипт поместил его не на своем месте перед 2258/. Жалоба Афрасиаба уходит в тексте Моля, подобно С.Петербургскому и Страссбургскому сводам, вполне подходящим образом. Растянутые места, стр. 1387, прим. 6, которые имеются в Лейденском манускрипте почти в такой же самой форме, как у Масона /987 и д./ кажется на первый взгляд искусственным дополнением, так как опять рассказывается, что Афрасиаб поднял плач для того, чтобы связать это место с подлинными словами поэмы Kitāb и т.д. Кроме того, длина

речи подозрительна прежде всего, также и тот факт, что потер-
перший поражение царь начинает свои слова такой благочестивой
молитвой. Два первые стиха /пропущенные на этом месте в Лей-
денском своде, но второй из них стоит позже, стих 2263/, име-
ют целью показать основания, почему Гум мог их так хорошо
слушать. Мы находим здесь в конце форму bakhshai вместо
bakhs это "дать" в противоречии с древним разговорным употре-
блением. Жалоба удлиннена далее в тексте Мэсона, а также в
Лейденском манускрипте на 7 стихов, в каждом из которых только
три совпадают в двух текстах. Один из этих стихов мог принадле
жать Фердуси, но все в целом слишком растянуто для него. Такие
положения в действительности совсем особенно побуждают пере-
писчиков к удлинению текста. Красивые стихи у Мэсона после
2280, где Афрасиаб пытается ввести в заблуждение Гума относи-
тельно своей тождественности, к несчастью слишком мало подтвер-
ждены манускриптами для того, чтобы сойти за подлинные.[1] Все,
что Мэсон дает в этой части поэмы сверх того, что у Моля, во-
обще очень сомнительно; и еще более добавления в Лейденском и
Страсбургском манускриптах. Это место также сделало большое
искушение для дополнителей проявить их активность.

Длинное место М.996, 13 - 1000, 15, данное также в других
восточных изданиях, было правильно пропущено Молем. Правда,
его язык несовсем отличается в деталях от языка Шах-намэ /122/
как установлено Вуллерсом /1400 прил./, но все в целом скучно
и растянуто и после более внимательного рассмотрения видно, что
это место перекрывается с контекстом. Какой то интерполятор
позднейших времен был соблазнен мыслью обрисовать прекрасное

---

1 Противоречие относительно стиха 1280 найдено Вуллерсом только
за счет его неправильного чтения ... kayat вместо kiyat
"Я царь" - это едва ли могло подходить к такому месту, и, кро
ме того, было бы несомненно выражено Фирдуси как нибудь иначе

восстановление мирных отношений между Ираном и Тураном после смерти Афрасиаба.

Последняя часть царствования Кавра /М.1789-1791/, которая пропущена у Моля, не подходит к предшествующему ей правильному заключения и вероятно неподлинная, но может быть что это - дабавление, сделанное самим поэтому, чтобы доказать свое правоверие.

Совершенно безнадежно положение вещей относительно конца истории Кай Хозрова /1443,3175/, именно последние стихи /от стиха 3185/. Все доступные мне авторитеты - Масон, Моль, Лейденский и Страссбургский своды имеют здесь каждый совершенно различный текст и ни один из этих текстов не кажется надежным. Не имеет важного значения, что Амузанда Ширмард совпадает здесь, как обычно, с Масоном.

57. Я мог бы еще продолжать цитировать интерполяции, и если бы я все время насколько возможно ограничивался только несомненными примерами, как было сделано в вышецитированных примерах, но я боюсь, что дал читателю слишком много такого рода /материала/. Мое изложкние стоило бы гораздо более, если бы я затеял дать сколько нибудь исчерпывающий перечень всех случаев, где был засорен текст отдельных стихов. Я только рбращаю внимани /читателя/ на тот факт, что переписчики уже довольно в ранние вр мена начали замещать устарелые или непонятные выражения некоторыми более обычными словами и делать трудные комбинации слов более простыми[1]. Стих 342,421 /Люмсден дает в своем приложении одиннадцать его

---

[1] В прйложении у Люмсдейа /стр.4/ где перечислены причины расхождений в тексте эти оба правильно особенно подчеркнуты.

чтений / должен был первоначально иметь в своем втором полустишии форму, данную Люмсденом в самом тексте /стр. 442/: yakī jām chūn khūn-i kabtar nabīd "бокал вина подобного крови голубя". Форма "Kabtar "/ или Kautar/ была неизвестна или неудобна для переписчиков, кроме того здесь была жесткая конструкция предложения, оно было поэтому изменено в bi āmī chu khūn-i kabutar nabīd /так Моль/ или был введен золотой бокал[1] или даже путем введения арабского /123/ слова бокал был описан, как большой, как водяной чан[2] или малая цистерна[3]. Изменения в стихах 316,50 ,/которых Люмсде в своем приложении /стр. 25/ дает пятнадцать различных чтени и к ним должны быть добавлены еще два из моих двух манускриптов/ основаны главным образом на том обстоятельстве, что переписчики не понимали слова vīk [4]. В 1499,78 С.Петербургск Лейденский и первый Страссбургский[5] манускрипты имеют несомненно правильное чтение bigīrīd pand az tahām Zardahusht "возьми совет у сильного Зороастра". Taham / tahm / показалось неуместным в этом констексте. Оно было поэтому изменен в yaksar rah-i Z. /так в изданиях/ или даже в pand az dahad Z. /так в Лондонском манускрипте/. В 1387 ст. kāf или hang "пещера" большей частью замещен более обычным /арабским/ ghār ,в ст. 2246 даже в С.Петербургском манускр

---

1 Так между другими Вуллерс и Лейденский манускрипт.

2. Chun hauz Страссбургский манускрипт.

3 mai hauzaki pur nabid одно из чтений у Люмсдена.

4 Становится несомненным у Асади 67 ult, что мы имеем здесь дело с арабским Waika "горе тебе", которое в дальнейшем приняло значение "да,да". Ср. 'Abdulqādir Lexicon Shahnamianum 233,27. Неправильное чтение rik встречается не только здесь, но также М.1712,7; 2088 ult.

5 В другом Страссбургском манускрипте этот стих пропущен.

те. Как было уже показано Horn'ом Grundriß der neupe-schen Etymologie стр. 241, оригинал в ст. 6,95 был vakhshūr-i где мы читаем теперь замещающее это старое слово обозначающее "посланник"- paighambarat "твой пророк".[1] Вуллерс цитирует в своем Lexicon 1.530 из Farhang-i Shu'ārī стих 677,2726 в форме:

parandūsh zīn jan suvārī guzasht
ki larzīd zū sar bisar būm u dasht

"позапрошлой ночью всадник проходил с этой стороны, который заставил страну и равнину трясись от одного конца до другого". Здесь по крайней мере первое полустишие имеет несомненно более первоначальные слова, чем наши тексты, где правда второе полустишие образовано правильно. Слово "jan" было старое, но уже не было понятным, а вместо zīn jan так было введено bar man или shab bar /так Лейденский сводц. Страссбургский манускрипт исключает, кроме этого устарелое parandush и дает suvārī birānd u bar-i māgur с грубой ошибкой, смешивая bar и bar-i. Словари дают, кроме того, очень много стихов из Шахнамэ, содержащих редкие выражения, которые теперь исчезли из доступных нам текстов, и место которых еще не было /124/; и это не легко, принимая во внимание чудовищный об"ем поэмы, за исключением тех случаев, когда цитированный стих содержит что нибудь особенно значительное. Ср. Вуллерс, Lexicon II, 900, под словом kung /king ?/ означающим, повидимому, "сильный человек"[2] и II, 193, под словом sāmān "приказ".

---

[1] В С.Петербургском своде стих дополнен позднейшей рукой.

[2] Вернее "мужчина в цвете лет", или даже "юноша", см Horn о Asadi 77,8, где дан старый пример для подтверждения примера, цитируемого Вуллерсом из Саади.

в специальном значении "корпус бревных войск".[1] Совсем особого рода это замещение географических или этнографических названий такими, которые не могли быть известны до тринадцатого столетия: Qibjāq вместо Qajghar /вероятнее всего эквивалент слова Qarlughar /1381, 4143/.

38. В уже однажды цитированном месте /приложение стр.4/ Люмсден выражает мнение, что одна из причин больших расхождений в различных текстах Шах-Наме это то, что многие из копий были сделаны с частей поэмы, даже ранее окончания последней в целом, или с законченного списка прежде, чем он подвергся окончательному пересмотру автором. И вот здесь должны быть серьезно приняты во внимание слова Teufel, который является и специалистом и тонко чувствующим исследователем, когда он говорит: "Я читал очень мало персидских поэтических сочинений, которые /даже если было применено небольшое поверхностное критическое исследование/ не показали бы того обстоятельства, что сочинение подверглось многим рецензиям со стороны самого поэта, принимая во внимание разительные расхождения в отдельных словах, пропуски, добавления, переделки стихов и целых групп стихов и так далее; мы должны однако позаботиться о том, чтобы, когда такая рецензия не удостоверена определенно /и даже тогда дело довольно сомнительно/, не загородить, принимая такую возможность при сходстве метода, путь /к сохранению единственной возможной для нас, когда мы имеем дело с персидскими поэтами/ к установлению пригодного для чтения текста посредством разумного выбора из всех[2] доступных

---

[1] Довольно богат стихами Шах-наме уже несколько раз упоминавшийся из Шах-наме Lexicon Абдул Кадира аль Багдади.

[2] Во всяком случае с самыми любимыми персидскими поэтами следует отказаться от всяких притязаний на "все". Число манускриптов для этого слишком велико, и большая их часть совершенно не имеют ценности. Тем более это так в случае сочинения такого об"ема, как Шах-наме.

манускриптов, сопровождаемого заботливым исследованием всех индивидуальных особенностей того автора /ZDMG 36, 105 и д./. Но Фердуси сам очень ясно утверждает в заключительной главе своей поэмы, что его сочинение переписывалось даже до того, как оно было закончено. /125/ То, что он обрабатывал его в течение долгого времени становится очевидным из различных указаний. И, наконец, мы имеем в неоднократно цитированном эпилоге одного из манускриптов с посвящением Ахмеду из Халанджана, датированное 999 г. по Р.Х. достоверный документ доказывающий, что могли существовать различные подлинные версии поэмы. Правда, очень все же трудно исследовать и об"яснять в отдельных примерах находящиеся перед нами варианты посредством этой гипотезы. Так как в целом довольно далеко заходящее соответствие текстов, как раз в субъективных местах поэмы показывает, что все эти тексты исходят из одного и того же оригинала. Однако в одном случае я скорее склонялся бы к тому, чтобы рассматривать две различные версии одного и того же приключения, переданные нам, как обе являющиеся подлинными. Я имею ввиду место 290, 157-297, 270. Из этого места текст в 122 стиха дан Люмсденом, стр. 380 и д., с 20 манускриптов, из которых, однако, по крайней мере 13, отмеченные Макэном /215/ звездочкой /294 примечание 7/ совершенно несомненно не подлинные.[1] Это место имеет в издании Вулфера 118 стихов, в Страсбургском своде 98, в Лейденском своде 92 стиха. После этого текста /после стиха 270/ другой дан Люмсденом с двух довольно старых манускриптов, которий состоит только из 50 стихов и которий

---

[1] Мы имеем здесь, кроме того, неправильную рифму zad : zarad "он пал".

по всей видимости не является ни сокращением первого текста, ни расширением его посредством позднейших добавлений. Две версии повествования расходятся также и здесь существенно; черта, отличающая более длинный рассказ, это та, что Рустем становится способным привести нового царя в лагерь только после сильного сражения с авангардом неприятеля. Я теперь склонен принять, что более короткое повествование является более старым из двух и было после этого расширено самим поэтом в более длинное.[1] Такие случаи несомненно не часто встречаются в наших манускриптах и едва ли мы имеем право в случаях расходящихся чтений отдельных стихов или добавлений или пропусков в различных манускриптах рассматривать обе стороны, как подлинные, хотя в этом случае было бы так удобно таким образом избегнуть необходимости сделать выбор между двумя вариантами, которые оба кажутся нам одинаково хорошими.

59. Трудность, происходящая из большой разницы в текстах, думается, действительно исчезла бы, если бы мы имели в нашем владении критически проверенную копию, сделанную в 829 г. Гиджры /1425,6 п. Р.Х./ по распоряжению Байсангур Хана, или, по крайней мере ,сносную вторую копию /126/ этой копии.[2] Я однако едва ли думаю, что мы должны очень сильно оплакивать отсутствие какого либо верного следа этого предполагаемого "проверенного издания". Как могли в эти времена персидские "изящные умы" /bel-esprits //мы можем думать только о таких, если это не были простые переписчики/ суметь выполнить большую и чисто филологическую работу сколько нибудь критически? Предисловие, несомненно тесно связанное с компиляцией этого текста, может показать, на каком уровне было критическое суждение этих людей. Они могли справиться даже со многими и

---

1 Стихи 296,252-254 отсутствующие в лейденском своде, также едва ли подлинные.

очень древними манускриптами, но в высшей степени невероятно, чтобы они могли произвести это таким образом, который мы могли бы назвать научным. При обработке персидских поэтических текстом нигде не было проявлено такой заботы, какая была приложена древними арабскими грамматиками/хотя и часто слишком поздно для бедуинской поэзии/, представьте себе только присутствие у двора Тимуридов Аристофана, Зенодата или Аристарха. Главная черта должно быть заключалась в том, что копия мастерски написанная, элегантно орнаментированная и иллюстрированная прекрасными рисунками была представлена государю и к этой копии вероятнее всего можно было применить слова: nuskheh-i mu'tabar u khushkhatt u bisyar "имеющая прекрасный вид, красиво написанная и очень дефектная копия", какими библиотеки государей были полны /Люмоден, приложение 5/.

60. Итак мы видим, что относительно критики текста Шахнаме положение вещей очень неутешительно. Мы можем получить очень мало утешения от мысли, что искажения слов поэмы переписчиками обозначают в известных пределах просто дальнейшую стадию в эволюции персидской национальной традиции, которая таким образом не получила своей окончательной отделки в руках самого поэта. Совершенно верно, что в этом случае сходные силы частью работают и теперь, как некогда при древних стадиях эволюции эпоса, однако, как мы только что сказали, только отчасти и мы имеем, кроме того, законное желание обладать таким литературным произведением, как Фердуси, в возможно неизменной форме. Приблизимся ли мы когда нибудь к этой цели , это должно остаться открытым вопросом. Во всяком случае строгий отбор между манускриптами и все увеличивающееся исследование поэмы сделает для нас возможным пре-

верить значительно достижения даже Мэля, к тексту которого при выборе чтений я чувствовал все большее и большее уважение. Большой об"ем поэмы_ хотя он и делает более трудной ее критику, дает нам с другой стороны удобный случай стать более точно /127/ ознакомленным с искусством поэта, несмотря на все искажения, так как последние не систематичны и не встречаются сплошь во всей поэме, как правило. Мы в худшем случае должны утешиться той мыслью, что в конце концов у нас не хуже обстоит дело относительно текста Шах-наме, чем относительно текста Гомера, исключая то, что последний получил некоторую определенную форму в руках исследователей Александрии, которая может быть довольно приблизительно восстановлена посредством доступных нам манускриптов. Если бы мы имели много манускриптов Гомера, принадлежащих к шестому столетию до Р.Х. они вероятнее всего проявили бы такие же расхождения в переданном тексте, как манускрипты Шах-наме.[1]

61. В большинстве случаев наши манускрипты не только прекрасно написаны, но также иллюстрированы рисунками, несомненно имеющими большую важность с точки зрения истории искусства. Крайне многочисленные, очень тщательно исполненные рисунки, иногда занимающие целую *фолио* страницы нашего большого Страссубургского свода, который однако был написан только в начале последнего столетия в Индии, производят впечатление, по крайней мере по моему мнению не специалиста, что они косвенным образом связаны со скульптурами Сассанидского периода.[2] По своему стилю

[1] Маленький образец их может быть виден в недавно открытых папирусах - фрагментах Илиады. Однако следует принять во внимание, что наш текст Гомера содержит относительно больше устаревших слов, чем манускрипты Шах-наме, что означает, что в нем не было сделано так много произвольных изменений как в нашей поэме.

[2] Не следует быть однако шокированными некоторыми маленькими непоследовательностями, как например тем, что су-

они не проявляют существенных различий от немногих рисунков Лейденского свода, которые отчасти пострадали от выцветения или от рисунков более старого /второго/ Страссбургского манускрипта.

62. Шах-намэ или /по крайней мере места из Шах-наме/ очень много читается на востоке даже до нашего времени. Оттуда были сделаны различные извлечения, частью в стихах, частью в стихах, перемешанных с прозой. Кроме того, она была переведена целиком или отчасти на языки арабский, турецкий, урду и т. д. Я легко мог бы привести заголовки этих сочинений из каталогов MSS. (манускриптов) или из других таких справочных книг, но я не вижу, какая была бы польза перечислять книги, которые я сам не видел и из которых несомненно только очень немногие заслужили бы /по крайней мере в интересах самого оригинального сочинения/ /128/ быть исследованными. Арабский перевод извлеченный в прозе, может, в самом деле, иметь некоторое значение: он был составлен аль Бундари аль Исфагани между 615 и 623 г. Гиджры /1218- 1227 по Р.Х./[1] так как он значительно старше, чем самый старый известный манускрипт оригинала.

63. Однако следует оплакивать то, что, кажется, никогда не было написано на востоке комментария к Шах-намэ. Большой об"ем поэмы мог быть основанием этого, возможно также поэма считалась более легко понимаемой, чем было на самом деле. Только лексикографы рано начали об"яснять трудные выражения в Шах-намэ и таким образом сохранили для нас многие чтения, которые за это время исчезли из наших текстов. Спе-

---

1 Относительно его см. Slone Catalogue of the Arabic MS Paris стр. II41, Ahlwardt Catalog der Berliner arab. Hdschr. Recueil de textes à l'histoire des Seldjoukides № 8440 и Hautsma в предисловии к 2-й части его XXXVII и д., /примечание.

циальный словарь для Шах-намэ, который, правда, пользуется также писаниями других поэтов, это уже не раз упомянутый здесь Lughat-i-Shahnameh Абдулкадыра из Багдада, составленный на турецком языке в семнадцатом столетии, который был издан Залеманом /С.Петербург, 1825/. Нельзя отрицать, что он слишком часто оставляет нас в затруднениях и что он несомненно не всегда дает правильные значения и при всем том автор все таки заслуживает признательности.

64. Из европейских исследователей В. Джоунз /Jones/ был первым обратившим внимание на Шах-намэ. Без успехов британцев в Индии, которые принесли такую громадную пользу науке, мы едва ли что нибудь знали бы о поэме до настоящего дня. Именно так появились первые издания поэмы. Люмсден, который был несомненно первейшим авторитетом всего времени по персидскому языку, предпринял в начале последнего столетия опубликование всей поэмы, однако появилась только первая часть.[1] Она содержит однако, кроме того, введение на английском языке и персидское приложение.

Более счастливым, чем Люмсден, был Тернер Мэсон, основывавшийся частью на материалах Люмсдена, и почти точно следовавший за ним, поскольку выходило издание Люмсдена.[2] Его издание содержит также приложение, состоящее из эпических мест, составленных в подражание Шах-намэ /129/ далее персидское введение, содержащее предисловие Байсангура и, наконец, персидский словарь трудных выражений.

С тех пор на востоке неоднократно появлялись издания Шах-намэ, которые, насколько я осведомлен, все представляют т

---

1 The Shahnama ... в восьми томах. Том 1. Калькутта, 181 Индолио мин. 2) The Shahname - III т. 1-4. Калькутта 1829 ин-октаво.

очень сходный с Масоном, которые, однако, не могут быть названы его простыми перепечатками.[1] Я познакомился в свое время и с более старым Бомбейским и с Тегеранским изданиями. В 1914 г. появилось в Бомбее издание Амузанда Ширмарда, исполненное фотоцинко Отделом / دیپارتمنت ینکو /, большая in folio прекрасной внешности, содержащее также /не в красках/ рисунки в тексте. Сравнив немногие места, я сперва имел впечатление, что это была просто перепечатка текста у Масона, но после более детального исследования я встретился с всякого рода, хотя большей частью незначительными расхождениями. Здесь и там, например, появляется лишний стих. Варианты от времени до времени цитируемые Вуллерсом из литографированного Тегеранского издания также часто здесь встречаются. Я теперь не имею возможности сравнить все эти восточные издания с изданием Масона, чтобы установить их точное отношение к этому прототипу. Такое сопоставление не могло бы в самом деле дать сколько нибудь важных результатов. Правда, предисловие к этому новому изданию говорит о различных манускриптах, которые были для него использованы, но пользование этими манускриптами было не очень глубоким. И это едва ли следует оплакивать. Настоящая критическая обработка текста на деле не могла быть возможной для восточного издателя или его сотрудников. Затраты, понесенные в связи с изданием, которые должны были быть очень значительны и

---

[1] См. каталог персидских манускриптов в Берлине у Pertsch. стр. 731. Тегеранское издание следует за своим прототипом даже настолько далеко, что оно воспроизводит /в столице шиитов!/ стихи/ которые, кроме того, не подлинны/ во хвалу Омара. Это то же самое, как если бы книга, вышедшая в 1870 году в Риме, содержала бы на видном месте панегирик Лютеру.

старательное выполнение работы заслуживает всякого нашего признания.

На богатом материале манускриптов основывается издание Жюля Моля [1]. Как уже было сказано, это издание проявляет большой такт в устранении того, что не является подлинным. Его текст /130/ несомненно следует предпочесть тексту Масна. Большее признание должно быть оказано этой работе, так как Моль не был строгим филологом и сделал много ошибок относительно лингвистики и просодии. Персидский текст приведен рядом с французским переводом. Следует уделить внимание предисловиям Моля, особенно к первому тому. К несчастью прекрасно исполненные in folio настолько дороги и с ними так трудно обращаться ввиду их об"ема и веса, особенно для близоруких людей, что издание практически не достигло своей цели, которая была сделать поэму известной в Европе.

Поэтому со стороны Вуллерса было очень разумно предпринять задачу распространить знание Шах-нама посредством справочного издания. Он в нем дает и чтения Масона и Моля, в общем следует последнему, но во многих случаях старается исправить его с помощью первого, иногда с успехом, особенно поскольку дело идет о примечаниях Рюккерта. Но он исключительно несчастен в тех случаях, где он выдвигает свои собственные гипотезы. После его смерти его издание продолжал Ландауэр [2], К несчастью издание еще пошло не очень далеко под его руководством. Следует надеяться, что оно будет в недалеком будущем продолжено.

---

1 Le livre des rois Vols 1-7. Paris 1838-1878.
Моль умер, когда последний том его работы был уже в значительной части напечатан. Завершение работы Barbier de Maynard.

2 Firdusi liber regum том 1-3. Lugduni Batavorum 1877-1884.
Ju octavo Из 4-го тома были напечатаны несколько фолио, которыми я мог воспользоваться благодаря любезности Ландауэра.

Я пропускаю перечисление сочинений, в которых были перепечатаны большие или меньшие части Шах-наме/ начиная с W. Jones /, как излишнее.

65: Из переводов Шах-наме на европейские языки я назову здесь только более важные. Полная библиография /тексты, переводы и т.д./ относящаяся к Шах-наме, может быть найдена у Моля, сверх. Барбье де Мейнард /для 4 тома/, вплоть до его времени в предисловиях к отдельным томам издания.

Английский перевод эпизода Рустема и Сухраба был опубликован Дж. Аткинсоном.[1] Он появился в пересмотренной форме, как приложение к его большому сочинению. Он переведен довольно свободно в рифмованных пятистопных ямбических стихах. Насколько я могу судить, перевод читается легко. Далее передача всей поэмы Шах-наме в очень сокращенной форме /131/ включая историю Александра, была дана тем же автором, главным образом в прозе, но также отчасти в стихах переменных форм. Это должен быть, действительно, перевод сокращенной Шах-наме, составленной Таваккул-беком в 1652 году, который пользовался большой любовью на востоке.

Полный прозаический перевод на французский язык был, как уже сказано, приложен Молем к его изданию. Было очень полезно что этот перевод вышел отдельно заботами его вдовы со всеми предисловиями позже в более удобном об"еме. Этот перевод - очень полезное пособие для понимания, которое, несомненно, иногда имеет ошибки относительно деталей, так как Моль до известной степени знает, как скользить над трудными выражениями и оборотами речи. Однако я должен признаться, что при недавнем просматривании Шах-наме /1919 г./ мое уважение к

---

[1] В месте с персидским текстом этого эпизода. Калькутта, 1814. Я не видел этого первого издания.

его переводу еще увеличилось, я находил его полным все более и более полезной.

Единственный полный европейский перевод в стихах - это итальянский перевод Итало Пицци[1], который, кроме того, также написал несколько статей о Шах-наме[2] и которым были переведены некоторые части поэмы прежде чем вышел полный перевод. Пицци переводит текст у Масина. Он пользуется белыми пятистопными стихами с женскими окончаниями, однако берет более одной стихотворной строчки для перевода, полустишия и часто имеет слова, соответствующее персидскому слову, заключающему стих, помещенным по середине стиха. Я не осмеливаюсь судить о стилистической или поэтической ценности его перевода.

Немецкое краткое изложение содержания Шах-наме до смерти Рустема было дано в связном прозаическом повествовании И. Гер ресом.[3] /Joerres/. Книга - подлинное произведение романтизма. Его аффектированный устаревший характер оборотов речи не производит на нас сколько нибудь благоприятного впечатления, однако он оказал услугу, пробудив в Германии и распространив известные знания относительно его содержания.

Все более ранние попытки переложить части поэмы Фердуси в немецкие стихи должны отступить на задний план /132/ перед переложениями Адольфа Фридриха ф. Шака.[4] Этот человек большого воспитания и тонких чувств избрал рифмованные ямбические стихи для своего перевода большого числа приключений, подобно тому, как Аткинсон при переводе эпизода с Сухрабом. Стихи очень

---

1 Firdusi. Il Libro dei Rei. Vols 1-8. Torino 1886-88.

2 L'epopea persiana. Firenze 1883 и некоторые статьи в Giornale della Societa Asiat. ital. Все они довольно неважные.

3 Das Heldenbuch von Iran ие Шах-наме. т. 1,2, Берлин 1820.

4 Das Heldenbuch von Iran, metrisch übersetzt. Berlin 1851. Epische Dichtungen aus dem Persischen Там же. 1858. Оба сочинения расшире-

гладки, но они кое что пропускают из оригинального, из идиоматического.

Переводы Шака были также, по моему мнению, оставлены в тени несколько более шероховатыми, но гораздо более сильными и еще более утонченными переводами Фр.Рюккерта, который, кроме того, вообще - один из больших мастеров немецкого искусства перевода и который главное глубоко вник в дух персидских поэтов и был также глубоким персидским филологом То, что размер оригинала был невозможным на немецком языке, должно было быть замечено этим великим стилистом задолго до того. Его "Рустем и Сухраб"[2] значительно расширенное и частью также измененное переложение соответствующего места в Шах-наме, было составлено в александрийских стихах, из которых всегда два, а время от времени три рифмуют между собой; при длинном тексте это звучит немного монотонно Для своих настоящих переводов он пользовался главным образом ямбическим размером в 8-11 слогов, с 4 ударениями и меняющимся положением, два стиха всегда рифмуют один с другим и соответствуют персидскому двустишию. В теории передача всегда равномерно струящегося размера оригинала родом "виршевого стиха" кажется невоуществимой, однако Рюккерт сумел добиться таким образом первоклассных достижений. Важно отметить, что рифма, в оригинале, почти всегда мужская. Рюккерт умеет уложить с естественной легкостью все содержание оригинала в свои стихи, которые в среднем несколько короче, чем стихи Фердуси. Даже, если рассматривать с чисто филологической точки зрения, его

---

1 Небольшие попытки дать немецкий мутакариб у Платена, а также у Рюккерта оказались неудачными.

2 Первое в 1853 г. В последнем томе 12-томного издания, Франкфурт, 1869.

работа заслуживает всякой хвалы. То, что у Рюккерта пропущены многие вещи в соответствии с его образом критики[4], это не вредит его переводу. Сочинению недостаёт, правда, уже в его первом томе известной законченности и оно проявляет тут и там известную /133/ шероховатость, то же самое даже в еще большей степени относится к томам второму и третьему, в которых даны иногда два или три перевода одного и того же места и который был бы несомненно пересмотрен самим Рюккертом, прежде чем он опубликовал бы их: однако это большое счастье, что мы вообще получили то, что могло быть найдено из этих книг[2].

66. Целая серия персидского эпоса следует по стопам Шахнамэ, которая прославляет деятели некоторых героев этой поэмы или лиц, поставленных в генеалогическую связь с ними и действительно в стиле, более или менее близком стилю Фердуси. Эти эпические произведения говорят, главным образом, о героях /правящего/ дома Систана: Каршаспе,[3] Саме и некоторых из потомков Рустема. По общему мнению в этих поэмах сохранилась большая часть народной эпической традиции. Может казаться немного смелым, если я просто буду отрицать это и об"явлю содержание этих повествований в основном свободной фантазией соответствующих авторов, и при этом я основываюсь на изведениях, известных мне, и на сводках итогов, данных Молем и

---

1 См. выше параграф 56:

2 Firdousi's Königsbuch ... übersetzt von Friedrich Rückert. Aus dem Nachlass herausgegeb. von E.A. Bayer. Sage 1-XII. Berlin 1890. Sage XV-XIX. там же, 1894, Sage XX-XXVI, там же, 1895. Этот третий том содержит также начало перевода главы о Рустеме и Сухрабе в современных нибелунговских стансах, но эти попытки не были доведены Рюккертом очень далеко. Он должен был сам найти, что короткие строчки, рифмующиеся каждая одна с другой, были и более подходящими для этого предмета. Все это принадлежит исключительно к героическому периоду. К несчастью, рассказ XIV /Рустем и Сухраб/ не мог быть найден.

3 Относительно формы этого имени, см. выше параграф 10.

другими. И я все таки делаю это, несмотря на Моля, кото=
рый, просмотрев большую часть этой литературы в манускрип=
тах был таким образом значительно более вправе, чем кто
нибудь другой, считаться в своем мнении компетентным, и
несмотря на авторов, которые в некоторых случаях самым
веским образом ссылаются на устную или на письменную тра=
дицию. То, что дает мне право на отрицание, это в первую
очередь тот факт, что мы вовсем не имеем и следа того, что
рассказывается в этих поэмах, исключая только имени, в
несомненно подлинной традиции персов и арабов, и это со=
вершенно обратное тому, что может быть сказано относительно
Дакики и Фирдуси, и что, далее, содержание этих стихов это
часто и в большой степени простые имитации Шах=намэ и ча=
стью совсем фантастические сказки. Как Рустем сражается со
своим сыном Сухрабом в Шах=намэ, также в Бурзу=намэ его
заставляют сражаться с сыном Сухраба Бурзу и датели во мно=

гом следуют за оригиналом. Об этом Бурзу /184/ ничего не
слышно где бы то ни было, за пределами самой поэмы, кото=
рая правда даже превышает Шах=намэ по об"ему. То, что там
нет следа народной сказки и нет мифического заднего плана
для Шах=намэ в этом сочинении, которое Моль считал пере=
ложением традиции Сассанидского периода, это было об"яснено
Шпигелем убедительным образом после тщательного исследова=
ния / ZDMG 3,261/[1] Мы соответственно должны считать про=
стой фикцией ссылки на источники, со стороны всех этих ими
таторов, хотя эти ссылки основательны и хорошо вообще
/только/ относительно Фирдуси.

[1] Содержание турецкой Джамаси-намэ просто абсурдное, см.
Fleischer. Kleinere Schriften 3, 255 и д.

Насколько мне известно, только немногие части более значительного об"ема из этой литературы были когда либо напечатаны:

1/ Некоторые места из Гершасп-наме даны у Масона из двух манускриптов в приложении к Шах-наме, стр. 2099-2129. Имитация во всех случаях очевидна. Едва ли можно приписывать сколько нибудь высокую ценность этой поэме. Она была составлена в годы 456-458 Гиджры /1064 -1066 по Р.Х./

2/ Большая часть из Бурзу-наме воспроизведена у Масона с пяти манускриптов, там же, 2160-2996, это конечно только скромная часть поэмы, насчитывающей около 68 000 стихов.[2] Меньшая часть была уже издана Ковегортеном в 5 томе " Fundgruben des Orients " и воспроизведена оттуда Вуллерсом в " Chrestomathia Shahnameiana", 87 и д. Начало этой части покрывается концом этого места, данным у Масона, мы можем понять, что переписчики позволяли себе по отношению к тексту этой поэмы такие же вольности, как и к тексту Шах-наме.[3] Автор внешне довольно хорошо имитировал Фердуси. Его повествование плавно, рассуждения более отступают на задний план, чем у Фердуси. Язык вообще говоря легче. Несмотря на многие стихи, которые не плохи, поэма в целом гораздо ниже своего прототипа. В длинном изложении накопление в существенном мало отличающихся приключений даже в части, известной мне, становится совсем скучным. Поскольку Шахрияр-наме, составленная во время Мас уда II из Газны, 1038-89 - III в./, повидимому, предполагает существование Бурзу-наме/ 135 так как ее герой Шахрияр, сын Бурзу, поэма Бурзу-наме должна была быть составлена приблизительно в середине XI века.

---

1 Mohl цит. место LXIII; Ethé Каталог Бодлеянской библиотеки 1.454.

2 Mohl LXXVII.

3 Так большая часть арабских слов в этой части перешла

3/ Некоторые образцы из Шах=намэ, которые с ней связаны только по названию, даются Шпигелем в уже упомянутом опыте в ZDMG 3,245 и д. Так как я ничего больше не читал из этой литературы, я должен ограничиться ссылкой на сводный обзор у Моля, цит. соч. XII и д. Я могу только отметить, что большая часть этих поэм повидимому принадлежит к такому раннему периоду, как X1 век. Поэтому, если их нельзя точно рассматривать как национальный эпос, они однако говорят, как свидетели того, какое огромное впечатление было сделано на умы персов великим национальным эпосом.

67. Существенно отличаются от этих мусульманских эпических произведений "Дополнения к Шах=намэ из равайятов", опубликованные Шпигелем во второй части его "Введения в традиционные сочинения персов", стр. 317-348. Они зависят и по форме и по языку от Шах=намэ, они даже заимствуют немного из ее содержания, они насквозь зороастрические с теологической точки зрения и они кажутся большей частью простым расширенным изложением прозаических равайятов. Они главным образом трактуют о вещах, которые Фердуси и вероятнее всего также его предшественники не имели возможности использовать учитывая их специфически зороастрийский характер, или не желали этого делать, ввиду из бесвкусицы, или может быть по этим общим основаниям. Язык содержит всякого рода пехлевийские или авестийские слова, но во многих отношениях неправильный, мало того, даже строение стиха и образование рифмы не без грубых ошибок. Поэтическая ценность минимальная. Все в целом произведения позднейших индийских парси.

всего не из оригинала, так как в издании Масона Бурзу=намэ, в противоположность Каршасп=намэ, содержит не более арабских выражений, чем ее прототип.

1 См. каталог Rieu 1. 542 и д.

68: Каждый, кто подумает дать изложение влияния Фердуси на персидскую литературу и на литературы от нее зависящие, будет просто вынужден пересмотреть все поэтические и часть исторических работ персиян, турок и т.д., так как даже ныне может оказаться придворный поэт, который затеет воспевание какого либо, может быть и совсем маленького, государя в какой нибудь "Книге царя", которая будет стоять так близко по внешнему облику и будет так много ниже по содержанию поэмы Фердуси, как эпос Квинта Смирнского сравнительно с Илиадой.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

/136/ 69. В настоящем приложении я сгруппировал то, что должно быть принято во внимание относительно размера и рифмы Шах-наме и чем нибудь отличается от первого издания. Большая часть этого имеет силу для всей более старой, если не вообще для всей персидской технически правильной поэзии. Пусть же эти параграфы послужат, как скромный вклад в детальную персидскую просодию, которой еще нет, и которая, во всяком случае, может быть составлена глубоким специалистом по этой литературе, который, кроме того, слышал своими ушами на востоке, как персидские стихи читаются или, может быть, поются там.

70. Исследователями Авесты было установлено, что для священных песен маздеистов только принцип числа слогов принима-

ется во внимание этих просодии,[1] и мы не имеем основания признать, что в более поздние времена в Иране совершенно независимо возникла система, основанная на количестве слогов в стихе.[2] По всей видимости персидский язык совсем не делает такой большой разницы между долгими и короткими гласными, как арабский.[3] Это становится очевидным из факта существования большого числа слогов, которые двусмыслены, все равно, выражено ли это уже в писании, как в случае وشه и شاه, وگهر и گوهر, وهش и هوش, دیگر وکه и کوه وده и دیه и /137/ بیرون و دیگر или нет, как в دو و تو چی و کی /позднее писалось اچه و که, в конечном /ае, е/ и в " " изафета. Таким же самым образом персияне не делали, по крайней мере во многих случаях, такой определенной разницы между двойными гласными, как арабы.[4]

---

[1] Это было определенно подтверждено мне Бартоломеем.

[2] Персидские стихи, которыми арабский поэт Ибн Муфарриг отвечал на насмешливые вопросы араба на улице в Басре /в 59 г. Гиджры, см. Табари II, 193, 2 и Agh. 17, 56 снизу/ и персидские сатирические стихи, которыми уличные арабы в Балхе преследовали Ассади аль Касри /108 г. Гиджры, см. Табари II, 1492 снизу/ не составлены согласно арабскому. Это признано в очень умной статье в персидском журнале "Kaveh", выходящем в Берлине, ученого Мирзамухамед Казвини /15 августа 1919 г. стр. 5,/ Они не все основаны на количестве, известное внимание должно быть уделено 3-му члены Балхской песни, где слово از не передаваемое традицией, должно быть пропущено. Рифма в этой тяп-ляп поэзии очень дефективна. В словах Ибн-Муфаррига правильное чтение

[3] Я прибавляю здесь знаки для кратких главных, которые, как правило, отсутствуют в манускриптах, и также отличительный знак для چ и ک, относительно которого положение вещей такое же самое. Цитируемые здесь формы с краткими главными встречаются также в более старых прозаических текстах, что очевидно показывает, что в случае этих слов произношение было неяно.

[4] Ср. ниже параграф 72, примеч. 7.

Это колебание количества должно найти противовес в более строгом ограничении схемы, после того, как была усвоена арабская количественная система, где например в арабской просодии допустимо ⏑ – ⏑ – или вместо – – может появиться также ⏑ ⏑ – , там персидский поэт будет в большинстве случаев пользоваться во всем стихотворении только одними теми же допустимыми вариантами размера, так как иначе, как правильно устанавливает Рюккерт, который первый узнал все это, "стих потерял бы всякую уверенность колеи"[1]

Усвоив арабские метры, персидская поэзия должна была преодолеть, кроме того, также другие трудности. Древние арабские поэты пользовались только простыми краткими и простыми длинными слогами; закрытые слоги с долгой гласной были допустимы только в рифме / как جاعلو / и такие случаи, которые были возможны только посредством отбрасывания конечной гласной / اجرا ب / были редки. Слова с долгой гласной перед двойной, согласной, подобно مُلّيو совершенно избегались в поэзии.[2] Однако персы не только имели больше

---

[1] ZDMG 10,280. Я несколько раз цитировал имя Рюккерта выше. Мне придется делать так опять в настоящем приложении. Но всегда я могу так поступать по согласию с его мнениями, но я вполне признаю его заслуги в этой области. Чудесным образом поэт приспособился к чувствованиям совершенно иностранной поэзии и, кроме того, он был филологом. Мы должны только сравнить его с Гаммер-Пургшталем, который был только на 14 лет его старше и пользовался большой известностью еще в его время, который был очень одарен и знал много, который много писал, но не был филологом в собственном смысле этого слова и совсем не был поэтом.

[2] См. мою статью " Zur Grammatik des klassischen Arabisch" стр. 8. Я мог бы теперь сказать многое относительно этого предмета. Поэты позднейшего времени совсем не были так строги на этот счет, как поэты бедуины древних времен.

число слогов, состоявших из долгой гласной с конечной согласной, как kār, shīr, zūd, gūsh, būm и т.д. или из краткой гласной с конечной двойной согласной, как bost, kard, gird, chand, barf, chasm, charkh и т.д. подобные которым не могли встречаться в арабской поэзии, но даже и много слов содержащих долгую гласную с конечной двойной согласной, как dasht, Pārs, zikht, Luhrāsp и т.д., которые являются фонетическими комбинациями совсем неизвестными в арабском языке. Все такие /138/ слова в рифме могут рассматриваться в персидской просодии, как простые долготы, но в середине стиха это было возможно только в случае последней простой согласной перед словом с начальной гласной, как например Khāk az, когда это читалось khākaz, и действительно или — — или — ∪ — ..но перед начальной гласной " spiritus lenis " /≤/ согласно арабскому прототипу может такое рассматриваться как согласный, так что, например, man az может произноситься или, как manaz, или как man' az /с обрывающим ≤/ — ∪ [2]. Сверхдолгие слоги, будут ли они с краткой гласной, подобно bast /

[1] Это было легко для арабского языка, ввиду простоты строения его гласных, сохранять принцип количества в его полноте и даже пользоваться ≤, как местом образующим согласный, в противоположность греческой просодии, которая совершенно не знает уже в древнейших образцах стихотворений, дошедших до нас, не только " spiritus lenis ", но еще более неожиданно даже и " spiritus asper " /h/ с метрической точки зрения. И все же нельзя было допустить, что здесь должен быть признан случай "синизезы", которая, правда, встречается довольно рано в поэтическом диалекте. может быть при этом случае отмечено, что арабский ямбический стих с ∪ — ∪ — , как основной, что может быть правильно замещен также — ∪∪ — и даже ∪∪∪ — почти совершенно такой же самый, как греческий. Здесь конечно не может быть вопроса о какой либо связи между греческой просодией и просодией совершенно неграмотных бедуинов. Соответственно не следует делать немедленно вывод об общем происхождении в других сходных случаях большего или меньшего сходства между метрами народов, далеко отстоящих один от другого, как например греки и индусы.

[2] Az само в этих примерах естественно большей частью долгое, фактически в зависимости от положения.

или с долгой /подобно dāsht / считаются в середине стиха, как v — . В мои более молодые годы я считал это самоочевидным, что краткая гласная в таких случаях интерполировалась,[1] тем более так что в большинстве случаев так действительно стояла в более древние времена такая краткая гласная. В этом я начал, однако, сомневаться и пришел к предположению, что метрическое равновесие восстанавливалось просто более долгим ударением на таких слогах. И в самом деле, по любезной информации проф. Митвоха, проф. Риттера и проф. Эдвина Брауна, персия не кажется большей частью читают таким образом, т.е. например dasht что-то вроде dā ᵃ sht. Только+ в Индии, когда читают стихи, к слогу присоединяется очень краткий — "а", так что слог действительно получает необходимый краткий звук. И действительно, не только в случаях, подобных dasht a, но также в середине слова, подобно в dash a tan, rikh ᵃ teh — и т.д. Это

---

1 См. мой опыт в Adolb. Kuhn. „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung П. 434 и д. /1861/.

+) Проф. Нельдеке вполне прав в своем утверждении относительно Индии. В Персии однако вставкая краткая гласная варьирует согласно слову, к которому она присоединена, и это таким образом, что присоединенная гласная это большей частью такая, которую нельзя найти в самом слове. Например слово خویشتن читается khishtan, слово دوستی читается dustidar слово دوستی читается dusati. Однако это не такое правило, которого строго придерживаются и это многообразно. В первом примере, при прочих равных условиях звук " u " кажется преобладает, особенно в конце слов, где требуется краткий метрический звук. Во вторых некоторые из метров могут опускать метрический звук и читаются соответственно, а другие метры требуют его включения в высшей степени упорно. Здесь не место, где анализировать все пятьдесят персидских метров, итак я воздерживаюсь от дальнейших деталей. Последнее, но не наименьшее, применение метрического звука это дело вкуса и индивидуальной склонности у персиян, так что переводчик в течение долгих лет своего пребывания в Персии слышал оба способа чтения и не мог сказать, который из них мог быть назван преобладающим. /Примечание переводчика/.

гарантируется для меня старательными исследованиями проф. Горовица, проф. Андреаса и д-ра Сиддики, молодого индийского ученого, основательно знакомого с персидским языком. И что здесь, как также в других примерах,[1] индийская ученая традиция сохранила древнюю метрику становится очевидным, если я не очень сильно ошибся,[+], из примеров, цитированных просодистом Shams-i Qais /в начале XIII столетия нашей эры/[2]. Когда он читает /стр. 27/ دلدار как مفاعيل مراعشق دوتا كرد стр. 84, (— — ∪) مفعول и так далее, /140/ мы видим, что краткая дополнительная гласная получает ясную спецификацию и, когда он принимает, что /на стр. 56/ مرا تلخ كردي является равным فاعلن فاعلن то это فاعلن есть разумеется فاعلن — ∪ —[3]. И так многочисленные примеры всякого рода размеров ت в словах مست دست в середине стиха он называет /стр. 75/ в самом деле متحرك "вокализованное", в то время как он эту же букву в конце стиха называет ساكن "покоющееся."

---

1 Именно в сокращении гласных majhul "e" и "o", которые стали теперь сами в Персии "i" и "u". см. ниже параграф 76.

+ Уважаемый автор ошибся, когда он делает догадку, что правильное скандование метра просодистами необходимо вызывает фонетическое выражение метрического звука. Разве он ждал бы, что просодист игнорировал бы сверхдолгий слог и рассматривал его как просто долгий? Это значит сказать, что он должен скандировать слово مست عشق или просто — ?/примечание переводчика/.

2 المعجم في معايير المعجم изданный Мирза Мухаммед Козван и Браун /Лейден и Лондон, 1909/. Проф. Браун рассматривает согласно утверждения его письма ко мне обозначение автора в ком же освещении, как и я сам.

3 Вероятнее всего сам автор снабжал метрические выражения дальнейшим числом знаков главных, чем содержится в манускрипте. Соответствующие слова в тексте /دادار и так далее/ грамматически рассматривались бы, как имеющие покоющийся конечный сукун.

Также далее, где идет дело о сверхдолгих слогах в середине слова, سُرْخْتراز: مفتعلن — ∪∪ surh a taraz /стр. 100/ آسمان بر
فاعلن: سوختست — ∪ — /стр. 113/ и образующее рифму, т.е. — ∪ — стр. 103
конечное кокоющееся слово خواستار скандируется فاعلن
— ∪ — совсем как конец последнего полустишия شاد کرد /стр. 156/[1] Я должен также здесь отметить уже, что конечное " n " в окончаниях " ān ", " īn ", " ūn " метрически игнорируется[2] /см. ниже параграф 74 / /141/. Относительно " ān, īn, ūn " в середине слова см. ниже там же.

71. Метр /размер/ который, как мы видели выше, стр. 221, применялся для повествовательной поэзии уже у Дакики, это мутакариб, со строго неизменным размером — — ∪ , и именно ||∪|— —∪|— —∪|— — ∪ /двойной/. Это значит двойной ряд из

---

1 Обозначение стоп, заимствованное от арабов в целом очень неудобно. То, что древним арабским исследователям орфография их языка препятствовала придти к этому пониманию относительно природы слога и его составных частей, это не имеет больших неудобств для грамматики и к сожалению неизвестное лицо, попавшее на остроумную идею выразить все лингвистические формы арабского языка посредством форм, происшедших от корня فعل оказало большую услугу лингвистике вообще. Однако усвоение этой самой системы в арабской просодии Халилом сделало последнюю крайне лишенной ясности, в то время когда мы знаем, что арабская просодия очень простапосле выхода в свет опыта Эвальда, составленного им в молодости. Кроме того, большим дефектом арабского обозначения является отсутствие подходящих знаков для одинаково допустимых вариантов, подобно — ∪ и ∪̄ ∪ и т.д. Несмотря на большую простоту греческого гекзаметра — ∪∪ | — ∪∪ | — ∪∪ | — ∪∪ | — ∪∪ | — ∪ / где только случайно беспримесными спондеями для первых двух стоп едва ли встречался, как можно допустить / число арабских схем, которые потребовались бы, чтобы этот гекзаметр выразить, было бы огромное. При большей ограниченности персидского стиха, однако, эта система кажется более приложима к нему, чем к арабско просодии.

2 Это причина, что долгие слог /в конце стиха или полустишия/ с конечным согласным обозначаются через ان например فاعلان — —.

четырех стоп каждый, из которых последняя Gona катал ектическая. Два ряда /полустишия/ между собой рифмуют. В таком размере вся великая поэма выдержана без малейшего отклонения.[1] Если бы допускалось, чтобы третий слог завершенной стопы был попеременно долгим или коротким, как в арабской просодии, тогда стих получил бы скачущий темп, который стал бы нестерпимым при долгом изложении в случае длительного эпоса. Напротив долгота третьего слога дает плавный ритм, который подходит и для серьезного повествования и для размышления. Поэт, который первый избрал этот специальный размер для повествования заслуживает одобрения. Настоящего арабского прототипа не существовало. В древней арабской поэзии не было повествовательных поэм. Правда, такие поэмы, появлялись время от времени в позднейшие времена, и были составлены в метре, называемом rajaz /ямбическом, как сказано выше стр. 92, примеч. 4/ с двумя полустишиями, рифмующими между собой. Однако здесь не может быть вопроса об каком нибудь способе вообще. Таким образом неизвестные персияне заимствовали _____ только в позднейшие времена от арабов метр с необходимыми модификациями и способ рифмования двух полустиший между собой. В высшей степени вероятно предположить, что этот метр мог зависеть от какого либо местного

---

1 Что имеет ввиду Шак " Heldensagen des Firdusi", Предисловие IV, когда он говорит, что "Фердуси позволяет себе большие вольности с размером", это неясно. Кобель однажды подтвердил мне, что у греческих поэтов нельзя найти систем бакхиев. Это у Фирдуси /?/ звучит, по моему мнению/ при сравнении с чисто персидским размером, подобно неуклюжим виршам.

иранского метра.[1] Так как третий слог всегда долгий, я склонен /142/ думать, что ударение было почти равномерно распределено между вторым и третьим слогами / ||∪ /. Это предположение

---

[1] Три другие метра, обычно применявшиеся для повествовательных персидских поэм, это разумеется в определенной форме hasaj —∪|———∪|———∪ и ramal ||—∪—|——∪—|——∪— который уже применялся Рудаки в стихотворной версии Калила и Димни, оба эти размера состоят из двух полустиший, рифмующих между собой. В обоих этих метрах оба полустишия, подобно Шах-намэ, получили 11 слогов, таким образом целый стих состоит из 22 слогов /гекзаметр может иметь не более чем 17 слогов/. Некоторый из метров, часто применяемые в арабской поэзии /подобные tawil basit почти никогда не появляются в персидской поэзии: другие метры, которые более редки у арабов /подобно mujtass / напротив встречаются часто. Кроме того, персияне создали некоторые новые метры, между ними такие, ритм которых я признаюсь откровенно я не сумел уловить. В какой степени rubā'ī получил народное основание, насколько он следует арабским прототипам, это вопрос, ответить на который я не в состоянии.+/ Эти краткие четверостишия могут в большинстве случаев читаться, как ramal, с двумя слогами усеченными. Правильно ли это, это вопрос. Некоторые из вариаций более или менее легко открываются в rubā'ī, но я не всегда при открывании совпадения с более нормальными формами. Например, как может подходить к этим формам несколько баснословный, но тем не менее принадлежащий к этому метру, так он цитируется, как прототип, стих غلطان غلطان همی رود تا لب کو ? Может быть именно было бы необходимо как раз для этих малых сухов слышать, как их поют, для того, чтобы быть в состоянии дать относительно них правильное суждение.

+ Сомнения почтенного автора легко разрешаются. Rubā'ī это оказывается остаток силлабического метра, еще существующего в персидской просодии, однако приспособленный к требованиям арабской количественной системы. Он основывается на древнем авестийском метре "spentamainyu" /с точки зрения арабской просодии он может рассматриваться, как hasaj, не как ramal как сказано автором. Правда, вариаций rubā'ī так много, что можно сбиться, особенно не имея ключа к его скандированию. Однако он довольно прост, если его схема сделана ясно. Это следующее

∪—|—∪∪—|∪∪—— مستفعلن مفتعلن مفتعلن مستفعلن

Первая стопа может быть также ———— مفعولاتن

Вторая и третья стопы могут также быть ——— مفعولن

Вторая стопа может быть также ——∪—∪ или —∪—— مفاعلن مستفعلن

Так как не бывает ограничений по отношению к однообразию полустиший водном и том же rubā-ī число возможных комбинаций в самом деле очень велико. Мы представляем математикам высчитать такое число таких комбинаций. Полустих, который у автора читается ||—∪∪—|—∪—∪|———— مفعولاتن

Больше деталей относительно rubā-ī может быть найдено у History of the Ottoman Poetry и Browne. Literary History of Persia (Гибб. История оттоманской поэзии, и Броун. Литературная История Персии)

(примечание переводчика)

подтверждается известными /143/ явлениями относительно рифм в случаях подобных dar gurasht : bastar gurasht /1796/ 249/; bar girift : dar bar girift /1807,45 paiman kunī : pashīmān kunī /1797,271/, farman-ī-tu: paimān-ī-tu ,М. 1288,5 снизу/ tīr kard : nakchīr kard /637,2652/ и тае далее, рифма не воспринималась бы ухом, как следует, если бы слог перед предпоследним не был бы сделан очень выделяющимся / — ∪ |, — ∪ /.

Грамматическое ударение в слове едва ли имеет какое либо значение для стиха, за исключением, может быть, рифмы. Внутри стиха допустимо любое разделение слова. Но стихи, где каждая из 4 стоп заканчивается концом слова, подобно az īn har| du hargiz|nagashti juda /799,504,/ или даже, где каждая стопа выражена отдельным словом, включая проклитику, подобно vazānja| biyāmad | biyābān girft /1342, 1371, b; bīshi|u kamti| nebāshad sukhun /889,323/, крайне редки.

72. Метры, оформленные согласно арабскому образцу, должны иметь большое влияние на язык поэтов. Тоже самое будет также правильно даже для мутакариба, который в первых случаях был настолько же неудобен для персидского языка, ввиду его многих кратких слогов, как гекзаметр для латинского языка, ввиду его многих долгих слогов. Язык эпоса, также как язык лирики, должен был приспособиться многими способами к требованиям метра. Авторитет Шах-намэ для позднейших поэтов должен был распространить влияние ее языка, еще шире. Большая масса самых обыкновенных слов или совсем не годятся для эпического метра, например числительные duvānzdah "двенадцать" / — ∪ — ∪ вместо которого обычно стоит в эпосе dah u du "десять и два" / dah u du / и один раз даже dāh bā du "десять с двумя" / ∪ — — / /М. 1905,5/[1] или иначе только при условии видоизменения соответствующего слова

Относительно деталей следующее должно отметить[1]

1/ Для того, чтобы избежать двух последовательных кратких слогов, вторая гласная во многих случаях выпускается, напр. bugwzarad вместо biguzarad или buguzarad. Это кажется /144/ встречалось уже в разговорном произношении, как показано исчертанием بگشکنر بگزاری и т.д. тут и там у Мувафаха. Но поэты пошли дальше в этом направлении, например, отбрасывая коренную гласную. Так "bukshad" -"убивает" /1709, 3755/, nabvad -"нет" /М. 1649,9 снизу/, nadhand "они не дают" /1821,236/, bidhī -"даешь"/ 1500,89 Дакики/ и т.д. Далее pidrī "отец", и pidrash "его отец" вместо pidari, pidarash /М. 1647, предпоследнее слово/ bibhist "в раннее время" /1818,895,899/, bimyān-i "по середине" /М. 1.358,6, 1930/ 10[3]. Если там случайно бывает перед формами глагола giravīdan "верить" краткая приставка, то "а" в глаголе отбрасывается, напр. bīgirvīdei /М. 1681, 3264/, bigirvīm /М. 1488, 15/ nagirvad /М. 1888, 20/ nagirvand /М. 1923, 4/. Так также girvī "залог" вместо giravi /М. 1697,7 снизу/. Вместо mużayan "ресницы" там всегда стоит mużgan. Глаголы giristan "плавать" и

---

1 Ср. у Гомера придание долготы гласной ввиду требований метра в: ἀπονέεσθαι, ἀθάνατος, ἀσινέας, ἠνεμοέσσας, и т.д. Согласно новейшим исследованиям влияние метра играло большую роль в образовании слов при выборе слов между гомеровскими поэтами.

2 Глагольная приставка в Венском своде / "Codex Vindobonensis"/ Мувафах всегда "ba" или "bu", никогда "bi". Так фактически произносил также и Фирдуси.

3 Так Дакики у Асади, 9,3 снизу, ср. kishnidei "то, что ты слышал" Wis и Ramin 94,7, у chibvad -что есть", Асади, 2,1 82,4-88, предпоследний/, и даже dujhan "два мира", вместо "du jahan", Nāsir-i Khosrow (ZDMG 36, 482, 32 или Dīvan 186, и 1882 /129/. Гласная начального открытого слога была, можно основательно предположить, очень краткая - это почему она часто различно обозначена.

Berliner Ot. Congr.

...ре самым ...modecim не ...ъ поставлено ...ие ...ενта, δυσηλεγέος

„biristan "мерзнуть", должны иметь формы girayam, girayān, biray и т.д. но Шах-намэ может применять только giryam, giryān, btry и эти формы кажется были усвоены также прозой.[1] Также в случае собственных имен, так Hamdān вместо Hamadān /м. 12,6/[2], Sagzi вместо Sagazī /часто/, Tabrī вместо Tabarī /м.2063,4/[3]

2/. Относительное "i" / izāfeh / пропускается в Шах-намэ если слово не может быть иначе уложено в стих. Так во многих случаях pidar вместо pidar-i, например pidar mādā-rash "отец его матери" /М.1700,5,М.1968,7 снизу/.[4] /145/ и часто birādar вместо birador-i. Так также mādar juvani "мать юноши" /М.1958,1/, jigar madarot "печень твоей матери"/368, 846,1682,3273/, sipar kīldār "щит, покрытый кожей"/412,1502/, sipahbad вместо sipahbad-i /12402,205,1247,2076,1507,193, последнее у Дакики/. bar dar sarāi "у ворот дворца "/1132, 1192 согласно правильному чтению лондонского свода,м.1444,5 и часто кроме того/, dāmān zirih "рубец панцыря"/427,69/, khārish bāragīsshan "фураж их лошадей" /М.1688,17/. Даже pozireh sipahbad вместо pozīreh-i sipahbad "встречать командира армии " /1247,2075/ и du gūsheh jahān "два конца мира" / 84,246/. Часто встречающееся, как строгая кон=

---

1 Муваффак, 87,9 там стоит بَرْ بان. Так khursand "удовлетворенный" вместо khurosand / Darmesteter „Etudes iraniennes" 1,29, примечание. Между общеупотребительными персидскими словами можно найти много таких сокращений.

2 Так в Wīs u Ramin где эта форма встречается также с вторичным удвоением Hammadan /смниже прим. 7/.

3 Tabristan, Wīs u Ramin 63. 13.

4 Так как pid никогда действительно не встречается в существующих текстах, мы не имеем права ставить здесь pid-i вместо pidar. С другой стороны я скорее склонен читать везде вместо pusar /равное pusar-i //1516,336,1517,355,1535,536/ pus i потому что эта форма действительно находится во многих местах, как вариант предыдущей.

струкция, نبیره напр. فریدون نبیره "внук Фердуна" может соответственно быть правильной /1300,549/ хотя перемена в نبیر ожидалась бы скорее. Она иногда появляется как вариант نبیره и نبیر это параллельные формы. После "ī" отвлеченного имени "i" изафета может также выпадать, напр. rawshani bakht "сияние счастья" /M.1746,6/ tangīdil "стеснение сердца" /544,400/, и так далее, но знак изафета в большинстве случаев все же здесь остается, так что слово может быть здесь скандировано или — —ᴗ или — ᴗ

4/.+ Долгое ā в середине слова в известных случаях стало кратким Так в khābānīdan "спустить, растянуть", напр. khābanīd /184,996/, khabānideh /1890,1519/ и ārāmidan "остаться" формы которого могут быть уложены в стих только делая кратким втором "ā". Это ā даже совсем выбрасывается в месте Шах-намэ в и здании Шефера дневника Насир-и-Хозрова, 3018, где в соответствии с древним Лондонским сводом дано чтение armīdeh. ī в chīdan "собирать, подбирать", сокращено ради удобства данного момента, не из учета неизбежной необходимости, в chinad /1519 394/, chidand /156,502 и примечание 10/[1] Также "i" корня настоящего времени /146/ от girīftan (gīr) "хватать, схватывать" в girad /632, примечание 2/, girad /1509,226,M.1612,14/[2]

+ Такова нумерация автора: параграф 3 кажется несколько смешался с параграфом 2 /примечание переводчика/.

1 Так Рудаки имеет chinam / gött. gel. Anz. 1873,703, 3/

2 Так один поэт в Shams-i Qais /274,11. Однако педантичный автор не одобряет все такие вольности, также как и старые фор которые больше уже не встречались в его время вхорошем разговорном языке / Dari /, напр. abā adar и эвентуальную долготу в چمی и کمی، تو، دو /см. выше стр. 91/. Он последовательно избегае устарелой формы سخون вместо سخن, которая однако встречается не только у Рудаки /Намэ-и-каис, 268,5/ и Дакики /Асади,108,3/, но также в старом комментарии к Корану /JRAS 1894 46,9/. Он может быть более прав, когда отбрасывает другие формы, подобные خمشی вместо خاموشی, خامشی и فرموشی вместо فراموش. Правда Хафиз часто употребляет خمشی и в Wis u Rāmin 92,2 стоит nafarmusham "я не забуду". Но جهن вместо جهان /стр.27/ это несомненно неправильная производная форма, происшедшая по обрзцу правильного دهن равного دهان.

5/. Последством вставления или перемещения кратких гласных в слове создаются параллельные формы, которые могут быть при необходимости использованы поэтом. Нам приходится иметь здесь дело по крайней мере частью, только с различной метрической фиксацией действительных совершенно кратких коллизий гласных именно наряду с "h". Вместо обычно употребляющегося barahne "ногой" в Шах-наме часто встречается barhanah, вместо tahm "сильный" /1524, 497/ часто встречается taham и таким образом вместо Tahmtan "сильный телом" /которое стало вполне собственным именем/ здесь чаще встречается Tahamtan. Gustahm чередуется с Gustaham. Но также наряду с gasrn "обширный" встречается gashan /оба часто/.[1] Вместо parasta "служа" мы имеем в М.2059, 17 parstār. Istakar чередуется с Istakhr или Sitakhr.[2] Названия стран и городов, оканчивающиеся на stān имеют иногда istān в других случаях sitān, напр. gulistan, и gulsitan "розовый сад" /обе формы часты/, nayistan "берег с камнем" /М. 1944, 14/ и noisitan /там же, 1, 13/.

6) это -stan, однако не всегда упрощается в стих и тогда "t" просто устраняется. Так часто shārisān[3] "город" вместо shāristān, shāhristan, khārisān "крепость", bimārisān "госпиталь", gūrisān "кладбище", paigārisān "поле битвы" /1021, 1037/, kārisān "место действия" /1458, 151, 1821, 227, М:1685, 12/ и собственное имя Sārisān /995, 597 М. 1949, 3 снизу, /147/.

---

1 В Бурзу-наме pahan вместо pahn "обширный" /М.2174, 14/ но это как раз более оригинальная форма, см. Horn Этимологи 76.

2 И. Sitarkh, Sitakhr.

3 Или shārsan и т.д.

7/. Во многих случаях, где это необходимо, Шах-намэ обходится без редупликации согласной, более редко простая согласная удваивается. Во многих случаях это неясно, по крайней мере для меня, является ли первоначальной простая или удвоенная согласная, или еще какая из двух форм является применяющейся в разговорном языке, поскольку редупликация была резко подчеркнута Очень часто такие параллельные формы в случае с " r ". Наряду с zarr "золото", zarrin "золотой", parr "крыло", parridan "летать", farr "величество" barreh "овца" М.1080, 8 снизу, darridan "тереть", burridan "резать", tarr "свежий" /М.1677, 19/ kharram "я покупаю" /1112,936/ там стоят собственно: zar, par, paridan, far 3 bareh, daridan, buridan tar 3 kharain /напр. 1119,938/. И таким образом также арабское durr может назваться, как dur /часто darafshan "рассыпающий жемчуга" Наряду с mar "число" также marr /М.1803,9/[6]. Если я не ошибая, здесь всегда стоит narr, narreh со вторичной редупликацией. Особый случай, это упрощение составного azarang "огнецветный", вместо azar rang, 19,25/, которое не уложилось бы в стих.[7]

1 Здесь редупликация кажется воригинале. см. Hübschmann Pers. Studien 69.

2 Когда я имею дело с часто встречающимися глаголами, я цитирую неопределенное наклонение, как представляющее все производные формы.

3 Так в стихе fari bihtar az far-i Jamshid nidt "нет величества лучше, чем величество джемшида"/708,415/.

4 Так тогда /по прим. 1/ bidrid наряду с bidarid, bubrid наряду с buburrid ср. bubrid Rustam bi burranden tigh "Рустем срезал режущим мечом.

5 Только tarrea "трава", так ὦ ὦ Муфаффак, 41,3 снизу,

6 Однако едва ли barr вместо bar "грудь". Я читаю 1157,303 parri "крыло, сторона".

7 Если я не ошибся, purr более оригинально, чем pur учитывая "n", которое было ассимилировано с " r " и так Ландауэр, 1818 1811 /одинаково с М.1292,6 и д./ пишет правильно [illegible] хотя необходимая долгота могла также произойти от [illegible] Согласно информации, данной Andreas, мы имеем также случай "n" ассимилированного с " r " в barridan Сходно также

В моем случае арабское ghalleh "зерно" /М. 1590, совсем снизу/ дважды как ghaleh и так talī /148/ вместо арабского tall с ī [1] Более часто упрощение и вторичное удвоение в случае с "m". Наряду с dumm "хвост", summ "копыто", kamm "малый", kammī "скудость" мы имеем также dum, sum, kam, kam khumm и khum "посуда" стоит в М. 1292,5 и д., одно рядом с другим. Вместо арабского ghamm "горе" часто ghamm мн. ghamān и ghamī "печальный". С другой стороны наряду с Jamshīd нередко Jammshīd и даже 'Ummar [2] вместо 'Umar. Также Tammuz "июль" должно рассматриваться, как вторичная форма для Tamuz /М. 1786,8, предпоследнее М. 1801,17/. В dirammi "диргем"/М. 1626 8/ редупликация была необходимой для стиха, иначе „diram". Umid стоит наряду с ummīd какая форма является оригинальной мне неизвестно [3], то же самое относительно форм khamm и kham Для n я не мог найти ни одного случая, относящегося сюда.

Свистящие. Наряду с bussad "красный коралл" /140, 197 и в других местах/ busad /128, 1148, 1591, 1636/ [5] khushshī "доброта" pashsheh стоит рядом с khushī, pasheh /149/

---

1 Юсиф и Залиха, 67,692, galleh "стадо" вместо galeh /последнее часто в Шах-намэ. Шефер, Хрестоматия, 1.223,9 sillat вместо арабского silat "дар, подарок".

2 Из соотвествующих мест 6,98 несомненно и М.2061,9 снизу/где 'Umar/ вероятно - неподлинное.

3 Не знает и Hübschmann цит. соч.. В древних манускриптах часто [illegible] Также прилагательное na umid или naumid "безнадежный

4 Слово [illegible] сюда не принадлежит. Рюккерт думал, что опознал в нем mana и считал слово упрощением [illegible] /ZDMG 10, 152/. Однако это составное от hu "добрый" и его m следовательно первоначально простое Пехлевийская форма [illegible] Сочинение составленное в то же самое время и в той же самой стране, что Шах-намэ, Mufatih al-Ulum /изд. van Vlatten /пишет это слово в 61, с изменением, часто встречающимся в начале слов в иранских языках, когда h и kh взаимно заменяются, [illegible] и производит правильно арабское [illegible] от этого слова. Еврейское слово [illegible] Фирдуси несомненно произносил humana Если в позднейшие времена подтвердилось произношение hamana то это должно было произойти через влияние совсем не переданного нам, но широко применявшегося слова haman /из ham и an /.

первые фразы вероятнее всего более старые, так как их двойное sh должно было развиться из khsh [1]. Я не мог сказать, какая из этих двух форм является оригинальной: mužžeh или mužžehi, которые применяются одинаково часто, обыкновенные kažž, kažži "кривой, искривленность" или " kaž /М. 1986, посл. м. 1987,2/ kaži [2] Вместо часто встречающегося арабского nažžareh "зрители" здесь чаще применяется форма nazāreh [3]. Здесь и там разбросаны немногие другие случаи. Вместо арабского khatt часто khat. Вместо badtar, battar "худший" в отдельных случаях batar /478,728/ [4] Арабское saff "ряд," линия", если не ошибаюсь, в Шах-намэ всегда saf. Арабское shakk "сомнение" появляется как shak /М, 1402,10/ Из заменяющих друг друга форм chapp и chap "левый", taff и taf "жара" формы с простым губным звуком вероятно оригинальные. [5]

---

[5] Точно незасвидетельственная форма [illegible] указывает на персидское происхождение слова, воспринятого арабским языком. Двойное ss повидимому оригинально. Форма [illegible] "Насир и Хозров, Сафар-намэ, 39; 3 во всяком случае неправильна.

[1] Вместо khvash см. Horn Etymol 113. Но никогда khush. Другое слово имеет диалектную форму pekhcha. Жуковский. Материалы, 86, 196.

[2] Юсиф и Зулиха, 113, 1134, в том же стихе имеется bacheh "юноша" вместо обычно употребляющегося bachcheh.

[3] Юсиф и Зулиха 36, 585, 57, 588 mashateh вместо арабского mashshateh "одеяние невесты".

[4] Форма batar встречается также в других местах в персидской поэзии. Все вышесказанное имеет силы в некоторых пределах для всей персидской поэзии вообще.

[5] Довольно удивительно yakki за yaki у Абу Шукура, Асади, 117/5/.

Подобным образом часто встречающееся nauvi или naui "новости" от navi /1444,3178/, но естественно всегда и таким образом также ghauvi "вой, крики" /792,405/ или от ghavi почти всегда ghau[1].

Эти случаи могли бы быть несомненно умножены посредством строгого этимологического исследования, но здесь с порядочным основанием может быть сказано, что такое изменение вряд ли были вполне произвольными. Они были, кажется, несомненно позволительны только относительно ограниченного числа слов.[2]

8/. Некоторые собственные имена, несколько изменившиеся ради требований метра, уже были упомянуты выше. Фердуси идет однако довольно далеко по отношению к этому /150/ и он изменяет многие из имен отчасти потому, что они не могли уложиться в стих вообще, отчасти также ввиду их первоначальной[3] формы, не укладывающейся в частном случае. Так для правильной формы Aframan там стоит чаще /естественно только перед

---

[1] Следует отметить nigat Шефер, Хрестоматия, 1,225,7,223,2 вместо niyat "намерение".

[2] Можно было сравнить это с взаимным замещением простой и двойной дуки, именно ī и ū у Гольдера, но там главную роль играет влияние различных диалектов.

[3] Я разумеется не говорю здесь о таких именах, которые дошли до поэта уже в искаженной форме или вследствие неправильной интерпретации пехлевийских письмен, или учитывая арабское [illegible] ни об именах, искаженных позднейшими переписчиками. Все эти основания искажений собраны вместе в названиях четырех условий /24/. С помощью лучших вспомогательных средств /одно фолио как раз здесь отсутствует в Лейденском своде/ могли бы быть восстановлены эти формы, как они написаны самим Фердуси. Начертание этих четырех имен на пехлеви, к счастью, нам известно. Этих у Spiegel, Einleit. in die traditionellen Schriften der Parsen II. 329, 43 и д. имеют вид обдуманного исправления этого места в Шах-наме.

словом с начальной гласной /Aharman[1]

Составные части сложных перемещаются в Kaus-i Kai вместо Kai-kaus[2], Shahr-i Irān вместо Irānshahr; Khurreh-i Ardashir вместо Ardashirkhurreh, Ruīndiz вместо Diz-i-ruīn, Nushazar вместо Azarnush[4], Kang-i-bihisht вместо Bihisht-i Kang[5], Piruzram вместо Ram Piruz /М. 1591/, Zād-i Farrukh/наряду с Farukhzād /вместо Furukhzad. Расширения по необходимости допущены в Nūshīravān вместо Nūshiravan /Anushihravān/ Azarābādgān/ Azarābādgān ?/ вместо Azarbādagān Shahrānguraz вместо Shahrguraz /М.2055 и д./, Afrīdūn вместо Afrīdūn или предпочитительно Ifrīdun[6], наряду с правильным Ferīdūn, Buzurjmihr[7] вместо Buzurjmihr или скорее Buzurgmhr/151/. Ср. также произ=

---

1 Форма Ahriman едва ли принадлежит Шах-намэ. Во всяком случае эта странная форма кажется уже старой: см. Αριμάνιος Плутарх, Thistocles 28, и Deo Arimanio в надписях по обету почитателей Митры в большом сочинении у Cumont Textes et Monuments 1, № 27, 323 и следующие, и вероятно 474, Между формами имени Злого, данными в Лексиконе Вуллерса, 1, 59, большая часть несомненно неправильны, последняя из многих этих форм должна быть неправильным чтением.

2 Собственно говоря Kai в имени совершенно излишне, так как оно уже содержится в Kaus /Kava Usan/.

3 Табари, 1,680

4 Табари, там же, и много раз у Tha'ālibī Ghurar.

5

6. Tha'alibi.

7 Так — — — Дакики у Асади, 108,5.

В позднейшие времена это считалось арабским "Kunya" с обычным пропуском начального "п", и так произошла форма

водную форму Gayūmūrasī вместо Gayūmarsī когда она рифмует с Tahmurāsī /М. 1653, 7, 1924, 8/[1]. С другой стороны по соображениям метра искажены следующие слова: Farvardin становится Farvadīn, Gushnasp становится во многих именах Gushasp, напр. Azargushasp. Rastākhīz[2] становится Rastakhīz, Gund-i Shāpur вместо Gundī Shāpūr[3], Nishāpūr вместо Nīshāpur /Nīv-Shāpūr, Nīv-Shahpuhr/. Далее Samā-īl и Barāhīm за Ismā-īl и Ibrahīm /М. 1811 и д./[4]

Урезывание слова Avastā, которое могло очень хорошо укладываться в стих, в Ustā и Ust /часто/ поразительно. Так что фирдуси и даже зороастриец Дакики не знали правильной формы этого специального слова, это едва ли может быть допущено. Ustā должно быть следовательно было правильная вульгарная форма.[5]

---

1 ⁚ которое чуждо современному персидскому языку, и которое по крайней мере не принадлежит к имени Gayumart должно тем не менее быть сохранено.

2 "Воскресенье" часто применяемая здесь звательная форма в смысле "большое возбуждение" и т.п. сходно к соответствующему арабскому термину, заимствованному из арамейского qiyāma

Собственно без сомнения Gundēv Shāpūr и первоначально Vandēv Shahpur см. мой перевод Табари, 42 =

4) Этот список измененных форм имен не имеет претензий на полноту.

Еще могут быть найдены многие собственные имена в греческом эпосе, форма которых должна быть изменена соответственно требованиям стиха, о чем мы еще осведомлены: Ἀπόλλωνα наряду с Ἀπόλλων, Διωνυσος наряду с Διόνυσος, Ἀθηναίη наряду с Ἀθήνη. Κυθέρεια от Κυθηρά показывают уже немного, что было возможно в этом направлении. Также Ὀδυσεύς наряду с Ὀδυσεευς, Ἀχιλεύς наряду с Ἀχιλλεύς, Πατροκλος за Πατροκλέης. И формы Περσεφόνη, Περσεφόνεια вероятнее всего оформлены таким образом, чтобы уложиться в стих.. У трагических поэтов Λαέρτος, Λαρτιος за Λαέρτης.

Но после такого слога, когда это требуется метром начальная гласная следующего слова может тоже быть слита с предыдущей. Я имею ввиду редкие случаи, подобные Gushtasp и gurft – ∪ – – /1452, 141/, dāsht и barri – – ∪ – /226, 1732/ правильное чтение/ bizārast и bughshād ∪ – – ∪ – – ∪ /73, 208, тоже являющееся правильным чтением несмотря на отрицание Рюккерта/. Так тоже ǯ j |ـمـ Kaiṭā оба скандируются – ∪ –

В середине слова немой слог с долгим гласным имеет обычно размер, как ∪ – , например часто встречающееся dāshtand – ∪ – ṭikhtand – ∪ –, shīrvār – ∪ –, kārzār – ∪ –, shādmān /254, 183/, Gushtasp-ī и Lubrāsp-ī – ∪ – – /1451, 113/[1]. Подобно также часто встречающееся dūstār – ∪ – [2] /153/ Еще в некоторых редких случаях такой слог трактуется как слог с краткой гласной, без допущения сокращения, которое допустимо. Так dāshtand arzān – ∪ – – /398, 182/ будет лучшее чтение, несмотря на Вуллерса. В 72, 197, произношение āmīkht-tan-ī rang ∪ – – ∪ – – предпочтительно āmīkhtan rang[3]. В 869, 853 чтение с bigandākhtash az по крайней мере настолько же хорошо, как чтение, принятое Вуллерсом.[4]

---

1 Вуллерс присоединяет к этим двум словам неправильно ـه как если бы они читались Gushtāspi i Lubrāspi-ī

2 Обыкновенно пишется ـدوستر, но правильное этимологическое обыкновенное чтение ـدوستر соответствующее винительному падежу dausṭāram, довольно часто встречающееся в одной из подписей Дария в именительном падеже слова dausta, из которого развилось современное персидское dūst. Должен остаться открытым вопрос, действительно ли сравнительные степени ـدوستر и ـدوستر Юсиф и Зулейха, 1496, Дакики в Шамс-и-Кайс, 255, 5 снизу Юсиф и Зулейха, 817, 825 и часто в других местах; Farrukhi у Асади, 29, 18 вместо ـدوستر произносилось с удвоением "т" или облегчались в roster dūstar Размер – ∪ –

3 Здесь должна быть какая то ошибка, так как ـمـ может быть скандировано только ∪ – ∪ – ∪∪ – /примечание переводчика/.

4 В Юсиф и Зулейха так amīkhten ∪ – – /1194/, ṭirāfden – – ∪ /3191/ furūkhtand ∪ – – ∪ /2220/.

73. Поведение по отношению к сверхдолгим слогам в стихе было упомянуто выше, стр. 93. Впрочем, этот вопрос требует более подробного рассмотрения.

В рифме может стоять любой слог, заканчивающийся долгой гласной или имеющий краткую или долгую гласную перед ее конечной простой или двойной согласной, как kār, dīd, shī, būd, gurūh и т.д. Но также очень часты все рифмы, не просто состоящие из простой гласной с двойной согласной, подобно: bast, asp, khurd, abr, kaftn, sarv, chihr, girift, guft, shusht, gurd /152/ и т.д. но также рифмы подобные: sākht, rāst, kīst, duīst, sūkht, mānd и т.д.

По середине стиха со слогами с долгой гласной и двойной согласной поступают как со слогами с краткой гласной и двойной согласной или со слогами с долгой гласной и простой согласной, т.е. как ∪ — Так например, как dād dānā[1]) — — ∪ — /801, 526/. также biyārāst jang — ∪ — — ∪ /252, 137/, Luhrāsp mānd — ∪ — — /1431, 2955,/ bugzārd paighām, — — ∪ — — /1209, 1341/, Pars Qaran — — ∪ — /265, 380/, āvīkht bar — ∪ — — /1219, 1536/, biyāmīkht tiryārā — ∪ — — ∪ — — ∪ /1265, 2418/ gusht pareh — — ∪ — /50, 40/, bifrūkht gītī — — ∪ — — /2592, 1440/[2].

Все случаи с последующей начальной гласной должны согласно с этим рассматриваться аналогично: bar afrākht an — ∪ — — ∪ بر افراخت آن и не подобно barafraktan /270, 454/. Так pardākht az — ∪ — — /88, 486/, tāft āhan — — ∪ — /256, 218/, angīkht asp — ∪ — — /1219, 1526 и часто в других местах/, rīkht ab — ∪ — /256, 224/ afrukht az — ∪ — — /1181, 785/:

---

1 Для того, чтобы сделать это ясным, как слог трактуется метрически, я всегда добавляю ближайшее слово. Размер последнего, если это не слово рифмы, опять устанавливается в соответствии со следующим словом.

2 Так murd bazib — ∪ ∪ — Рудаки в Шамс-м-Каис, 228, 6. mūrd bar — ∪ — Wīs u Rāmīn, 40, 7.

74. Особое внимание должно быть уделено слогам, содержащим "n" после долгой гласной. В окончаниях ān, īn, ūn и "n" никогда не принимается во внимание, такие слоги считаются просто, как долгие, не ∪ — /подобно ār и т.д./. Слог, оканчивающийся на ān и следующий за согласной разумеется рассматривается в рифме как просто долгий, так часто встречающийся khānd, mānd Но также в середине стиха ān рассматривается большей частью как просто долгий, напр. khāndand ∪ — —, māndān (128,1150) khāndāsh — — (248,81), nishāndash — — ∪ /126, 1115/, ẓabānhā — — ∪ /1467,403/, dāstānhā — — ∪ — /1895 2084,1409,2533 /и так многие другие слова, того же самого рода. Так также "īn" в īnhā — — /1105,688,M.1492,7/, kamīnha — — ∪ /112,893/.

Перед начальной гласной ближайшего слова, конечное and делает гораздо более часто, чем какая нибудь другая подобная комбинация простойдолгий. Так khānd u sipāh-∪-- /1217,8/, и более часто khānd u mānd u — — /61,527/, pāmānd ī — — ∪ /63,12/, khᵛand āzmūdeh--∪-- /67,109/, mand az u — ∪ — /22,48/, mānd anjuman-∪-- /15,38/ и так далее /особенно так mānd u khᵛand

Еще в середине ān довольно часто получает размер подобно другим слогам, состоящим из долгой гласной с конечным согласным ∪ — Так jan var — ∪ — /14,11/, mānden — ∪ — в одном и том же стихе с mānden — — /M.1856/14/ binkhāndand-∪-- u rāndand — ∪ — /154/ /оба 1449,83 вводном и том же стихе наряду с bikhᵛ-āndand — —∪/, khᵛāndand /M.1810 последнее и часто в других местах, как однако также часто khāndand — — aivānhā-∪ — — /266,385 и часто в других местах/ dar mānhā /M.1978,14/[1]. Далее

[1] Рюккерт был первым / ZDMG 8,245 и д./ обратившим внимание на это явление. Все же формы множественного числа на которые имеют иногда одно, а иногда другое количество, показывают нам, что его мнение относительно ī сокращающегося в i не выдерживает критики.

такте gardūnhā — ∪ — — /97,651/. И так также часто zīnhār в то время также часто с укороченной первой гласной zinhār — — [1]

75. Просодическая трактовка слогов, оканчивающихся на двойную согласную, теперь и тогда в Шах-Наме находится в противоречии с общим правилом /параграф 70/ когда они скандируются перед словом, начинающимся согласным, как простым долгим — не как сверхдолгим ∪ — как ожидалось бы. То, что окончание and в некоторых местах трактуется таким образом, было впервые отмечено Рюккертом. /ZDMG 10, 22/. Teufel утверждает, однако, и правильно, что такие случаи более часты, предпредположенные у Рюккерта /ZDMG 36, 44/. Последний был, пожалуй, слишком осторожным, производя свое исследование. Мы находим часто and перед следующей начальной согласно мающим размер, как простой долгий, по крайней мере между вариантами и в таких случаях размер следует считать всегда скорее правильным, вопреки Вуллерсу /наклеивающему ярлык на такое чтение, как " male, contra metrum /плохо, несогласно с размером/. Регулярная трактовка таких слогов именно часто возникала, благодаря переписчикам, вводившим свои "коррективы". Мы имеем таким образом перед согласным: shudand — ∪ /148, 355, 860/ при мечание 5/, kāshīdand — — ∪ /1180, прим 11/, zadand — ∪ /1538_747 Дакики 1804, 405/, āmadand — ∪ — /1234, 1846/ āvīkhtand — ∪ — — /1241, примечание 1389, 227/, kunand — ∪ /261, 10/ pavīsand — — ∪ /174, 824/ и многие другие глагольные формы этого рода. В 1389, 2271 чтение Моля bar āvīkhtand har — ∪ — — [3] поддерживаемое С.Петербургским и Лейденским манускриптами. Обычный

[1] Это также было впервые показано Рюккертом. Слоги in и un перед согласным очень редки в середине слова.

[2] Также в других местах в более древней поэзии.

[3] Так zadand в Юсиф и Зулиха, 212, 9. В Wīs u Rāmīn текст которой, хотя основанный только на одном манускрипте, кажется гораздо более достоверным, чем текст Шах-Наме, манускрипты которой расчитываются сотнями, так kunand — ∪ /74, 16, 100, 13/ āmadand — ∪ — /9, 3/.

размер ∪ — для этого глагольного окончания, однако, более частый. /155/. Еще далее также chand — /115,932/[1]. Кроме того, следующее также может быть правильным: guft — /282, 18, 155, 476, 480, 762/ haft — /159, 548/[2], bakht — /282, 15/, kard — /342, 410/, nishast — ∪ /298, 1/ āfrīdast — — ∪ — /168, 709/ āzuyast — — ∪ /124, 1081/. Также asp — /298, 1/ может быть правильным.[3] Далее было признано Рюккертом, что глагольное окончание īm /1 мн.ч/ иногда имеет размер не ∪ — как было бы согласно общему правилу, но только как простой долгий слог, но он несомненно делает ошибку в своем утверждении, что в таких случаях гласная была сокращена, так что чтение должно де быть im /ZDMG 8, 297/. Этот случай разумеется не частый, но все же более частый, чем было допущено Рюккертом. Так arīm — — и āvarim — ∪ — /оба 81, 360/, mānīm — — /129, 1041, 390, 1048/, dānim — — /512, 1330/ guyīm — — /1440, 3312/ burīdīm — — ∪ /125, 1087/, rasīdīm — — ∪ /114, 917/[4]. Переписчики и издатели многообразно вычеркивали эту

---

1 Так в Wīs u Ramīn chand 147,5 снизу paivand — — 3,9.

2 Так несомненно также в 234, 1871 следует читать haft hami вместо haften mi /так как haft в смысле haften /неделя/ встречается также в 333, 268, 1526, 538/. Таким же самым образом hami должно быть обратно восстановлено в yakchand hami — ∪ — — /2061, 393/, harchand hami /№ 1982, 16 и 645, 2200/ в соответствии с чтением лейденского манускрипта harchand mi /в изданиях сказано harchand chun /

3 в Wīs u Ramīn guft /1360, 6 снизу/. Также mard shavad — ∪ — у Насир и Хозрова, ZDMG 33, 656 60 может быть правильно.

4 Юсиф и Залиха/ 1685 , чтение [illegible] литографированного издания /мне недоступного/ может быть правильно.

предполагаемую ошибку, изменяя например окончание множественного числа в единственное *ат*. Так в 1316,861 могло быть первоначально *bibāshīm* где теперь имеется едва ли подходящая форма единственного числа. Однако более редко, все таки, с другой стороны совершенно доказано, что там встречается размер в окончании *īd* /2 л.мн.числа/ — которое также Рюккерт отметил первым, как простой долгий слог. Так *dānid* — — /27,75/, *juyid* — — /59,491/ *dārīd* — — /259,273/[1] И также /3 ед. прошед./ трактуется в отдельных случаях таким же образом: *pīchīd* — — /300,30/, *dīd* /63,27,126,1115/, также вероятно *rahānid* /19,23/. Рюккерт без необходимости допускает здесь также сокращение в *id* /ZDMG 8,252,10,204/. Оригинальный текст мог содержать еще много примеров такого рода, которые были после того времени уничтожены ради правильности.

76. Рифма, как мы видели, в Шах-намэ всегда чистая. Я считаю, что не может быть и речи о том, что Фирдуси рифмовал якобы *shād* с *bar*[2], как предполагал Рюккерт /ZDMG 10,199,

[1] Юсиф и Зулиха, 1960 сказано *bidādid* единственно возможное правильное чтение. В *Wīs u Ramīn* 262,4 имеется *biyāīd* — —

[2] В более старом современном персидском языке всегда пишется *j* и не рифмует с арабским *d*. Так даже у Хафиза, в столетии которого многие мануускрипты еще имеют в таких случаях *j*. Я нашел у Хафиза только одно исключение из этого правила, открытое также Рюккертом, именно в маленькой песни Розовая ветка, Ш,298. Cawnpore /Год Гиджры 1285/,363, где поэт, без сомнения обдуманно заставляет некоторые стихи на *id* следовать стихам на *δ*. У Джами Юсиф и Залиха, однако, некоторые исключения из этого правила были мною открыты, опять в соответствии с наблюдениями Рюккерта. Джами должно быть произносил подобно современным персиянам, *d* после гласных также в персидских словах. Из Шамс и Каим 199 /начало XIII века/ мы можем видеть, кроме того, что такое произношение было совершенно неизвестно в Трансаксиане, в Балхе и в Газне. Там смягчение должно было уже исчезнуть в более ранние времена, или может быть оно здесь совсем никогда не появлялось, в других словах *t* после гласных стало здесь *d* непосредственно без какой либо промежуточной стадии. Шамс-и-Каис иллюстрирует это над двумя стихами человека из этих областей. В этих стихах арабское [illegible] рифмует с персидским [illegible] нормальная форма которого еще появляется часто в манускриптах как [illegible]. Тот факт, что в Шамси Табриз изд. Никольсона № 47 наряду с персидскими формами на [illegible] т.е. нормально [illegible] в рифме встречаются также арабские формы

о 249, 10/ Я уже давно начал сомневаться также в то
в эпосе встречается когда либо какая нибудь рифма между واو معروف
и واو مجهول, и между ياي معروف и ياي مجهول
Даже рассматривая материалы текста, доступные мне, хотя не
очень обширные и не очень надежные, я отмечал исчезновен
примеров, не очень многочисленных, таких рифм, встречающихся в
изданиях. Так 1081,279 читается и в Лейденском и в Стрессбург=
ском сводах parastandeh did: surud u nabid вместо
parastandeh bud: nabid u surud То немногое, что может быть
еще осталось из таких примеров /157/ едва ли может быть отнесено
к самому поэту. Во всяком случае следует в большинстве случаев
установить качество соответствующих гласных в изолированных сло=
вах посредством рифмы[2].

мы, подобно عيري и عيري, может быть следовательно об"яснен
тем обстоятельством, что автор Джалуд-дин-Руми /XIII век/ был
уроженцем Балха.

1 В моих Persische Studien 2,2 мною была допущена возможность,
что это встречалось в редких случаях. Во всяком случае для
دو دست "двести" 348,527,860,728,568,840 /как тоже у Саади, Бу=
стан, 126,2/ первоначальное произношение duēst требуется риф=
мой, но в 36,35 /также в согласии с лейденским и Стрессбург=
ским манускриптами/ М,1788, предпосл./ и Саади. Афоризмы, 194,
2/ произношение duīst. Мы без сомнения должны произносить в этом
параллельную форму, созданную под влиянием bist "двадцать".

2 Данные, составленные индийскими словарями, правда известными
мне только через последство словаря Вуллерса, не всегда надеж=
ны. В самом деле многие majhul специфицируются или, как ma'ruf
Я мог заметить здесь, что, как мне кажется, некоторые арабские
слова, оканчивающиеся на و, произносились персиянами в бы=
лые древние времена с „ō". Что они произносили слово مدهوش
как madhosh подтверждается рифмами у Фирдуси и других поэтов
Арабское di рифмует, как ē с персидским ya-i majhul в часто
встречающемся случае khail или sail) (khel, sel): Ardabil
а это последнее слово в свою очередь рифмует с gil Так в
1280,171, shir: Zuher / Zuhair / как также в Хрестоматии Шефе=
ра, 11,227, khar / khair/ Шамс-и-Каис говорит, однако, в
248, что большинство поэтов позволяют себе рифмовать между
собой wav-i majhul и wav-i ma'ruf. Это несомненно пре=
увеличение. Вероятнее всего во многих из таких случаев дело
идет о словах, в которых o стало в некоторых областях u в
довольно раннем периоде. Так Шамс-и Табриз /т.е. Джалал-уд-
Дин Руми/ рифмует в № 25 подлинное ov с uv а в № 39 - конеч=
ное подлинное ō с арабским ū. Он без сомнения произносил все=
гда этот звук, как ū, как также без сомнения Джами, в Юсиф и

Таким образом становится очевидным, кажется мне, из часто встречающейся рифмы فذوز : پوز и بر فزوز : دروز /М.1613,8/, что последнее слово произносилось будучи существительным с wāv-i majhul подобно سر وز /317,28 и часто в других местах/, однако с sraōta, тогда как глагольные формы естественно звучали fuzūd, surūd /М.1602, 17 и в издании Шефера дневника Насир-и-Хозрова 301, 6 снизу/. В случае немногих слов известняя неуверенность между majhul и ma'ruf могла возникнуть уже в более ранние времена, предшествуя переходу прежних звуков в позднейшие[1], Таким образом могли проникнуть в даже более древние манускрипты такие чтения, которые сам Фердуси мог рассматривать как неправильные рифмы. Более новые манускрипты представляют большое число таких ошибок и во многих случаях за ними следят издания.

Я мог бы, пожалуй, с моими терпимо обширными исследованиями сказать много вещей больше относительно рифмы, но я ограничиваюсь немногими более важными замечаниями. Подобно арабскому языку рифма может быть образована только ā, напр. rahā : ja /1072,120/, havā, giya /1192,1012/, однако предпочитается, чтобы рифма была /158/ образована ā с предшествующими идентичными согласными, напр. havā : farmān ravā /222,1666/, niya kimiyā /часто/ azhdahā : rahā /часто/, sahrā buvad : khu buvad /455,379/ и так далее. То же самое может быть сказано относительно простого ār подобно kirdigār : shumar /1345, 1428/ и т.д., zār в hazār : kārzār; yār в yār : Isfan /1621,2202/ и т.д. ār в bakrāz : guraz /1097,560/;

и Залиха", которого могут быть найдены некоторые такие примеры. Хафиз, напротив, если я не очень сильно ошибся, делает очень большую разницу между majhul и ma'ruf.

[1] Перед " " и " " это было очень древнее, во всяком случае старше, чем Шах-намэ.

в dīraz : firaz /785, 314 и часто в других местах/; an в khutan : shikan /1349, 1510/, man : anjuman и т.д. Особенно часто этот случай, однако, только в примере ān, т.е. вместо простой рифмы подобно zarān : zanān /1341, 1357/, bargus tavan : kamon, /144, 283/ лучше после идентичных согласных: za'farān : formanboran /144, 282/ это в стихе перед последним только что цитированном/ irānyan : miyān /1349, 1509/, jahān : nāgahan /1342, 1372, 1349, 1500/ nishān : fishān /1702, 3625/ и так далее. Таким же самым образом, как ā, āi одно может составить рифму, напр. jāi : rāi /198, 1251 и в других местах/, pāi : karranāi /198, 1241/, но также — с предшествующей одной и той же согласной rāi : sārāi /216, 1574/, sarāi : darāi /217, 1091/. Сходно также ūi[2] напр. rūi : kūi /145, 294/, rūi : mui /222, 1662/, также с предшествующей одной и той же согласной māhrūi : andarūi /219, 1619/. Также ai и au рифмуют каждая из них со своим дублетом, напр. kai : pai /355, 649/ и tizrau : nau /218, 1604/. Но ī и eh / oe / могут составлять рифму /подобно арабскому /только в связи с одним и тем же согласным, напр. dāvārī : parī /23:4/, farrahī : shāhanshahi /114, 915/, badī : īzadī /202, 1308/, parsī : sī /200, 1273/ ghamī : zamī /178, 877/, yakī : andakī /419, 579 и в других местах/ andar khwārī : manzarī /355, 643/, bareh : yaksareh /32, 164 и прочие/, maimaneh : buneh /475, 737/.

Унисон увеличивается напр. в часто встречающихся Rōsti : kōsti, в тоже частых khvāsteh : ārāsteh далее в angushtari : Mushtarī /176, 858/, Kabulsītan : Zābulsitān /часто/ bīshtar : nīshtar /46, 214/.

---

[1] Это называется арабским выражением: „luzūm mā lam yalzān "необходимость того, что не необходимо".

[2] Возможно, что в конце стиха должно всегда писать ؤ даже в тех редких случаях, когда там стоит простое و /как в отдельных случаях ؤ) вместо ؤ).

"Богатые" рифмы также встречаются в Шах-намэ, напр. nishān "помести" /повелит./: nishān /"знак" /существ/./1806, 3705/, dād "закон": dād "он дал" /137, 1051, 40/ ravān: "бегущий" : ravān "душа" /796, 449/, havā "воздух": havā "желание" /1054, 96/, barg "запасы для путешественников": barg "лист" /18, 15/, chang "кулак": chang /1057, 46/. /159/ kh'an "стол": khan "зов" /1138, 1297/. Ср. sār koshī "отворачиваешь голову": gardankoshī /ты строптив, непослушен" /1038, 1322 оба в смысле "гордый"/, shahryār "правитель" shahr yār /в каждой стране /один/ помощник" /1068, 65/. Даже идентичные слова от времени до времени применяются, как рифмы, именно в случаях, где их значение различно. Так band "военная хитрость": band "лента" /1040, 1359/, dāstān "сказка" hamdāstān "доверенный" /часто/, dādrā "справедливость": bīdādrā "несправедливость" /766, 22/. Ср. Рюккерт в ZDMG 10, 196.

Рифмующее слово одного полустишия часто появляется в другом полустишии вне рифмы, напр: Tahamtan bipūshid rūmi ziri
bar afgand band-i zirihrā gir
/1127, 1091/, Hamīsten bijang-i nihang andaram
digar bā palangān bijang andaram
"Я всегда сражаюсь с крокодилами, или я сражаюсь с пантерами",
/343, 432/, Girāmī bidandan bigīrād dirafsh
bidārad bidandān dirafsh-i banafsh
"Гирами ловит ушко знамени /своими/ зубами, он держит /своими/ зубами фиолетовое знамя" /1517, 353, Дакики/.
az īn du yakirā najanbīd mihr
khirad dūr bud mihr na namud chihr
"для этих двух любовь не была награда! рассудок был далек: любовь не показала свое лицо" /489, 925/[1]

[1] Другие иранские поэты также поступают подобным образом.

Очень часто в персидском стих за настоящим рифмующим словом следуют симметрически для двух полустихов одно еще или даже еще несколько слов. Действительно на каждой странице Шах-наме встречается по крайней мере один образчик такого "ridf" и на многих страницах четыре или пять из них. Очень сильное впечатление иногда являются результатом такой фигуры. Так несколько раз в великолепной речи Рустема в 466 и д., напр: /160/

hameh bandeh dar pīen Rakhsh-i man and
jigar khasteh-i tīgh u takhsh-i man and

"Все рабы перед моим Рахшем,
Из печень удручается перед моим мечом и моим луком".

Chu khīsham āvaram shāh Kaūs kist
Chirā dast yazād biman Tūs kist

"Если я разгневался, кто тогда царь Каус?
Зачем он протягивает свою руку против меня? Кто Тус?"

Довольно редко, кроме этой конечной рифмы бывает еще внутренняя, как в

bast dīv u shīr u palang u nihang
tabah shud zi changam bi hangām-i jang

"Многие демоны, львы, пантеры и крокодилы
Погибли от моей руки во время битвы" /496, 1038/.

В целом Фердуси не очень беспокоится относительно рифмы. Он в самом деле не боится часто употреблять одни и те же пары рифмованных слов даже в тесной последовательности. Известные рифмованные слова почти всегда сопровождаются известными другими, так: pīl : nīl [2], rostī : kōstī, razm : bazm, ranj : banj Полный список всех рифмующих слов Шах-наме дал бы удивительно малую цифру для более полустиший поэмы.

---

1 Подлежащее для глагола jazad также Tus, но параллелизм показывает, что слова Tus kist не составляют целого предложения сами по себе.

2 Однако во многих местах неизвестно, означает ли слово nīl "темно-синий" /буквально индиго/ или "Нил".

77. Конструкция стиха очень облегчается для персидского поэта существованием большой массы синонимов, обыкновенно применяемых или по крайней мере позволительных в поэзии, параллельных форм одних и тех же слов[1], существованием различных выражений для некоторых наиболее /161/ употребительных личных местоимений и глагола "быть"[2], свободной связью мест слов в предложении, наконец свободой введения известных малых слов или пропуска их без влияния этим на смысл предложения[3]. При чтении эпоса в целом получается впечатление, что стих легко слетал с пера поэта, но видимость может быть обманчива. Фердуси, часто жалующийся на большие труды, понесенные им в связи с его поэмой, вероятнее всего развил большую уверенность стиля только после энергичных усилий и может быть в течение долгого времени отделывал сочинение, прежде чем он был в состоянии дать ему его конечную форму[4]. Многие тонкости которые он сам мог очень хорошо оценить, остаются незамеченными нами и другие такого рода могли быть стерты переписчиками.

---

1 Я склонен включить в эту категорию формы, происшедшие от корней настоящего времени, подобно sāzidan вместо sākhtan которые довольно часты в Шах-намэ, но которые вероятно менее часто встречались в разговорном языке, и которые не одобряются Шамс-и-Каисом. Так shin и shinuftan от shinudan наряду с shinidan /первая гласная всех этих форм имеет колеблющийся характер/. Далее там должны быть отмечена свобода в пользовании суффиксами множественного числа an и ha, частное добавление суффикса a, который не влияет на значение и т.д.

2 Ср. ū, ūi, vai, sh; ān - ast, buvad, boshad правда, что ни слова первой ни слова второй группы не могли заменять друг друга при всех обстоятельствах.

3 Так bi с глаголом, rā и mar-rā с косвенным падежом "i", добавляемое на конце слова или числительное yak yaki как стоящее перед словом вместо неопределенного члена. Также hami которое несомненно обозначает длительность или повторение в подлинных стихах Фердуси / hami "следует везде уважать", - dos hami ist überall zu spektieren /Рюккерт, ZDMG 10,237/, и глагольный суффикс ī который эквивалентен вышеупомянутым в прошедшем времени /отличается от гетерогенного потенциального ī / может быть вводим или пропускаем ad libitum /произвольно/. Так также часто произвольно употребляемые частицы ki и tā /см. выше параграф 46/.

4 Чтобы дать пример из совсем другой области поэзии: как легко кажутся набросанными лучшие песни Гейне и как много в действительности он работал над ними!

СОДЕРЖАНИЕ /§§/ /стр. V/

1. Легендарные личности Авесты и Риг-Веды. 2. Полуисторические повествования о мидянах и других у греческих писателей 3-4. Имеются некоторые мифические греческие сообщения о популярных преданиях об иранских героях, которых вскармливали суки и козы и воспитывали орлы или птицы. Рассказ об Зорнадре, брате Гистаспа в Атенее был идентичен с рассказом о Зарире, брате Гуштаспа, рассказ о дочери царя Одатис с рассказом о Катайюн. 5. С 450 г. п.Р.Х. имена, встречающиеся в греческой легенде часто встречались у членов персидского царствующего дома. 6. Пехлевийская Яткар -и Зарирам /Памятная книга Зарига/, написанная около 500 г. п.Р.Х. содержала рассказ о Зарире, сокращенный в истории Табари и Шах-намэ Фердуси. 7. Пехлевийская Корнемаи, написанная около 600 г. п.НХ содержащая деяния Ардашира Папакьяна была использована как историческая запись арабскими историками и Фердуси. 8. Некоторые видоизменения были сделаны в древних исторических легендах, и туда были добавлены новые материалы. В арабских писаниях и в Шах-намэ древние герои носят имена Арсакидских царей, встречающиеся в греческих и других писаниях, например Godharz и его сын Gēr соответствуют Gotarzes·y и Γε, отец Гургана Miladh Митридату /Meherdates/, Фархад -Фраоту и кузнец Каве - арсахиду Корену. 9. События, относящиеся к смерти и восстановлению чести Ирана Кореном были сходны с событиями, относящимися к смерти Piroz в 434 г. п.Р.Х. и восстановлению чести Ирана семьей Koren'a. 10. Рустем и его предки, как предполагается, связаны с авестийскими героями царями. Их отдаленные жилища и баснословные черты. 11. Иностранные элементы, находимые в национальных преданиях Ирана 12. Списки, краткие записи и хроники о мифических и астрических царях старых времен, существовавшие во времена Хоз=

рова I /531-579 р. п.Р.Х./ и задолго до него. /У1/ 13. Во время Йездагирда Шахрияра дехкан Данишвар написал Khwatai-namak / Khodae namen /, пехлевийскую книгу, обозначающую "Книга царей", впоследствии утраченную, содержавшую хроники персидских царей от Гайомарта до Хозрова II /590-628 п. Р.Х./. 14. Другие сочинения, кроме Худай-намэ, были причиной расхождений в сообщениях арабских писателей и Фердуси, относящихся к Сассанидским царям. 15. Абу Мансур аль Ма"амари имел персидскую "Книгу царей", составленную для Абу Мансура сына Абдурразака, правителя Туса /945-960 п. Р.Х./ четырьмя зороастрийцами. Факт этого составления подтверждается Аль Бируки, и оно было основанием Шах-намэ Фердуси и сочинения Таалиби. Главная его часть была заимствована из Худай-намэ или некоторого древнего собрания. К этим материалам были добавлены анекдоты о Бахрам-Гуре, рассказ о введении в Иран индийской игры в шахматы, история о Бахмане, убивающем Рустема, роман о Бахрам Чубине и т. . 16. Один ревностный зороастриец, имевший литературный псевдоним Дакики, составил поэтическую версию Шах-намэ или Книги Царей в конце X века п. Р.Х. 17. Дакики составил около тысячи стихов, которые были включены в Шах-намэ Фердуси. И Дакики и Фердуси пользовались одним и тем же источником, хотя имеются характерные различия между их стилями и описаниями. 18. Дакики имеет такой же хороший стиль, как Фердуси. 19. За незаконченную работу Дакики принялся прославленный поэт Абул Касим с поэтическим прозванием Фердуси. Имеется несколько биографических заметок и сообщений относительно его жизни и происхождения его поэмы. 20. Фердуси родился около 930 г. по Р.Х. Согласно Аруди поэт был захудалым землевладельцем в Тусе. 21. Шах-намэ была закончена в течение 30-35 лет. Поэт упоминает о своем возрасте в различные времена в нескольких местах. Поэма была посвящена султану Махмуду и полная ее копия была представлена в 999 году п.Р.Х. Ахмеду из Хаконджана. Поэт горько жалуется на свою бедность и отсутствие поддержки со стороны богатых людей. Султан представил дар

60 000 диргемов, который поэт посчитал ничтожным. 22. Фирдуси был так огорчен султаном, что в своего рода приложении к Шах-намэ он написал горькую сатиру на царя Махмуда с целью устранить стихи, написанные им в хвалу царя.. Испахбад Шарияр князь Табаристана, давал убежище Фирдуси в Герате в течение 6 месяцев. В возрасте 70 лет Фердуси составил свой эпос Юсиф и Залиха, который несколько ниже Шах-намэ. 23. Фирдуси умер около 1020 г. по Р.Х. 80 лет и был похоронен в Тусе, где его могилу посетил Аруди через столетие после его смерти. Махмуд послал подарок в 60 000 диргемов Фирдуси, но по легенде деньги прибыли, когда тело поэта выносили хоронить. /УП/. Его дочь не приняла денег. Он при жизни потерял своего сына, как видно из Шах-намэ. 24. Преувеличенными похвалами был поэтом ошпон султану, потому что поэт домогался денег. Он был уверен, что великое сочинение сделает его бессмертным. 25. Фирдуси старался казаться более правоверным, чем он был. Он не был замаскированным мэздеистом, но относился сочувственно к религ и магов. Он был монотеистом и осуждал дуализм магов. Он не имел подлинных исламских убеждений. Он имел большую ситипатию к арабам. Он не считал благочестивых христиан и мэздеистов неверующими. Он восхищался иранской древностью, был врагом арабов, снисходительным судьей иностранных религий и не особенно ревностным мусульманином, высоко почитавшим Али, зятя пророка. 26. Иранский патриотизм Фирдуси имел чисто идеалистический характер. 27. Фирдуси основывался на письменных источниках, его главным авторитетом была Худай-намэ. Повествования и исторические сообщения в Шах-намэ совпадают, хотя и не вполне точно, со сведениями в книге Таалиби /961-1057 по Р.Х., называемой " Ghurari Akhlari Mulukui Fars "/Искры из записей о персидских царях/, переведенной Цотенбургом. Фердуси поэтически расширил некоторые из этих историй, напр. о Зале и Рудабех и о женитьбе Гуштаспа на [illegible]

ратора Китайон, которые не так пространны в сочинении Таалиби. С другой стороны история о Бизане и Манизех, битва Рустема с Белым дивом, его деяния в Мазандеране, битва с Див-и-Акваном, битва Рустема с его сыном Сохрабом и т. д не могут быть найдены в сочинениях Таалиби и других писателей. 28. Шах-наме содержит историю 50 иранских царей от исторического времени и до арабского завоевания. О всех арсанидах говорится, как об одном царствовании. Сообщения о сассанидских царях исторические, но части их романтические или даже мифические .29. Различные части Шах-наме связаны между собой свободно. Сассанидский период представляет меньший поэтический интерес, чем героический период. Существует только один независимый эпически составленный цикл, именно исторический роман о Бахрам Чубине, побеждающем без посторонней помощи целые армии. Рассказ о последнем Ездегерде полон меланхолического интереса. 30. Путешествия Рустема и Исфандияра и некоторые чудесные деяния их обоих совершенно сходны, ходя Дулай-наме вероятно не содержит ничего о необыкновенных деяниях Рустема. В Шах-наме имеются повторения и удвоения рассказов и сообщений, например поход Кай Хозрова против Афрасиаба, разделяющийся на две части, рассказывающие об одних и тех же вещах и занятие Канг-и Бихишта и Канг-и Дива /обе крепости тождественны/, неудача двух походов Тура из-за снега, Рустем и Сохраб выбирают коней по тому же испытанию , попытки убить героев, скатывая на них глыбы, которые были остановлены ими телесно сходны или колоссальным могуществом, основание города Заб-и Хозрова сходное с сооружением Суристана . 31. В Шах-наме имеются многие скрытые противоречия: напр_ Александр представлен, как благородный герой, тогда как традиция помещает его рядом с Захаком и Афрасиабом. В поэме имеются такие несколько анахронизмов например суще ствование христианства во время Александра и даже Гуштаспа . 32. Шах-наме полно понятиями и обстоятельствами Сассанидского периода , в которых мифический элемент играет как

было в поэме грехом, хотя в сассанидском периоде это было не совсем так. В Шах-наме не видно влияния сассанидского духовенства. Обычай "пить в память" кого либо сохранился до времен Фердуси. 33. Поэма в отводит деяния героев больше, чем дела масс. Вооружение героев - сассанидского времени, например броня всадников, вооруженных арканами и палицами. 34. Фердуси производит могучее впечатление на ум читателя. Простое повествование оживлены введением речей. В поэме вообще виден героический тон. Его любовные романы - самые прекрасные части сочинения. 35. Герои - веселые, смелые, хвастливые и многоречивые, имеющие хорошие манеры и проявляющие большое почтение к царю. Главные черты личности Рустема верно изображены гением Фердуси. Битва Рустема с Исфандияром заслуживает особого внимания. 36. Женщины являются в Шах-наме вообще предметом желания ли любви. Гурдийе - это обманщица и интриганка, Гурдаферид - смела и умна, Манижех - любящая и прекрасная. 37. Описания

сражений очень оживленные. 38. У поэта нет ник кого опыта в мо морском деле. 39. Фердуси относится с большой поэтической вольностью к географии Ирана и соседних стран. 40. В Шах-наме имеются многие понятия из волшебных сказок, например: армии собираются по мгновенному извещению, Бизан мог читать письмена на кольце с печатью, тонком, как волос, правители давали подарки в размерах, громадных до расточительности, цари освобождали народ от уплаты налогов на многие годы и т.д. Такие преувеличения восхищают читателя. 41. Имеются записи о многих вещах, относящихся к снам, знамениям и пророчествам. 42. Много места уделено дидактическим речам. Поэт вводит общие размышления о превратности земного величия. 43. В Шах-наме имеются интересные субъективные утверждения, в которых поэт дает сведения о своей жизни. 44. Язык поэмы прост, имеется много силь-

них гипербол. 45. Фердуси редко прибегает к богословской и философской литературе своего времени. 46-47. Фразы поставлены в простой последовательности, более длинные периоды редко применяются. Многие стихи приблизительно или вполне сходны. 48. Фердуси стремился избегать вульгарных выражений. Он имел известное пристрастие к персидским словам, таким как niyaith, kaz и т.д. 49. В поэме имеется несколько мест, содержащих аллитерации и игру слов. 50. Так как поэма имеет огромный об"ем, ее следует читать по частям, чтобы избежать скуки. 51. Некоторые примеры лучших мест и первоклассных сцен в Шах-наме. 52. Поэма не была предназначена для пения. 53. Шах-наме очень много копировалась. Имеется много сохранившихся манускриптов. Небрежные переписчики позволяли себе большие вольности. Фердуси дал число стихов 60 000 что вероятно было преувеличенной цифрой. Из 40 известных манускриптов один содержит 61 266 стихов /но 3700 стихов из них относится к Бурзу-наме/. и два манускрипта содержат около 60 000 стихов. Предисловие к изданию Amuzanda дает число стихов в десяти манускриптах, варьирующее от 46 982 до 56 685 . 54-55. Имеется только немного стихов без вариантов. Отношение между различными манускриптами трудно установить. 56. Критическая оценка поэмы. Там есть несколько описаний внешнего великолепия, которые считаются вставками, но могут не быть ими. Некоторые места неподлинны. Повествование о захвате Афрасиаба сильно интерполировано. 57. С самых ранних времен переписчики заменяли устаревшие и неприятные слова обыкновенными и легкими. 58. Фердуси долгое время отделывал поэму. По крайней мере в одном случае имеются две различные версии одного и того же приключения и обе они подлинны. 59. Предлагают, хотя неправильно, что критически пересмотренное издание сделанное по распоряжению Байсангур хана в 1425-26 г. по Р.Х. было бы более полезным, если бы имели его. 60. Строгое следование и хороший подбор манускриптов могут помочь нам установить

текст произведения возможно близкий к написанному самим Фердуси. 61. Манускрипты Шах-намэ прекрасно написаны и иллюстрированы артистическими рисунками. 62. Поэма была переведена полностью или частью на языки арабский, турецкий, урду и т.д. Важное значение имеет арабский перевод Аль Бундари аль Исфахани /1218-1227 г. по Р.Х./.63. Не имеется комментария к Шах-намэ, возможно вследствие ее большого об"ема, возможно потому, что она считалась легко понимаемой. Lughat-i Shahnama был написан Абдулкадыром в XVII веке. 64. W. Jones был первым европейским ученым, который обратил внимание на Шах-намэ. Люмсден опубликовал первые семь частей поэмы. Издание Турнер Масона содержит эпос с предисловием Байсангура, английское введение и персидский словарь. В 1838-78 гг. Жюль Моль опубликовал издание с французским переводом и предисловиями. Позднее Вуллерс опубликовал части издания удобного пользования, дающего чтения Масона и Молля. После его смерти работу продолжал Ландауэр, который все таки очень далеко не дошел. В 1914 г. Амувальда Ширмард выпустил фото-цинко издание, 65. В 1814 году Дж. Аткинсон опубликовал перевод на английский язык эпизода с Рустемом и Сухрабом, а также сокращенный перевод целой поэмы. Итало Пицци издал полный перевод на итальянский язык. J. Goerres издал в прозе немецкий краткий обзор до смерти Рустема. Адольф Ф. Шак передал некоторые части поэмы немецкими стихами. Переводы Рюккерта в стихах выше переводов Шака. 66. Некоторые персидские эпические произведения, прославляющие деяния Кершаспа, Сама, потомков Рустема Бурзу, Шехериярa и другие, идут по следам Шах-намэ. Эти эпические произведения являющиеся большей частью имитационными Шах-намэ, являются созданиями воображения авторов, которые не основывались ни на каких преданиях. 67. Дополнения к Шах-намэ из Равайятов являются произведениями поздних индийских парси. 68. Влияние Фердуси на персидскую литературу. 69-77. Персидский метр /раз-

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА /1/

Когда я писал мои "Persische Studien"[1], трактующие главным образом об иранском национальном эпосе, я думал, что мне еще долгое время не придется заниматься систематическими изысканиями об этом предмете. Поэтому я нахожу себя вынужденным часто повторять то, что было сказано в упомянутой работе, по временам почти буквально. Однако я не упустил удобного случаях ввести некоторые коррективы и с другой стороны менее важные частности здесь не были обработаны так подробно, как в предыдущем сочинении.

Когда я передаю персидский текст, как таковой, я всегда пользуюсь системой, преобладающей в "Grundriss der Ironischen Philologie" однако с некоторыми небольшими изменениями. Для арабского ق вместо k применяется более подходящее и очевидное q, ض выражается через ḍ, ط через ṭ, потому что d, t легко могут быть приняты арабистами за ت, ذ. В немецком контексте, напротив, все специфические знаки избегаются, насколько возможно, и я пишу например Dschamschēd, а не Samsēd. Звук ژ /французск. j/ выражен через zh. В словах Shahnama Ironish значки долготы пропущены. Краткий "фатх" почти в везде передан через "a", кроме конца слова, где он выражается через "e", если ог м трический долгий через "oe". Определять и вводить различие между v и w в современном персидском языке мне кажется бесцельным. Таким же образом, как соблюдается различие между "ō" и "ū" и "ī" согласно древнему способу произношения, я выражаю зубную ассимиляцию, ставящую теперь "d" после гласных через "d". Я очень благодарен д-ру Horn, профессору Ethé и профессору Барону Разену, без помощи которых настоящее сочинение вышло бы даже более несовершенным. Horn предоставил мне

[1] Sitzungber. der Kaiserl. Akad. d. W. in Wien. Phil. hi
Bd. 126. 189

свою выборку из древних лондонских манускриптов для 800 стихов Дакики. Ethé сравнил для меня несколько дальнейших мест этого самого старого известного свода Шах-наме и немногие места в других манускриптах, скопировал для меня важную надпись у Аруди /2/ которая была позднее опубликована им самим_ и послал мне первые десять фолио своего издания Юсиф и Зулиха. Я обязан Розену тем, что использовал серию мест из усердно скопированных с крайней точностью с древнего Петербургского свода Шах-наме, большая часть текста, составленного Дакики, включена туда. Известная любезность соответствующих библиотекарей дала мне возможность использовать Лейденский и оба Страсбургские манускрипта[1] Шах-наме в моих собственных помещениях.

Наконец я также обязан моему другу проф. Ландауэру, который мне помог/ предоставив некоторые сочинения для ссылок.

/Страсбург, 1896/.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я полагал, что для [illegible] моего сочинения об иранском национальном эпосе первым необходимым условием было еще раз перечитать Шах-наме в целом . Это я сделал и даже некоторые более значительные части поэмы я еще раз перечитал от двух до четырех раз. Кроме того, я проштудировал еще раз более старательно некоторые из сочинений, использованные мною для статьи в " Grundriß

[1] Один из Страсбургских манускриптов содержит только вторую половину половину поэмы.

Ничего очень нового не было возможно найти в них, за исключением части обработки Гурара у Та алиби с историей персидских царей, опубликованной и переведенной Цотенбергом, который так долго не имел должной оценки на своей приемной родине.[1] Однако я в прежние дни отметил в своей копии издания Вуллерса полные сличения некоторых частей книги и поместил там, по крайней мере для некоторых мест, примечания о существующих вариантах. Для всейже части, для которой я должен был пользоваться только изданием Масна, о всяком сравнении текста к несчастью не могло быть и речи.

Это и кое что из печатных материалов я мог проглядеть. Вообще я прошу о снисхождении к моей настоящей работе, принимая во внимание ограничения по условиям времени и места, когда работа была выполнена /Страссбург, 1918 и 1919 г.!/, также как мой преклонный возраст.

Менее важные изменения в передаче арабских букв не нуждаются в специальном упоминании. Насколько далеко передача гласных может совпадать /3/ с их произношением Фердуси, это едва ли может быть решено даже приблизительно. Например не выяснено, произносил ли он "fatha" как нынешние персияне, согласно лучшим источникам, как а или э, по крайней мере в большинстве случаев, как а. В У1 и УП веках, если принять во внимание начертание персидских имен Прокопием, Агафием, Феофилактом и т.д. /Γουσαναστάδης, Χαναραγγης, Αρτα ξηρ и т.д./ произношение как преобладало, однако наряду с этим у Агафия также Παβεκι с ε(=ä).

Первое издание было посвящено Адольфу Михаэлису, которого милостивая судьба освободила от жизни в наше печальное время

---

[1] Париж 1900.

Кили также три иранисте, с благодарностью упомянутые в предисловии к первому изданию.

Я очень благодарен Гейдельбергской академии, облегчившей опубликование этого нового пересмотренного издания, предоставив значительные средства, и особенно моему коллеге Бецольду, первым поднявшему вопрос о субсидии, также и коллегам его в этом поддерживании.

Я благодарю также лиц, поименованных ниже в настоящем сочинении, давших мне сведения относительно чтения персидских стихов. Я далее выражаю благодарность ученым перси, приславшим мне издание Шах-намэ Amuzanda Shizmard[1]. Так как этот дар дошел до меня как раз при начале войны, мое письмо с благодарностью не могло дойти до Бомбея и было возвращено мне. Из рецензий на первое издание, известных мне, я прошу обратить внимание на краткую, но очень содержательную рецензию ныне также умершего специального литературного критика Рихарда М. Мейера.

/Карлсруэ. июль 1920 г./. Th. Nöldeke.

---

[1] См. ниже параграф 61.

[2] Zeitschrift für deutsches Alterthum und deutsche Literatur. Bd. 43, 83. foll.

[illegible]
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ФАБРИКА № 2
ЛЕНИНГРАД, ул. Гоголя, 22
Арт. 2294 Цена 60 к.